

СУЛХАН-САБА ОРБЕДИАНИ

ПУТЕ-
ШЕСТВИЕ
В
ЕВРОПУ

საქართველოს საბავშვო გამომცემლობა
საბავშვო გამომცემლობა
საბავშვო გამომცემლობა

საბავშვო გამომცემლობა
საბავშვო გამომცემლობა

საბავშვო გამომცემლობა
საბავშვო გამომცემლობა

საბავშვო გამომცემლობა
საბავშვო გამომცემლობა

სუცხან-საბა ოზბედიანი

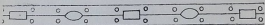

გმობა-

უკონა

ეკონაში

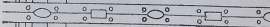
АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ГРУЗИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
имени Шота Руставели

СУЛХАН-САБА ОРБЕЛИАНИ

ПУТЕ-
ШЕСТВИЕ
В
ЕВРОПУ

Г 1
886.962.1-3
0636

Перевод с грузинского
ФАТЬМЫ ТВАЛТВАДЗЕ

Предисловие ГЕОРГИЯ ЛЕОНИДЗЕ

Перевод с грузинского
ЕЛЕНА ГОГОВЕРИДЗЕ

Редакция и послесловие РЕВАЗА БАРАМИДЗЕ

Художник Л. ЦУЦКИРИДЗЕ

0636.1-3
886.962.1-3

СУЛТАН-САВА ОРБЕЛВАНИ
ПУТЕШЕСТВИЕ В ЕВРОПУ

Редактор А. Беквашидзе, художественный редактор Н. Васильковский,
издательский редактор А. Мамука, корректор Э. Найма, Слово и правописа-
ние 3 января 1968 г. Подписано в печать 18 января 1968 г. Бумага 60x90^{1/4}
Усл. печ. л. 3,25. Учетно-издат. л. 3,11. Заказ № 448. Тираж 10000
УФ 8070. Цена 21 коп. Издательство «Искра». Тбилиси, пр. Rustaveli, 4.
Технографический отдел ЦК КП Грузии, Тбилиси, ул. Ленина, 14.

საქართველოს ეროვნული ბიბლიოთეკა
საქართველოს ეროვნული
ბიბლიოთეკა

საქართველოს ეროვნული
ბიბლიოთეკა

СУЛХАН-САБА ОРБЕЛИАНИ

(1658—1725)

«Ему 60 лет, он высок ростом, бодр и сильного телосложения; у него прекрасное лицо и... длинная борода, которая очень ему идет»¹. Так описывал внешность Сулхана-Саба один итальянец, встречавшийся с ним в Тоскане.

«Я рад, что в Риме вами усердно занимается молва, правильно вы себя ведете и умно», — сказал папа Климент XI грузинскому писателю², которого «вся Грузия считала своим отцом».

Современники называли автора «Мудрости вымысла» «великим исследователем, глубоким мудрецом», «ученым и философом», «источником, рекой мудрости». Поэт-современник воспел его во вдохновенных стихах:

Саба-Сулхан сын Орбели
Поднялся мудростью выше орлов.

Окруженный ореолом, стоит в пантеоне грузинской литературы и культуры великий просветитель и гуманист, писатель и лексикограф, поэт, большой государственный деятель и дипломат Сулхан-Саба Орбелиани. Имя «Саба» («Савва») Сулхан получил в монашестве.

Сулхан-Саба принадлежал к знатнейшему феодальному роду, который дал в свое время немало славных

¹ М. Тамарадзе, История католицизма в Грузии, Тифлис, 1902, стр. 328 (на груз. яз.).

² Сулхан-Саба Орбелиани, Путешествие в Европу, Тбилиси, 1940, стр. 61 (на груз. яз.).

национальных деятелей — писателей, поэтов, каллиграфов и полководцев. Многие представители рода Орбелиани играли выдающуюся роль в общественно-политической и культурной жизни Грузии средних веков.

Сулхан Орбелиани родился 4 ноября (по новому стилю) 1658 года. Сохранилась записка, в которой точно указана дата рождения писателя. «Родился Сулхан-Саба Орбелиани в 1658 году, октября 24, в воскресный день, в полуночное время».

Родина Сулхана — село Таидзана (Южная Грузия, ныне Болнисский район), наследственное владение Орбелиани.

Сын крупного феодала, Сулхан имел широкие возможности получить блестящее по тому времени образование.

Отец его считался человеком ученым. Между прочим, он был в то время одним из немногих, владевших так называемым «заглавным округлым письмом». «Заглавные буквы, — писал один из сыновей Вахтанга, известный каллиграф и церковный поэт Николоз Тбилили, — издревле были приняты у грузин, но в наше время никто не был им обучен, кроме старшего брата моего, Сулхана-Саба. Он же научился им у отца моего, а затем обучил и меня».

К сожалению, не сохранилось сведений относительно матери Сулхана Тамар. Можно думать, что она, как дочь арагинского правителя и внучка «великого Эристана Нугзара», также была вполне образованной женщиной. Недаром семья Орбелиани дала Грузии таких крупных деятелей, как Сулхан-Саба и его братья — известный поэт Дмитрий Орбелиани, упомянутый выше Николоз Тбилили и каллиграф Заал-Зосиме.

Мы полагаем, что годы учения Сулхан провел при дворе грузинского царя Вахтанга V, или Шах-Наваза (1658—1675). Будущему придворному, сановнику, дипломату и государственному деятелю необходимо было заранее ознакомиться со всей системой управления государством. Здесь же он мог удовлетворить и свою любознательность, получив доступ к богатой царской библиотеке, в которой хранились редчайшие грузинские и персидские фолианты. Ведь Сулхан, по собственным его словам, «был очень большим любителем учения».

Сулхан, по традициям рода, очень рано отдался государственной деятельности.

В 1698 году произошел резкий перелом в жизни Сулхана Орбелиани. С этого времени придворный, феодал и баснописец становится «смирненным монахом Саба».

Какие переживания, какие потрясения могли привести великого Орбелиани к воротам монастыря Иоанна Крестителя в пустыне Давид-Гареджи 18 марта 1698 года?

Монашеский клубок надевает крупнейший мыслитель Грузии, значительное творение которого книга «Мудрость мышления» полна солнечной радости, зротики и сарказма по отношению к христианскому фанатизму и церковно-клерикальным клямам.

Мы склонны предполагать, что пострижение Сулхана в монахи не было насильственным актом. Пессимистические настроения Орбелиани скорее были вызваны политическим и экономическим положением Грузии, острым сознанием морального упадка правящих кругов.

Наконец, если верить утверждению католического миссионера, проживавшего в Грузии, Саба стал монахом, чтобы добиться большей свободы действий в борьбе за сближение грузинской православной и римско-католической церкви. Такое решение Сулхана диктовалось политическими соображениями. По мнению Саба, таким путем можно было освободить Грузию от магометанского ига и поднять ее благосостояние.

Сулхан поселился в пустынной местности Давид-Гареджи, вблизи монастыря Иоанна Крестителя. На этой безводной, голой равнине водились лишь джейраны и во множестве змеи. Монахи-отшельники, связанные с монастырем, жили в расселинах скал поблизости от него.

Суровая, неприглядная природа и частые набеги врагов сделали жизнь в Гареджинской пустыне трудной и опасной. В те времена дагестанские феодалы были длинным быком Калетни, которая постоянно находилась под угрозой вражеского вторжения. «Трудно было осмелиться жить в тех местах из-за постоянных вражеских нашествий», — писал один из современников Сулхана.

Однако даже в пустыне Сулхан-Саба не прекращал своей политической деятельности.

Позже он надолго покинет монастырь и отправится с дипломатической миссией сначала в Иран, затем в Париж и Рим. И даже в проповедях поры сурового отшельничества явно прорываются его национально-политические тенденции. В них Саба предстает перед нами как непреклонный моралист и пламенный трибун. С гневом и болью видит он разорение своей отчины.

Хищнические инстинкты феодалов, их эгонистические расчеты, анархия, вызванная борьбой претендентов за престол, непрерывные войны, торговля пленными — все это подрывало национальную экономику. В огне пожаров исчезали целые города и села. Народу грозила гибель.

Известно, что ради политической карьеры и сохранения своих прав некоторые феодалы-честолюбцы готовы были на все, в том числе с легкостью отказывались от веры своих предков. Даже за номинальный переход в магометанство иранский шах жаловал крупными поместьями, наделял вновь обращенных широкими правами, которые использовались главным образом для угнетения народа. В результате население Грузии в XVII—XVIII веках значительно сократилось за счет постыдной торговли людьми на невольничьих рынках Стамбула, Исфагана и Алжира.

В такой-то атмосфере и приходилось жить и бороться Сулхану Орбеллиани.

Своим резким словом он беспощадно разоблачал изменников веры и отечества.

«...Вы продаете веру за мелкую мзду или из зависти к соседу! — восклицал Сулхан. — Стоит вам увидеть блестящий наряд на ком-либо из богачей, парчу или золотистую ткань, как вы исполняетесь завистью к нему, предаетесь стяжательству, грабегам, творите всякие беззакония...»

Следует отметить, что и сам Саба становится убежденным католиком. В Риме он приобрел репутацию «очень стойкого» и «весьма преданного католика». Сам папа Климент XI говорил, что Саба «проявил многообразные и превосходные черты ревностной веры».

Ориентация на Рим прочно утвердилась в грузинских политических кругах, католические миссионеры добивались слияния грузинской церкви с римско-католической,

вопрос о таком слиянии не сегодня-завтра предполагалось поставить на практическую почву.

Так или иначе, Саба до отъезда в Европу лишь негласно исповедовал эту религию, подобно грузинским царям и некоторым феодалам. Официально же он принял католичество только в бытность свою в монастыре Сан-Базилио.

Эта догадка подтверждается также тем обстоятельством, что мы не располагаем хотя бы одним-единственным документом, свидетельствующим о деятельности Саба-католика и о его активных сношениях с Римом до поездки в Европу, если не считать упомянутой записки, с которой Саба обратился к папе 15 августа 1709 года.

Любопытно, что о принадлежности Саба к ордену св. Базилия упоминается лишь с 1713 года. Представители конгрегации пропаганды веры папской канцелярии, так же и сам папа Климент XI, очевидно, с полным основанием называли Саба «монахом ордена св. Базилия».

Во время путешествия в Сицилию Саба исповедовался в монастыре Сан-Базилио. «В Мессине ваш консул проводил меня и оставил в нашем монастыре св. Базилия», — писал он французскому министру.

Интересен также тот факт, что сопровождавший Саба грузинский монах был «базилланцем».

Однако Орбелляни, даже если он и был в ту пору неофитом, все же не считался заурядным членом могущественного ордена: ему была присвоена степень «старейшины базилланцев». Саба, по свидетельству Вахтанга VI, являлся старшим монахом ордена св. Базилия в монастыре святого Иоанна Крестителя в Грузии.

Грузинское духовенство, разумеется, не осталось равнодушным к его миссионерской деятельности и подвергло латинофила Саба жестоким преследованиям. Миссионер дельла Рока писал, что Сулхану «нанесли много оскорблений и причинили беспокойств из-за его твердой приверженности к католической вере». Документы Ватикана также свидетельствуют о том, что «грузины очень разгневались» на возвратившегося из Европы Саба.

Сам Саба более подробно рассказывает о гонениях, которым он подвергался со стороны грузинского духовенства.

«Грузинские епископы и священники стали преследовать меня за то, что я был в Риме, — пишет он. — Духовенство пожелало созвать собор и сокрушить меня. Созвали собор во Мцхета и потребовали, чтобы я признал хулу на папу. Я не мог отречься... Они пытались причинить мне много зла».

* * *

Начиная с XIII века конгрегация пропаганды веры в Рим энергично добивалась подчинения грузинской церкви папе римскому. Грузия, в свою очередь, искала в Западной Европе при поддержке католических кругов прежде всего сильного и культурного покровителя. Эфемерные надежды на помощь Европы особенно ярко проявляются с первой половины XIII века, то есть в тот период, когда Грузия была политически в крайне тягостном положении.

Наиболее гибкие политические деятели страны рассчитывали благодаря содействию папы получить помощь европейских государств. «Сердца наши и взоры устремлены к тебе, и мы смотрим на тебя с большой надеждой... Вырви нас из волчьей пасти, не обрекай на гибель», — писал Георгий XI папе Иннокентию XI.

В этих словах ясно выражены стремления определенных общественных кругов Грузии, выдающийся представителем которых был Сулхан-Саба Орбелиани. Поэтому мы полагаем, что правы были те римские миссионеры, которые считали, что Саба стал монахом, желал свободнее действовать в целях объединения грузинской и римско-католической церкви. А в конечном счете эти его помыслы были направлены к освобождению Грузии от постоянных посягательств со стороны персидских и турецких захватчиков.

Миссионер Джустин Ливорнский сообщает в одном из своих донесений папской канцелярии, что Саба воспитал Вахтаंगा и его супругу — царицу Русудан.

Как известно, царь и царица действительно с большой любовью относились к Саба. В письмах Вахтаंगा своему воспитателю обычными были теплые обращения, как «возлюбленный дядя», или концовки «остаюсь напеки, каким был до сих пор, покорнейшим племянником моего возлюбленного дяди», «нижайшая племянница

(или племянник) моего возлюбленного дяди» и т. п. Чтобы яснее представить себе откошение царской четы Сулхану, достаточно вспомнить волнующую картину прощания с ним в Гори в день отъезда на Запад. Миссионер Ришар описывает, какое гнетущее впечатление произвела на царицу Русудан и на царский двор весть о неизбежной разлуке с Сулханом-Саба Орбелнани.

«Как только свита Саба узнала о его решении, она тотчас же obavестила царицу, которая срочно разослала более тридцати гонцов с письмами к Саба и к владельцам князей, мимо которых мы должны были проезжать. Письма царицы, наследника Бакара и некоторых офицеров глубоко растрогали Сулхана. В них сообщалось, что царица, узнав о нашем отъезде, впала в глубокую скорбь и так неутошно рыдала, что сейчас находится чуть ли не на краю смерти. Но Саба всех успокоил, заверив, что скоро вернется, и мы продолжали наше путешествие».

Авторитет Сулхана-Саба, особенно в первый период царствования Вахтанга (1703—1712), казался незыблемым. До того как Вахтанг VI стал правителем Картли, Саба делил с ним все трудности беспокойной скитальческой жизни в глухих уголках Грузии.

Коренное улучшение народного хозяйства, достигнутое в период кратковременного царствования Вахтанга VI, литературные, исторические, географические и юридические памятники тех лет наглядно говорят о том, что страна, направляемая опытной рукой Сулхана-Саба Орбелнани, вступила на верный путь.

Однако царствование Вахтанга оказалось недолговечным. После смерти Кайхосро I он вместе с Саба отправился в Иран. Шах принял Вахтанга с большими почестями, но все же потребовал от него перехода в магометанство, на что получил решительный отказ. Тогда Султан-Гусейн назначил правителем Картли брата Вахтанга — Иаса, принявшего магометанство, а самого Вахтанга приказал отправить в Кирман. И Картли снова страдает от предательства и кровавых столкновений.

Саба не отступился от своего воспитанника даже в этой, казалось бы, безнадёжной ситуации.

Именно ради спасения Вахтанга он и предпринял позже трудное путешествие в Париж и Рим и, опираясь

на свои католические связи, добивался там материальной и моральной поддержки против исконных врагов.

Дипломатическая деятельность, которой Саба отдала волей-неволей последние годы своей жизни, стала известна, главным образом, в связи с этой его миссией в Европу. Однако, как выясняется, это было далеко не единственное дипломатическое поручение, доверенное ему правителями Грузии. Так, по сообщению царевича Иоанна, Саба, находясь при иранском дворе, «весьма потрудился, съездив в Исфагань с поручениями царей».

Известно также, что Сулхан в 1711 году выполнял какие-то дипломатические поручения царя Кайхосро. «В декабре 1711 года, — читаем в «Словаре», — Саба отправился в Хорасан. Царь Кайхосро призвал его 11 декабря и отправил со многими дарами».

Так или иначе, уже до поездки в Европу Сулхан завоевал всеобщее уважение на родине своей дипломатической деятельностью.

Поездка же ко двору Людовика XIV и папы Климента XI выдвинула его в число крупнейших дипломатов того времени.

Мы уже говорили о том, что на протяжении веков грузинские дельцы не теряли призрачных надежд на помощь со стороны Западной Европы. «Мы думаем и даже видим, что солнце начинает озарять своим ослепительным сиянием всю остальную часть земли», — писал после падения Византии картлийский царь Константин Изабелле Кастильской.

Сулхан-Саба в бытность свою в Версале обратился к Людовику XIV со следующими словами: «Великий король, ваша держава стала помощью царям и покровителем веры даже в таких отдаленных краях, как наши страны».

Именно эта «помощь царям» и внушала несбыточные надежды Вахтангу, Саба и другим государственным деятелям Грузии первой половины XVIII века. Ведь еще в 1709 году Саба писал папе: «Пусть ваша защита и помощь делом снизойдут на нас, православных, которые терпят большие бедствия от врагов».

Опасаясь вызвать гнев сторонников Ирана, Саба вынужден был соблюдать самую строгую конспирацию, поэтому-то он и уехал тайно из Грузии.

Мы не имеем никаких сведений о том, как добрался Саба до Константинополя, поскольку первая часть его «Путешествия», к сожалению, пока еще не найдена. Однако за долю Саба, очевидно, выпали большие трудности. Их-то и подразумевал Вахтанг, когда писал Саба: «Я очень огорчился, узнав, что вы сильно измучились в пути».

В апреле 1714 года Саба был принят в Версале «королем-солнцем» — Людовиком XIV, рассказал ему о тяжелом положении Грузии и просил освободить Вахтанга из плена, для чего, по мнению Орбеллиани, необходимо было вручить 300 000 экю в качестве «подарка» влиятельным лицам Персии. За это грузинский посол обещал французским коммерсантам открыть удобный торговый путь через Грузию и приобщить всю страну, в том числе мелкие племена Закавказья (24 провинции), к римско-католической церкви.

Людовик XIV дважды принял Саба, позволил ему осмотреть Версаль и Париж, с готовностью обещал деньги для выкупа Вахтанга и свою моральную поддержку.

Успокоенный его заверениями, Сулхан-Саба Орбеллиани все свободное время отдавал изучению незнакомой ему страны, ее богатой культуры.

Сохранился любопытный анекдот о пребывании Саба во Франции: когда он в качестве государственного посла Грузии предстал в Версале перед Людовиком XIV, последний только что оправился от болезни, страдал от упадка сил и был не в духе. Саба сердечно поздравил его с выздоровлением. В ответ король заметил, что, хотя он и избавился от одного злейшего врага — болезни, но на него ополчился другой враг — старость.

— Это нелегкая вещь — переналить за шестьдесят лет! — заключил король, которому уже перевалило за семьдесят.

— Государь, — ответил Саба, — ваше величество с такой грацией носит этот возраст, что каждому хотелось бы обладать им!

Ответ Саба понравился и королю и придворным, его передавали из уст в уста. Он стал известен также при дворе русского императора... «Фельдмаршал Александр Иванович Вязьминский, — писала Ольга Ильинична Грузинская, — во время своего наместничества в Грузии не

раз слышал о старейшем грузинском посланнике и как-то рассказывал о его удачном ответе... Александру II.

Случилось, что Андриан Иванович Блюменталь поехал в Петербург, чтобы представиться государю. День представления был уже назначен, когда почтенный старик неожиданно заболел и не попал на прием... Государь всегда был особенно к нему милостив и не раз посылал осведомиться о его здоровье. Наконец Андриан Иванович оправился настолько, что мог явиться ко двору... Он извинился за то, что два раза обеспокоил царя просьбой...

— Настоящая причина этой невольной неучтивости — мои семьдесят пять лет, — добавил Блюменталь.

Государь улыбнулся.

— Вы... конечно, слышали о грузинском поэте Сулхане-Саба? Я отвечу вам его словами: «*Vous portez cet âge avec tant de grace, que chacun voudrait l'avoir!*»

Обнадеженный и обрадованный милостивым приемом, Саба в первых числах июня отплыл на королевском корабле в Рим. Французское правительство заранее сообщило о его приезде Ватикану и просило оказать Саба особое внимание.

Действительно, посла Грузии приняли в Риме как желанного и почетного гостя.

Казалось, все сильные мира сего во главе с папой сговорились внушить Сулхану-Саба твердую веру в добрую волю Запада: и кардиналы, и грандук, и римская знать. Папа Климент XI при свидании обещал ему всяческую помощь в деле освобождения царя Вахтанга.

Саба поместили в монастыре св. Лазаря, окружив вниманием и заботами. Папская карета была предоставлена в его распоряжение на все время пребывания в Риме.

«Много имели мы от французского короля довольствия и милостивого внимания, но тут мне благодетельствовали еще больше», — рассказывает Саба. Высшие представители государственной и духовной иерархии каждый день устраивали в его честь приемы. «Очень нас угощали, — жалуется он, — ибо многие приходили и ласкали нас».

«Путешествие» Сулхана-Саба Орбелвани свидетель-

ствует о широте его кругозора как мыслителя, о многогранности его интересов.

Приглядываясь к раскрывшемуся перед ним новому миру, Сулхан-Саба невольно сравнивал его с многострадальной Грузией. Окрестности Флоренции напоминают ему пейзажи Мегрелии (Западная Грузия), итальянское вино — живительную влагу апеннинских виноградников (близ г. Гори).

Как видим, Саба проявил себя искуснейшим дипломатом. Если Людовика XIV он соблазнил главным образом прибыльным торговым путем, то с папой он говорит об усилении и процветании католицизма.

После длительного путешествия Сулхан-Саба возвращался в Грузию с теми настроениями, с какими и прежде неизменно возвращались грузинские дипломаты. Уже во время пребывания в Европе начинал угасать их энтузиазм. Вместо крестоносцев с мечами их сопровождали босовогие капуцины и францисканцы с папской буллой, где было немало извинений и еще больше утешительных слов.

Ограбленный, измученный и больной, добрался наконец Саба до границ любимой родины.

Мы узнали во всех подробностях, как Сулхан-Саба Орбелиани всю жизнь верой и правдой служил царю Вахтангу VI. И Саба в самом деле был добрым гением страны в годы его царствования. Но феодальная оппозиция, прописка духовенства и слабохарактерность царя привели к катастрофе.

Вскоре, притом совершенно неожиданно, при дворе Вахтанга произошло непонятное событие: последовал разрыв между царем и Сулханом-Сабой. «Коварство мира сего отдалило их друг от друга, а любители междоусобий всически стремились еще более разжечь познившие между ними разногласия». Гнев Вахтанга был так неистов, что обрушился даже на головы братьев Сабы, на весь род столь преданных ему Орбелиани. А между тем, по словам Сабы, ни он, ни его братья ни в чем не были грешны перед царем: «Царя попросту распалили против меня и моих братьев...»

Оппозиционно настроенные феодалы приложили все усилия, чтобы изолировать Сабу от правящих кругов. Интриганы жестоко разделались с ним, но сердце царя

все же не осталось глухим к горю своего воспитателя, и он, смилостивившись, «простил» Саба.

В примирении Вахтанга с Сулханом определенную роль сыграли их общие литературные интересы.

В интересующий нас период Вахтанг занимался переводом с персидского известного сборника басен «Калила и Димна». Он обратился к опальному воспитателю и другу с просьбой отделать поэтическую часть перевода. Со свойственной ему отзывчивостью Сулхан-Саба согласился взять на себя этот труд и блестяще обработал грузинский текст «Калилы и Димны».

Перевод выполнен в прозе со стихотворными вставками. Точно так же как и «Мудрость вымысла», сборник этот носит дидактически-воспитательный характер. В нем проводится мысль, что о человеке следует судить не по его происхождению или богатству, а по знаниям и высоте культуры. В книге правдиво и ярко изображено бедственное положение крестьян, которых грабят и разоряют жадные, неасытные феодалы.

Совместная работа над переводом снова сблизила Вахтанга и Сулхана-Саба.

В дальнейшем положение в Закавказье продолжало осложняться. Шах лишил Вахтанга картлийского престола и передал Картли царю Кахети Константину.

Следует отметить, что к тому времени Петр I, желая поддержать Вахтанга, перебросил к границам Грузии 2.000 солдат с артиллерией, но помощь эта запоздала: Тбилиси был занят лезгинскими кизилбашами, а затем арарумским пашой. В то же время Турция приступила к захвату иранских владений в Закавказье. В таких условиях Россия уже не могла вмешаться и повлиять на ход событий и Вахтангу пришлось покинуть родину. В июне 1724 года с многочисленной свитой он эмигрировал в Россию, где рассчитывал добиться более основательной помощи для освобождения Грузии. Однако судьба его сложилась иначе — из России он уже не вернулся.

Продолжал ли Саба после примирения с царем оставаться его ближайшим советником и, в частности, принимал ли он участие в решении такого важного политического вопроса, как вопрос об ориентации на Россию? По нашему мнению, тот факт, что Саба последовал за

Вахтангом в Россию, говорит о том, что он по-прежнему принимал близкое участие в государственных делах.

За мажестивнейм лезгиа последовало вторжение турок, Грузия была разгромлена. «Страну разорили, — писал Вахтанг Петру I, — все селения вокруг города разорены и постройки разрушены. Множество людей угнано в плен, язык не в состоянии описать наших бедствий. Вель Кахети вся занята лезгинами».

Потерпев поражение, Вахтанг через Гори—Цхинвали—Рачу вместе с двухтысячной свитой направился в Россию. «В Грузию мы больше не могли оставаться, — писал он, — нас бы не пощадили...» Вахтанг желал лично побеседовать с Петром и добиться основательной военной помощи для спасения грузинского народа.

В предании Вахтангу многочисленной свите находился и шестидесятисемилетний старец Сулхан-Саба Орбелиани.

Всего лишь восемь лет назад Саба, перенесший столь тяжкие испытания, вернулся на родину из своего длительного путешествия по Европе.

Полностью избавившись от иллюзорных надежд на помощь со стороны западных держав, Вахтанг прочно и окончательно связал свою судьбу с судьбой Российского государства. В этом решении его поддерживал Саба Орбелиани. Как Вахтангу, так и Саба союз с Россией представлялся единственным надежным путем спасения страны.

«Когда мы отправились в Россию, — рассказывает сам Вахтанг, — шестидесятисемилетний старец Саба по своему обыкновению не пренебрег любовью отца нашего и дяди, а также нашей преданностью и сопровождал нас с тремя братьями и двумя племянниками».

В составленном Вахтангом списке своей свиты (1724) упоминается «сын князя Саба, его брат Зосиме, оба — монахи-послушники, с пятью слугами и одним сыном азнаура».

Приехав в Москву, Сулхан-Саба поселился, конечно, у Дареджан: наревна была единственным близким человеком в огромной и чуждой ему столице.

Дареджан была последней оставшейся в живых пред-

RQ 357.290

ставительницей большой когда-то семьи царя Арчила. Отец ее, мать и братья умерли один за другим. Почти с детства была Дареджан оторвана от родины. И только неустанная деятельность по укреплению русско-грузинских отношений, заботы о грузинской культуре, покровительство эмиграции скрашивали ее печальное одиночество.

От царя Арчила Дареджан достались в наследство два дворца: один в центре Москвы — Голицынский дворец¹, другой — на окраине столицы, в селе Всехсвятском. Здесь 30—31 января 1722 года царевна торжественно принимала возвратившегося после шведской войны Петра. В ее дворце был устроен пышный маскарад.

В том же дворце Петр и Дареджан совещались о будущих путях Грузии, в частности, об участии грузинского войска в походе против Персии. Во Всехсвятском остановился сейчас для краткого отдыха и Сулхан-Саба. Он все еще рассчитывал в ближайшие дни выехать в Петербург с письмами царя Вахтанга.

В документах коллегии по иностранным делам Саба упоминается только однажды, 6 (17) ноября 1724 года; других документов, проливающих свет на его пребывание в Москве, пока не удалось обнаружить. А между тем оно затягивалось и, очевидно, надолго. Саба заболел. О поездке в Петербург нечего было и думать. Выпавшие на долю старика испытания оказались свыше его сил.

26 января 1725 года сердце великого грузинского патриота перестало биться. Через два дня, 28 января, скончался Петр I. Сохранилась следующая приписка очевидца на «Словаре» Орбелиани: «Саба скончался в 1725 году, января 26, вечером, в Великой Москве, во Всехсвятском, во дворце Арчила, и был погребен там же в церкви, повелением, иждивением и в присутствии царевны Дареджан».

Вахтангу VI не пришлось воздать последних почестей своему воспитателю; оплакать престарелого Саба выпал

¹ Этот дворец сохранился и до наших дней. Он стоит во дворе Совета Министров Союза ССР, против гостиницы «Москва». До начала XIX в. дворец принадлежал грузинскому царственному роду — потомкам Вахтанга VI, князьям Грузинским.

ло на долю Дареджан, дочери его любимого дяди Арчила.

Всецарское, где похоронен Сулхан-Саба Орбелиани, стало исподволь значительным культурным центром грузинской эмиграции в России. Здесь с 1699 года жил царь Арчил, здесь же протекала его плодотворная литературная деятельность.

Позже здесь развернули свою деятельность его сын Александр, первый фельдцейхмейстер русской артиллерии, сподвижник Петра I, знаменитый историкограф Вахушти Багратиони, многие члены семьи Вахтаंगा, и в частности — Бакар.

Достаточно назвать имена таких деятелей грузинской культуры, как Иосиф Самбели, Христофор Гурамишвили, Николай, Дмитрий и Зосима Орбелиани (братья Сулхана-Саба), Эрасте Туркестанишвили, поэты Мамука и Фома Бараташвили, Дмитрий Саакадзе, Мамука Гурамишвили, Давид Гурамишвили и многие другие, чтобы понять, какое огромное значение имел этот центр не только для проживающих в России грузинских эмигрантов, но и для всей Грузии, для ее культурной жизни.

В сороковых годах XVIII столетия (1743) во Всецарском впервые была напечатана грузинская Библия и другие книги.

Грузинские эмигранты знакомили свой народ с лучшими произведениями русской литературы, церковной, научной, художественной, военной и пр., переводили и с грузинского языка на русский, внося таким образом вполне реальный вклад в дело сближения русского и грузинского народов.

Где же все-таки искать могилу Сулхана-Саба? Очевидно, в склепе или в ограде Всецарской церкви. В записи сказано: «Погребен там же в церкви». Однако церковь во Всецарском была воздвигнута «византийцем» царевны Дареджан уже после смерти Саба на том месте, где стояла полуразрушенная и запущенная церковь князей Милославских. Поскольку во Всецарском других храмов не было, очевидно, Саба был погребен в склепе

старинной церкви, там, где в тридцатых годах XVIII столетия был построен храм, стоящий и поныне.

Таким образом, место последнего упокоения Саба оказалось под указанной церковью в селе Всехсвятском, в ограде которой погребены поэты Мамука Бараташвили — грузинский Буало, первый грузинский драматург Георгий Авалишвили (умер в 1850 г.), поэт Дмитрий Багратиони, Дмитрий Цицишвили и другие.

Свою беспокойную жизнь Сулхан-Саба Орбелиани посвятил всю до последнего вздоха делу объединения и возрождения родины. Он подвергался тяжким преследованиям со стороны современного ему общества, которое мстило мыслителю за его политические и литературные взгляды. И, как Данте Алигьери, ему пришлось испытать «горечь чужого хлеба».

Он много ездил по свету, видел Исфагань, Рим, Париж, Стамбул и Москву — политические центры тогдашнего мира — и нашел место последнего упокоения в московской земле.

Георгий ЛЕОНИДZE

¹ Неподалеку от нынешней станции метро «Соколь».

**В ПУТЕШЕСТВИЕ
ЕВРОПУ**

ОТЪЕЗД СУЛХАНА-САБА ОРБЕЛИАНИ ИЗ ФРАНЦИИ И ПРИЕЗД ЕГО В ИТАЛИЮ

Июня пятнадцатого числа 1711 года. Мы выехали из южной окраины Франции, называемой Антиб-городом. Проехали десять миль, и кончилась Франция. Ницца — город в Италии, принадлежащий владетелю Савойи. Правитель Савойи раньше назывался дуком. После заключения мира ему отдали Сицилию. Прежде она была у короля Испании. Теперь это большое королевство и правитель его называется королем. Вдали видны высокие снеговые горы, скалистые края с глубокими ущельями, принадлежащие Савойе. Прошли еще пять миль и добрались до небольшой бухты у маленького савойского города Лафранги (Вилла-Франка). Крепость хорошо укрепленная, сильная, но когда французы поссорились с савойцами, они изрешетили ее из пушек. Крепость взяли, но разрушить ее не смогли. После заключения мира она была возвращена. Тут мы вышли пообедать. Король савойский, проведав о нашем приезде, выслал к нам воеводу, который ждал нас. Он немедленно явился к нам, любезно беседовал с нами, приглашал нас к савойскому королю; мой король-де прислал меня к тебе за тем, чтобы ты взял на себя труд пожаловать к нему. Я ответил с достойной вежливостью. Поехать к нему мне было невозможно. Король прислал нам в подарок хорошие вина, фрукты, апельсины [померанцы] лимоны. Таких черешен и абрикосов нигде я раньше не видал. Мы пообедали и поехали дальше. Нас проводили салютом. Выстреляли из шести пушек, оказывая нам положенные поче-

сти и внимание. Они даже превосходили положенное. Я ехал не к ним, они пригласили меня, я не пошел к ним, а они меня встретили. Дочь короля савойского была супругой испанского короля. [Ее смерть я описал выше.] Мы проехали еще десять миль мимо трех-четырех сильных савойских крепостей, скалистых и крепких. Попадались редко леса. Множество оливковых деревьев, виноградников, но мало пашен. Дул встречный ветер. Судно наше с трудом продвигалось вперед. Прибыли в город Монако. Здесь одна скала вдается в море, подобно тбилисскому Метехи¹. С трех сторон его омывает море, и только с одной узкий въезд. Сама же крепость укреплена: вокруг в два ряда стоят пушки. Виднеются богатые монастыри. Город Монако принадлежит одному владельцу, который никому не подчиняется. Теперь он опирается на французского короля. Когда я был в Париже, видел там самого владельца Монако. Он вострился в монахи, а управление страной передал своему младшему брату. Город-крепость стоит на возвышенности. Мы же остановились в домах у берега моря. К нам прислали человека, который пригласил меня к королю. Но я торопился, хотел уехать пораньше. Извинившись, я сослался на утомление и послал к нему с поклоном господина Ришара. Последнему оказали большие почести. Незамедлительно выстрелили из семи пушек. Оказали большие почести. Страну эту не называли бы богатой, она вся скалиста, пахотных земель мало, но зато много оливковых деревьев, фруктов, инжира, сикоморы, померанцев и цитрусов. Хорошая гавань. Затем владелец прислал к нам одного настоятеля и вельможу, извинился, хотел-де, чтобы вы пожаловали ко мне. И я послал ему почтительный ответ.

Июня шестнадцатого. Рано выехали [мы из Монако]. Снова [в нашу честь] стреляли из семи пушек. На каждый выстрел из пушки наши гребцы выкрикивали «вай-варух» [виват]. Благодарили за оказанную честь — да возрадуется, да здравствует.

Мы поплыли мимо хороших сел и сильных крепостей. Проехали десять миль и прибыли в маленький укрепленный город, принадлежащий им же. Попутного ветра не было, и мы оста-

¹ Метехи — древнейший район Тбилиси, раскинувшийся на высоком скалистом плато, которое полуостровом врезается в течение реки Куры.

Комментарии даются только к географическим названиям, памятникам искусства и предметам быта Грузии. (Прим. ред.)

навались там. Живописная эта местность, очень нам понравилась прекрасные колокольни. Дома упирались в небо. Лесом, видимо, здесь бедны. Вокруг скалы. А если и есть деревья, то все фруктовые. Осмотрели три поистине прекрасных монастыря. В одном покоятся святые мощи, положенные прямо на престол. Построен престол из цветного мрамора и цветного агата. Там находилась плащаница, сделанная так, словно Христа только что сняли с креста и еще кровь на ней не высохла.

Июня семнадцатого в полночь отплыли и прибыли в Генуезские владения. За этим городом тянутся сплошь красивые дома. Но была ночь, и не смогли их осмотреть. С рассветом прибыли в город Сан-Ремо, принадлежащий Генуе. Оказывается, мы проплыли двадцать четыре мили. Город хороший, большой и укрепленный. Большие крепости и превеликие монастыри. Видны дворцы знатных людей. Некоторое время мы рассматривали его в гавани. После того, как мы въехали в Генуезские владения, скал стало меньше, зато лесов больше. Во множестве оливковых деревьев, померанцев. Эти места более открытые. Немного подальше, в одном селе мы обедали. Съели лишь двенадцать яиц и немного зеленой фасоли. Принесли также крабов. Запросили шесть плури¹. С трудом согласились за пять марчили². Об этом я пишу потому, чтобы все поняли, как щедро тратился на меня французский король, как он заботился обо мне, как принял меня. Уехали оттуда. Миссвали множество сильных крепостей и сел. В этих местах на большом пространстве были погублены виноградники. Местные жители к террасам подвели стены, подравняли края и разбили на них виноградники. Но все они разорвались. Я спросил, почему это произошло. Мне отвечали, что земля здесь непригодна. Да, но если земля непригодна, почему разбили на ней такое множество виноградников? Местность напоминала Гегути³. Оттуда проехали девять миль. Прибыли в город Порто-Маурицио. Над морем высокая гора. На ней стоит город, довольно большой и красивый. Приятное зрелище для глаз. Видно множество больших монастырей, красивых садов. Подальше от города, на расстоянии чуть поболее пол-аджи⁴ простирается равнина. На ней большой город, ко-

¹ Плури — золотая монета в 1 р. 40 к. серебром.

² Марчили — серебряная монета в 60 к.

³ Гегути — местность в Западной Грузии, вблизи г. Кутанен.

⁴ Эджи — единица измерения, приравненная к миле.

который называется Онелья. Принадлежит она савойскому правителю. Отсюда прошли шесть миль. Прибыли в город (Дана). Город этот хороший. Здания добротные. В отличие от других, место это более открытое. Мы [остановились] там на ночь. Город принадлежит Генуе, и сидит там французский консул. Он пришел за нами и поселил нас в своем доме.

Июня восемнадцатого мы прошли десять миль. Приехали в город Аяччио. Город большой. Встретила нас жена короля Людовика. Она француженка. Она, оказывается, овдовела. Сына оставила в Риме. Святейший папа выслал ей свои катарги. Она уезжала во Францию. Проехали дальше три мили. Прибыли в город Альбенгу. Вдоль морского берега на большое расстояние раскинулся густой кустарник. Поодаль от моря, в лесу, маленький городок, но в нем много монастырей. Вокруг много деревень. Большие поселения, глубокие ущелья. А дальше [следует] город за городом. Вдоль морского берега— крепость за крепостью и множество сел. Они расположены так близко друг от друга, что вызывают удивление. Приехали в город Лоану. Уехали и оттуда. Всего прошли тридцать одну милю. Прибыли в город Пиэзу, который слывет воинственным городом. В этом городе находятся пять-шесть сильно укрепленных и больших крепостей. Два ущелья, крепкие и скалистые, сходятся в начале города и два в конце. Здесь много хороших монастырей. Город этот был самый укрепленный и самый населенный из всех, которые мы проезжали. Далее проехали Ноли, небольшой городок, со многими монастырями. И немного дальше от него город Лимонна. И еще дальше большой город Савону, где выделывают отличный фарфор и китайский фаянс. На просторной открытой равнине лежит большой город. Вслед за ним города и крепости, расположенные так близко друг от друга, что не веришь своим глазам. Я спутал счет милям, но от Марселя до Генуи расстояние по прямой триста миль. Мы же плыли на маленькой катарге вдоль берега и удлинили себе путь. Не успели доехать до Генуи, как наступила ночь, и мы остановились в одной деревне повыше Генуи.

Июня девятнадцатого утром мы въехали в Геную. Генуя [расположена] у моря, на открытых косогорах. Город виден хорошо. Очень труднодоступное место и сильно укрепленное, важный город. Его окружает стена в шесть эджи. Другая большая стена далеко огибает его. Нигде раньше не видел я такой большой окружной стены. Константинопольская [стена]

тоже имеет в окрестности шесть эджей, но такой стройки и таких красивых домов, как в Генуе, нигде мы не видели, кроме королевских дворцов. Постоянно прекрасные дома. К Франции обращен большой порт. В море уходят три высокие стены, которые защищают порт от приливов. На них стоят пушки для защиты и фонари преудивительной формы. Дук избирается у них на два года и затем сменяется. Смена эта называется попликом. Живут здесь все знатные вельможи. То одного выберут, то другого. Великой населенной страной и рекой владеет его правитель. Много есть хороших городов, но этот город совсем иной. Велик Константинополь, но такого устройства и богатства, и правосудия, и мира там нет, нет также и такой прочности. Меня поразили церкви и монастыри Генуи. По наружному виду их превосходят строения во Франции, но внутри эти лучше. Да и камни драгоценные, и богатство, и лампы, подсвечники, алтари, — все здесь удивительно. Я видел занавес, высеченный из черного мрамора со шнуром из белого мрамора, продетым в него. Черный мрамор отогнут, как занавес, и его как бы придерживают шнуры из белого мрамора. Бахрома спущена вниз. Если не присмотреться, можно принять мрамор за черный атлас. Я видел росписи на белой стене, пока мне не сказали, я принял их за мраморные скульптурные лики святых. Какое множество предивных вещей: сколько редких лампад, подобных то галиону, то орлу, то ангелу, сколько разных подсвечников. Я удивлялся их весу и количеству серебра в них. В престоле епископального собора погребены трое святителей. А на одном алтаре пепел [мошей] Иоанна Крестителя, сожженных Юлианом Отступником. На нем печать их правителя. Это святые мощи. Я не мог посмотреть его, хоть и знал, что там находится. Алтарь тот богато украшен. Я думаю, что в одних лишь лампадах и подсвечниках, помимо остальных вещей, серебра более ста литр¹. Мы посетили один тиватинский монастырь. Множество мошей и богатства видели мы там, но я смотрел одну нимбообразную чашу для святого причастия. Она вся из золота, и на нем эмалью выведены лоза и виноград. Зрелище это предивное. В другом монастыре мы видели еще четыре могилы святых и другие святые мощи без числа. [Осматривали] просторные и хорошие лечебные дома — ксеноны, великое попечение и богатство в них. Большие монастыри отлично выстроены. Ме-

¹ Литра — весовая мера, приблизительно до 2 килограммов

ня пришел проведать один вельможа. По-видимому, он был очень человеколюбив, этот молодой человек. Он дважды приходил ко мне. Предложил мне, что если я-де пожелаю, покажет мне одно чудо господнее. Ксенон тот, а также и чудесное это явление были в его ведении. Все это видел я достоверно своими глазами, а кто тому не поверит, пусть как знает. Взял он меня туда, где находился черный занавес, о котором я уже писал. Сначала прослушали обедню. Затем он подвел нас к одной застекленной раме на полу у престола. Подняли ее. В хрустальном гробу, богато украшенном золотом, покоилась одна монахиня-девственница. Она, оказывается, была прислужницей в лечебнице. Звали ее Катуриной. Представилась она господу сто лет тому назад. Вот уже одиннадцать лет, как она причислена к блаженным. К святым еще не причислили, а много чудес сотворила она, и казалось, что только что скончалась. Лишь кончик носа чуточку потемнел. Убрана она была богато. Затем повели меня посмотреть на больных. Вошла одна женщина, на ней была грубая власяница, на голове шапка из козьей шерсти. Женщина разносила пищу больным. Раза три я сам видел, как она выносила из кухни полные подносы. Потом посадили меня в одну комнату. Ко мне привели эту женщину. Уселась она, расспросила обо мне, беседовала любезно. Она была девушкой двадцати двух лет. Ее много упраскивали одеть на себя монашескую рясу и постричься. Она отказывалась, не смею, мол, иступить на трудный путь, и что будет, ежели, давши обет Христу, не сумею исполнить его? Буду, мол, служить лишь тем, что могу. Вот ее простая служба и жизнь земная. Так обслуживает она больных. Вовсе босая, на голом теле носит она грубую власяницу, цветом такую, какую одевают вдовы грузинки. И голова покрыта тем же. Подпоясана она толстым вервнем. На груди распятие и четки. Вот уже семь лет, как она принимает ежедневно святое причастие. И кроме этого, ни воды, ни пищи, ничего не берет она в рот. Этим и поддерживает ее господь. На вид она хороша и стройна, только бледна немного. Силы в ней столько, что прислуживает она бойко. Много дивных чудес совершала она. Не раз видела Христа и пресвятую богородицу. Не раз изгоняла беса плачущим. Шесть аджи прошла она по воде в море. Здесь обычно строго проверяют пастырей и священников. Много следили за ней: нет ли тут чего бесовского или не прикидывается ли она. По велению святейшего папы ее сажали. Запирали ее подолгу и за это

время приставляли разную стражу к ней, разных наставников. Убедились, что нет ничего бесовского и лживого, и поверили. Смотрит за ней одна монахиня доминиканского ордена, а один из этих же старцев является ее духовником. Когда этот исповедник служит обедню, она трясется вся, стоит ли, сидит ли. Говорят, у того еще двенадцать таких же учениц, все двенадцать творят чудеса. Две из них держат строгий пост. Папа даже разгневался на них за это: приказал дважды в неделю принимать пищу. Но одной это повредило, — ежели поест дважды заболевает, ежели один раз, — то здорова. Но осуждаться приказавшая папы они не смеют. Девушка, о которой я писал выше, также зовется Катуринией. Она, как и та Катуриния, прислуживает больным. После того она однажды прослушала обедню вместе со мной, со мною же принимала причастие из рук господина Ришара. Плакала она много. Изнемогла очень.

Дули злые ветры, мы задержались в Генуе пять дней. Я ходил к ней два-три раза, навещал ее. Ту доминиканскую монахиню и теперь охраняют. И никто, кроме духовника, не может входить в ее помещенье. Ее пускают лишь обслуживать больных и на обедню, а остальное время она всегда в закрытом помещении. Потом я пошел во дворец князя. Богатый дворец был у него. И супруга хорошая. Вышли мне навстречу, пригласили, беседовали любезно. Потом осмотривали их дом. Много видел я там редких вещей: икон, крестов золотых, ларцов резного плетения, серебряных ларцов разной формы и чеканки, драгоценных камней, редких сосудов, коралловых веток больших, выше оленьих рогов. Иные из них вились вокруг дерева. Иные росли на камнях. Красные, другие белые, пестрые, причудливо вырезанные кораллы, животные, валяные из яшмы и агата. Видел и другие такие вещи, которых не приходилось видеть даже во дворце короля Франции. Внутри дворца у него была небольшая домовая часовня, красиво и богато убранная. В Генуе улицы узкие. Коляска не проедет. Ездят на паланкинах. На базарах женщины не сидят. Они берегут даже женщин. Во Франции прислужницы, хозяйки, маркитантки, повара — все женщины. Жены больших купцов все время сидят там в лавках. Разносчики, носильщики, приказчики, торговцы, — все женщины. В Италия же, разве что крестьянка вынесет фрукты или иную мелочь продавать, а не то женщины торговками не бывают.

Июня двадцать второго выехали из Генуи. Прошли две-

надцать миль. Сплошь тянутся селения, дворцы и сады. Они следуют один за другим так близко, что кажется, будто один город. То были загородные сады и дворцы, принадлежащие Генуе, куда, по-видимому, выезжают время от времени для развлечения. Все это заканчивалось двумя деревнями, и затем возвышались высокие крутые скалы. Ни строений, ни деревьев никаких, и лишь один-два замка на большой высоте. В одном месте между скалами образовалось небольшое ущелье. Туда направились лодочники. Там была маленькая бухта и небольшая крепость. Стояла стража. Мы вышли пообедать. Поодаль от крепости, на берегу моря находилась обитель. Вход туда через арку. Стройка была редчайшая. Внутри пробивался холодный родник, чуть побольше мельничного ручья. Дорожке мраморные колонны, ниши. Одн большой монастырь. Множество зданий. Небольшой фруктовый сад. Померанцы, инжир, черная тута. Во времена язычества удалился сюда в одиночестве епископ. Один с двумя дьяконами жил он здесь. Здесь же пытали их язычники. Все три праха покоятся в престоле. Имя епископа святой Фурдусун, а дьякона одного — святой Иолодию и другого — святой Фгурно. Но теперь жил там лишь один монах ордена цоколантов, и больше никого. Место это, как убежище от врагов. А дальше на большом расстоянии тянутся места скалистые и иногда сосновые леса. На некоторых вершинах стоят башни. Со стороны моря больше ничего не видно, но по ту сторону, наверное, много всего. На вершине утеса стоит сильная и хорошо построенная крепость. Называется она Портофино. В двух, трех местах стоят еще сильные большие крепости. А дальше в одном месте коралловое море. Здесь очень близко [к морю] подходят деревни, и тот коралловый риф, что нам показывал вельможа, и все это принадлежит ему. С владениями Генуи граничит Масса. Масса принадлежит другому правителю. В его владениях находятся месторождения белого мрамора. Он думал, что мы поедем к нему. Хотел нас принять. Но дул попутный ветер и мы не остановились. За его границей следуют владения Ливорно. Эти сутки мы непрерывно плыли.

Июня двадцать третьего прибыли в Ливорно. Ливорно находится в ста двадцати милях от Генуи. Город небольшой, но хороший. Сорок тысяч душ [населения]. От границы Ливорно начались возвышенности. Местность похожа на Одису — лесистая и изменная. Вдали виднеются высокие горы. За ле-

сом большая равнина. Лес сплошь оливковый. Селений не видно. Не знаю, есть ли они в лесах. Ливорно принадлежит грандуку. Он сам стар, у него один сын, и тот бездетный. В Ливорно много евреев — там они в силе, так как изрядно платят грандуку. Бухта не природная, а сделана людьми искусственно. Пушки стоят в три ряда. У ворот порта по сторонам два высоких фонаря. На воротах города мраморный барельеф грандука, и к его ногам повержены четыре пленных османа со связанными руками, с кандалами на ногах. В Ливорно же находились четверо грузинских граждан. Один из них тертер¹. Мне хвалили одну армянскую церковь, но посмотреть ее я не смог.

Июня двадцать четвертого мы отбыли из Ливорно. Ливорно окружен другими городами и селами. Он не на морском берегу. Косогоры, лесистые места. Кое-где стоят башни. На большом расстоянии других строений не видно. Затем опять началось изменное морское побережье и леса. А подалее от берега, на невысоких склонах, где местность гористая и укрепленная, [раскинулись] села. Похоже, что у берега моря не селились из страха перед пиратами. У них не было укреплений. С южной стороны раскинулось множество больших островов. Со стороны Ливорно, по берегу моря, близко друг за другом, стоят башни и установлены пушки. Если корабль, спасаясь от пиратов, достигнет этого места, то корсар больше не сможет преследовать его. Прошли сорок миль. У одной башни вышли и эту ночь провели там.

Июня двадцать пятого мы плыли дальше. Кончилась граница Ливорно. Стояла крепость, принадлежащая правителю Пьембино. Против нее, на юге, находился большой остров. Половина того острова принадлежала грандуку и другая половина — королю Испании. На вершине оказалась крепость. Сказали, что она принадлежит испанскому королю и что в три ряда на ней расставлены две тысячи пушек. Остров очень большой. На нем высокие горы. Местами плоскогорья. Обвалы. Видно множество сел. Там есть железная руда. В сторону Ливорно, за крепостью Пьембино, расположен город Пьембино. Один большой выступ вдается в море и на нем поселения. С трех сторон он окружен морем. С четвертой суша и на ней сильно укрепленная крепость. Правитель здешний умер. У него осталась лишь одна дочь, и страна эта досталась ей. А дальше в море, вдали друг от друга,

¹ Тертер — священник армяно-григоризанской церкви.

выступают две скалы, положившие одна на другую. На них стоят башни. Наш капитан изменил из-за ветра направление. Вместо того, чтобы плыть вдоль берега Пьембино, он пошел к жемчужному острову, который назывался Порто-Лонгоне. На нем одна крепость сильная и хорошая, принадлежащая королю Испании. Мы вышли пообедать. Испанская стража была очень осторожна. Пока два-три раза человек из стражи подымался и спускался [для переговоров], время отплытия прошло. В тот день мы оставались там. В полночь вышли. Шли ночь. Наступил рассвет. Мы все шли. Дул хороший ветер, и мы вернулись к прежнему направлению. Один большой выступ суши вдавался в море. Пока поравнялись с ним мы, оказывается, прошли пятьдесят миль. На нем стояли большие сильные крепости. Назывался он Порто-Эрколе и принадлежал (в прошлом) испанскому королю. Ныне же при этом перемирии он остался за императором. За той крепостью начиналась граница Рима. Низменные и открытые места. Огромная равнина и сплошные леса. Вдали высокие горы. Множество селений в крепко защищенных местах. Прошли еще сорок миль. Дул добрый ветер. Миновали один город, который назывался Корнето. Мне он показался хорошим городом. Была полночь, [когда] мы прибыли в город Чивита-Веккия. Зашли в бухту. До рассвета стояли там. Рассвело. Вошли в город. Приветляли нас, хорошо поселяли. Пришел воевода того города, обласкал нас. Приглашал к себе в дом, но я не поехал. День оставался там, отдохнули. Навстречу господину Ришару и сеньору Доминику, ехавший сушей в Рим воевода послал почтовых лошадей. Я же я на следующий день оставался там. Они приехали в Рим. Нас [оказывается] ждали раньше. В тот вечер мы поужинали и отбыли. Дул противный ветер. Не могли плыть. Уже за полдень, а мы едва достигли вод римской реки. Оставалось плыть еще сорок миль. Но у устья реки нас поджидали две кареты его святейшества папы. Непогода, злое время, не везите его по воде, не повредил бы ему климат. Оказывается, если в июле и августе человек уснет на той реке, он заболевает. По приезде усадили нас в коляски. Оттуда до Рима было пять эджи. В Риме же святейший папа в собственной коляске выслал навстречу нам своего пленника, кардинала Альбана. Нас ждали раньше, но мы опоздали. Стало жарко. После долгого ожидания они, оказывается, решили, что сегодня мы не прибудем. Было около двух часов ночи, когда, наконец, мы въехали в город Рим. Нас поместили в монастыре святого Лазаря. Они оказали нам еще боль-

ший почет и милости, чем король Франции. В Рим въехали мы двадцать девятого июня. Праздник святого Петра по римскому исчислению прошел одиннадцать дней тому назад. Тридцатого июня мы отдыхали. Кардиналы первыми никого не навещают. Сначала другие должны их навещать.

Июля первого пришел (к нам) французский кардинал. Он не дал мне ни выйти ему навстречу, ни проводить за порог, будто и не приходил проведать меня. Обласкал меня и ушел.

Июля второго пришел проведать меня настоятель монастыря святого Василия. И другие епископы и отцы пеклись о нас. Приходили многие и любезно беседовали с нами.

Июля третьего святейший папа изволил прислать карету. Посажайте, мол, сначала посмотрите [храм] господа моего и потом навещите меня. Меня повезли в собор святого Петра. В начале улицы у подъезда к храму небольшая площадь. Полукругом в четыре ряда стоят по сорок каменных колонн. Каждая выше шести адля¹. Сходятся они тремя арками. По краям наверху стоят каменные изваяния святых. Посередине площади четырехугольный постамент выше кабах² из цельного камня, и на нем стоит крест. В кресте заложена частица святого креста [господня]. По двум сторонам бьют большие фонтаны, и в конце площади хорошо выложенные бассейны. [В храм ведут] высокие ступени. И на одной каменной колонне стоит мраморная статуя святого Петра с ключом в руках. На другой — святой Павел с мечом в руке. Это запечатлелось сильно. Через реку, протекающую в Риме, перекинут мост. В одном конце моста стоит статуя святого Петра, в другом — святого апостола Павла. По обеим сторонам моста стоят десять ангелов. Все десять держат в руках предметы страстей Христовых, кто крест, кто терновый венец. Дальше идет большая дорожка и та площадь с колоннадами и фонтанами. Посередине, от моста до площади, сплошь раскинут базар. В конце моста папский дворец, и на нем стоит белый мраморный ангел. Он вкладывает меч в ножны так, как было видение Григорию Диологу. Была, оказывается, чума и потом прошла. Образ этот воодвиг он сам [Диолог]. Мы поднялись по ступеням. Человеческая речь не в силах описать величие этой постройки. Я описываю только то, что видел сам. У порога храма были два ключа по одну сторону и два

¹ Адля — мера длины, вероятно больше аршина.

² Кабах — высокий столб с мишенью для стрельбы из лука, спортивное развлечение в Грузии, в старину.

по другую. Вошли в церковь, похожую на царство небесное. В длину она имеет триста шагов, в ширину — двести (шагом называется поступь обеих ног, равная пяти стопам). В середине, под самым большим куполом — могила святого Петра. Туда можно спуститься. Она богато убрана. День и ночь горят серебряные с позолотой редкой работы лампы, которые не подвешены сверху, $\frac{1}{2}$ спускаются, изгибаясь, как ветки дерева. У задней стены алтари на высокой подставке стоит кресло, на котором посещал святой апостол Петр. Четыре богослова держат его в руках: Григорий Диалог, Амбросий, святой Герасим и святой Августин. В алтаре же, справа, могила святого апостола Симеона и апостола Фаддея. И справа же похоронена святая мученица Петронила, дочь апостола Петра. Слева другая мученица. Дальше еще одна. Под алтарем погребены нетленные мощи Григория Богослова Андзиодзорийского. Напротив, слева, — Григория Диалога. За Григорием Андзиодзорийским другой алтарь — в нем похоронен Иоанн Златоуст, и могила его роскошно украшена, так же, как и весь алтарь с богатыми лампадами. Ничего подобного там нет. Под ним еще другой алтарь. В углу стоит купель из порфира. Я измерил ее: в длину, она восемнадцать пядей, а в ширину двенадцать. Крышка ее цельная, и вся купель из цельного камня. Наверху слева двое мучеников. В тот день ничего, кроме этого, не смог записать. Наступил вечер, и мы ушли.

Июля пятого меня повезли к святейшему папе. Он жил в летнем дворце в центре Рима. Собор святого Петра находится в начале Рима, в низине, а летний дворец папы стоит на возвышенности. Много хвалебного написано о дворце, и вы, вероятно, сами знаете, что дворец папы не может быть хуже других дворцов. Начиная с самого входа, во дворце все устлано красными камковыми коврами, густо расшитыми златотканой каймой. В порядке по чину стоят придворные и вельможи. Потом священники и епископы. Из кардиналов никого не было, так как он принял нас запросто, не парадно. Меня ввели к нему. Он сидел в малом зале. Один раз поклонился мы ему с порога, другой раз с середины зала и затем приложились к его стопам. Он обнял меня. Там полагается стоять на коленях. Но он не позволил опуститься на колени и заставлял встать. Я хотел стать поодаль, но он позвал меня к себе и поставил рядом с собой. Расспрашивал, беседовал со мной любезно. Я доложил ему: «Святой отец, с

тех пор, как сын твой¹ — истинный христианин — обратил свои упования к тебе, сердце мое преисполнилось надежды на исполнение всех моих чаяний. Но дальнейшее промедление может оказаться губительным для Вахтанга. В лихом месте находится он теперь». Он же изволил ответить мне: «Если ты попросишь крови моей для пользы Вахтанга и страны твоей, я то я пролью ее для них». Я поблагодарил и продолжал: «Я вижу, что отсутствие Вахтанга приносит ущерб христианству в моей стране и от возвращения его будет зависеть преуспевание привоной веры. Только эта одна забота и есть у меня. Молю тебя, яко старец Симеон: ныне отпускаеши». Он улыбнулся и изволил ответить: «Я молю господа за тебя, чтобы даровал он тебе жизнь долгую, через тебя многое хочу совершить». Я ушел от него. После того я посетил кардинала сакрипанта и [другого] кардинала, племянника папы. Встречать меня выходили они за три палаты. Сакрипант усадил меня перед собой. Те другие сели по сторонам. Обласкала меня. Сакрипант проводил меня до верхней ступени лестницы, те двое — лишь за две палаты.

Июля шестого взял меня на одну возвышенность в Риме, где стоит храм пресвятой богородицы. Меня повезли его осматривать. Оказывается, жил в Риме один бездетный вельможа. Он молился пресвятой неустанно и сетовал, что некому оставить ему имущества своего. В начале июля было ему видение: там, где завтра будет лежать снег, на всем том пространстве построй храм мой. Имущество твое положи на него. Той же ночью и папе приснилось то же, и духовнику его. Муж и жена проснулись и рассказали друг другу о виденном, оказывается, оба видели одно и то же. Пришли к духовнику, рассказали ему. И он видел то же самое. Пошли к свитейшему папе и доложили обо всем. И он видел то же самое. Узнали они, что ночью на горе той выпал снег. Сам папа пошел туда и сам же выкопал первые двенадцать ямок. Воздвигли храм пресвятой деве. В нем хранится колыбель Христа. Там же хранятся вифлеемские ясли и камни пещерные, святой Герасим нетленный и святой папа Пий нетленный находится там же. В алтаре лежат четыре других мученика нетленных. Далее, в престоле — мощи святой мученицы Екатерины. И множество еще святых мощей погребены внутри храма. Две большие порфировые колонны по шесть адли в

¹ Вахтанг VI (1675—1737) — грузинский царь, воспитанник С.-С. Орбелиани.

высоту и три адли в обхват. Перед храмом на площади стоит высокая колонна из цельного мрамора, пожалуй, повыше двадцати пяти адли. На ней пресвятая Богородица; У ее подножия большой родник бьет фонтаном. В церкви [стоят] четыре порфиновые колонны в один обхват. Рядом с алтарем [находятся] чистилище по четыре адли каждая со сведенными арками. Могилы святых. Слева от престола четыре порфиновые колонны такой же величины. Под арками также погребены святые. Справа находятся четыре колонны из порфиробразного мрамора и на них также могилы святых и между ними и алтарем одна колонна из пестрого агата, в три адли высотой и в один толщиной. На ней стоит подсвечник. Колонна та предрогоценная. Сколько еще там драгоценных камней и редких разнообразных мраморных построек, и стены и полы и как все здесь предивно. Во множестве мозаика. Иногда мозаичные украшения сделаны снаружи. Одна картина изображает воскрешение Лазаря. Каждый мастер, художник того королевства, старается написать подобное ей. Но никому пока это не удалось. Из одного цельного мраморного камня в четыре адли высотой и в три шириной высечено вознесение пресвятой, редкой, преудивительной работы. И все они, как живые. Много я видел там предивных вещей и в куполе, и по стенам, исполненных в Индии. Перламутровая инкрустация такого достоинства, какого раньше мы не видели. В церкви святого Петра много такой же работы. Оттуда повезли меня в церковь, выстроенную императором Константином. Мы вошли. Внутри — четырежды по шесть колонн, сомкнутых в пять арок. Колонны не цельные, а возведенные кладкой и толстые. Колонны и стены все из белого мрамора. На колоннах под средним сводом стоят по одному большому изваянию апостолов из белого мрамора. Перед алтарем на четырех колоннах также высоко покоятся головы Петра и Павла. Вышли оттуда. Поблизости была лестница, ведущая в дом Пилата, по которой поднимался Спаситель. В трех местах на ней следы крови Христовой. Они прикрыты стеклянными рамами, чтобы никто не коснулся их коленом. По ступенькам поднимались на коленях. Ногой никто ступить не может. Двадцать восемь мраморных ступеней. Они протерты коленями, — так много людей подымается по ним. На самом верху стоит святая святых. Все это близко от того места, где был крещен Константин. Здесь все выложено разноцветным мрамором, поистину редчайшей работы. Посередине, вокруг, стоят

восемь порфировых колонн. Каждая больше четырех адлян. Они сходятся аркой. В середине стоит купель. Низ ее, как дюрюмки, выложен пятицветным мрамором и на нем стоит та самая чаша, которую жрецы велели наполнить кровью младенцев. Она из цельного порфирового камня. В длину в ней может растянуться человек, в высоту доходит до пояса. Ширина, соответствующая. С другой стороны еще две порфировые колонны. Пошли оттуда осматривать другой монастырь, принадлежащий монахам святого Лазаря. [Он] на окраине Рима, близ театра, на том месте, где пытали святого Игнатия. Там же похоронены два брата, мученики Иоани и Павел, оказывается, там и стоял их дворец. Похоронены там же четырнадцать мучеников чернецов.

Июля седьмого повели нас в монастырь капуцинов. Там похоронен святой Феликс, новый святой. Оттуда пошли в монастырь иезуитов. Там похоронен глава их, святой Игнатий. Там же находится рука святого Франциска Ксаверийского, апостола Индии. Оба богато убраны.

Июля восьмого нас повели в монастырь кармелитов. В том году был обнаружен древний склеп. И папа взял оттуда сто шестьдесят нетленных мощей святых. Там же находится неприкосновенная нога святой Терезы. Неожиданно пришла почта из Франции. Посол кизилбашей¹ прибыл в Марсель. Просил выслать господина Ришара. Я этому обрадовался, потому что это может ускорить наше дело.

Июля девятого святейший папа осведомлялся о нас. Изволил прислать нам фрукты и гостинец. Меня повели туда, где распяли святого Петра. Город Рим кончается за рекой. Нужно подняться на холм и затем идти все вдоль него. Оттуда виден весь Рим. Там, где распяли его, стоит маленький монастырь. Но он мог бы сойти за хорошую церковь. Живут в нем цоколанты. Перед церковью, на полянке и за нею бьет ключ. Воздвиг ее один папа, ее можно сравнить с любой редкой стройкой. Она высока, как высокая церковь. Одна стена сплошь мраморная. Ширина должна быть приблизительно до тридцати адлян. Столь совершенно украшена она, что может рассеять скорбь человека. В трех местах, посередине, бьют родники, каждый поболее мельничного ручья. И еще по двум сторонам фонтаны бьют из пасти двух мраморных львов. Все

¹ Кизилбаш — тур. «Красноголовый», прозвище персидских заговорщиков, носивших красные головные уборы. В данном случае, посол Ирана.

пять низвергаются в маленькие бассейны. А из бассейнов та вода падает вниз в один, весь выложенный белым мрамором, большой бассейн. Он глубокий, пригодный для плавания. А дальше куда уходит вода, не видно. От воды и от этих родников взгляда не оторвать. Отвернешься от них, и видишь перед собой весь Рим. И неизвестно, сколько в нем богатых дворцов, сколько разнообразных монастырей, сколько различных колоколен! Но что больше всего поразило меня в Риме — это множество ручейков, журчащих один за другим по улицам, во дворцах, в церквях и на базарах. Удивительно, что нет колонны, из-под которой не струилось бы три-четыре ручейка. И дивяшься, как могли достигнуть того, что ни один фонтан не похож на другой. Все они различны, эти красивые фонтаны, разнообразны чудные бассейны, где бьют струи иногда из пасти зверя, иногда из рыбы, иногда из человеческих фигур, бегут и падают то дождем, то струями толщиной с человеческую руку, а иногда они как зеркала во множестве рядов. Редко, когда в хороших домах не струится фонтан.

Десятого июля поехали мы в монастырь святого Брано, где, оказывается, был раньше дом Диоклетяна. Ныне он обращен в церковь. Она построена еще в те времена и осталась без изменения. Длина и ширина равные: должно быть, сто девяносто шагов, пять ступеней. Такая же ширина. Колонна из цельного камня (гранита), пестрая с мелкими крапинками. Каждая выше десяти вдли и в два с половиной обхвата в толщину. Больше не стану описывать здесь ничего. Показали мне еще одну маленькую церковь (пресвятой [девы] Лавитони). Искусством постройки удивила она меня больше других, но мощей там прямо-таки поразительно [много]. Их собрал в доме в таком множестве этот Диоклетян. В один день Диоклетян казнил сорок тысяч мучеников. Сам же глядел на это из окна.

Одинадцатого июля святейший папа прислал нам священника. Осведомлялся обо мне и присылал гостинцы и яства. После обеда пляли меня осматривать монастыри. Множество я видел красивых зрелищ. Смотрел одно капище. Многим богам молились в нем. Ныне освятили его, превратив в церковь всех святых. Постройка того времени [осталась] так же, как и была, — круглая золоченая. Семьдесят шагов в длину и ширину. Наверху одна терраса. Свод круглый. Очень высокий и большой. Окна больше нет. Но внутри храм очень

светлый. Одна арка круглая, двадцать восемь колонн — из желтого мрамора. Каждая по восемь адли, они цельные. Толщина — два объвата. Двенадцать порфировых колонн. Каждая будет по четыре адли, толщина четыре пяди. Восемь колонн из желтого мрамора, равные тем порфировым колоннам. Видно, не хватило порфирового камня и поставили такие. Пол во многих местах устлан большими порфировыми плитами. Каждая из них размером больше десяти пядей, плиты меньших размеров [уложены] иначе. Все выложено цветным мрамором. Притвор его сорок пять шагов, в нем шестнадцать цельных, четырехугольных колонн. Каждая по семь адли. Толщина в два объвата. Вдоль двери с двух сторон столбы высотой, полагаю, более двенадцати локтей. И перед храмом небольшая поляна окружена четырьмя камнями. Они сложены так искусно, что представляют один сплошной камень. Зрелище удивительное. Бьет один родник в мраморный бассейн. Фонтан бьет восемью струями. А в середине одна небольшая колонна. Очень красивая. Около шести адли.

Никола двенадцатого пришел проводить нас настоятель доминиканского ордена. Мы тоже пошли его проводить. Осмотрели его монастырь. В нем подвизались до ста отцов, но монастырь большой. Тамонная церковь раньше тоже была, называется, капищем. Колонны в ней не цельные, а сложенные. Однако здесь множество икон дорогих и построек. Красная железная ограда, тут же красивые каменные изваяния, довольно большая усыпальница пап. Одна непорочная монахиня их ордена, святая Катуриния, покоится там. Оказывается, явился Христос ей и как святую Франческу измысал ее пятью язвами. Но она поиме нетленная и похожа на спящую. Перед [храмом] небольшая площадь. В бассейне стекают фонтаном струи воды. В середине, в воде, стоит изваянный из камня слон и на слоне маленькая колонна, около шести адли.

Один кардинал выстроил книгохранилище, большое и богатое. От основания до потолка все четыре стены уставлены множеством книг. Человек, не могущий купить книгу, пойдет туда и почитает любую. Ему выдадут ее на время, пока он читает. Вынести книгу нельзя. Так устроили ее с [целью] благотворительной. Когда я ходил к месту распятия святого Петра, то дорогой видел написанную на стене икону пресвятой богородицы. Перед ней преклоняли колени прохожие и молились ей. Множество [народа] направлялось туда. Но там мы не могли узнать ни о чем. Вернулись домой и на следующий

день нам рассказали: в день нашего приезда икона возвратила зрение одной женщине, которая десять лет была слепой. На другой день она исцелила одного бесноватого. Он изрыгнул изо рта железный крючок и исцелился. Многие видели своими глазами два этих чуда подряд.

Июля тринадцатого пошли [снова обозреть]. В монастыре святой Паулины Францисканки живут сорок четыре монахини. Монастырь стоит на холме. Он очень красиво выстроен. Множество в нем хороших и благородных мощей и великое богатство церковного убранства. [В одном месте показали нам издали картину]: святая Франческа молилась коленопреклоненная. Подошли поближе; было нарисовано море. Святая Франческа исчезла. На другой стене мы зрели: Иоани Предтеча писал и перед ним сидел орел. Подошли ближе, был нарисован богатый сад и аллея. Много там было чудесных вещей. В красивых местах были фонтанами чистые ключи. В окрестностях хорошие фруктовые сады. В тот день рассказали мне, что в [одном] городе Италии живет монахиня ордена калуцинов. Она такая святая, что ей явился Христос. Наложил на нее пять страстей: две на руки, две на ноги и одну у груди, как и святому Франциску и святой Екатерине доминиканского ордена. Воистину это правдивая история. Женщину ту зовут Вероникой.

Пятнадцатого июля меня повезли в сад Бургонского принципала. Сам он находится в Риме. Он знатный принципал. Сады его начинаются у стен Рима. Посередине проходит дорога. Вошли в одни ворота. Сады очень напоминают парижские, которые я описал раньше. Но в парижских садах я не встречал платанов. А здесь их несколько: у ворот под стенами они растут вплотную, отчего стены кажутся сплошь зелеными. Но преимущественно были померанцы, апельсины и лимоны. Прошли большую аллею. Стоит один утес, высеченный в виде великана с открытым ртом. Волосы, усы и борода были из спондийского камня, зубы из белого камня и изо рта бьет фонтан. По бокам из других животных тоже бьют фонтаны. Ходили по аллеям. Во многих местах стояли спондийские камни, и из них фонтаном бежала вода. Было там большое, хорошо устроенное озеро. На нем плавали утки и другие птицы. В трех местах на озере были острова со скамейками. Они красиво устроены и вокруг обсажены дубяком вряд. По ним ходят олени белые, красивые. Много молодых, годовалых оленей. Пошли в другую сторону. Тут все

лавры и самшит. Среди них тропинки. Деревья стоят в ряд, сплошной стеной. Солнце сюда не проникает. Множество красивых фонтанов. Мы вошли в один дворец. По правде говоря, снаружи он так красив, что подобного ему я не видел. Красиво обточенный мрамор и все из старинного римского камня. Многие из них с изображениями идолов. На одном цельном камне изображен конь и всадник. Конь споткнулся, и всадник вот-вот должен упасть. И еще множество преданных изображений. Много идолов. Старый Кронос, его пленда. Одни из мрамора, другие из черного камня, третьи из порфира. Божества язычников, древние жесари во весь рост. Множество редких изделий тех времен. Стоит шестнадцать порфировых колонн. На них воздвигнуты кумиры, редкой работы. Колоссы цельные, некоторые в три адля, другие поменьше. Но выше не было. Все они из разного редкого мрамора. Было там два стола из порфирового камня. В длину два адля, в ширину один адля. Два стола из черного камня. Один для золота и другой для серебра. На них испытывают золото и серебро. Они сверкают, как зеркало. Называется этот [черный камень] парагоном. Он лучше порфирового камня. (Тут же) два стола, инкрустированные камнями в виде цветов: агат, желтый жемчуг, коралл, яшма, лазурь и другие расположены точным рисунком. Стоит волчица из порфирового камня и кормит грудью двух младенцев. Город Рим основан инья. Много таких удивительных вещей. Иные из тех человеческих фигур сделаны из черного камня парагона. Они изображают (древних) идолов. На некоторых хитоны из белого агата, целю изваянные. Другие опоясаны цветным мрамором. Одно черное изваяние изображает мастера. Он стоит в бассейне из граненого пестрого мрамора, который выложен порфиром, словно он наполнен кровью. В нем стоит тот [черный] мастер. Будто он тонет в собственной крови. Стоит еще кумир из искусно граненого мрамора. На одном камне высечена убегающая женщина. Ее нагнали и поймали языческий бог и человек. И эта женщина обратилась в лавровое дерево. Невозможно передать все дивные работы древности и причудливые украшения. Красивые померанцевые сады. Искусно выращенные пирамидальные тополя, лавровые деревья. Газелей много. Разнообразные террасы со столами как места развлечения. Мы ушли оттуда. Я опишу все, что увижу, но постараюсь описать редкие явления по мере сил своих. Поверьте мне, что Рим удивительный город. В сто лет не обойти и не пересмотр-

реть всех его достопримечательностей. Но я постараюсь описать лишь то, что увижу сам. Не подумайте, что расхваливаю, я преувеличиваю. Уверяю вас, что я описываю малую толику, и то недостаточно умело и совершенно. Поверьте да, и половина того мне недоступна и половину мне не изучить и не описать.

Июля шестнадцатого мы пошли осматривать другой монастырь святого Доминика. Что же мне писать о монастыре? В церкви же двадцать две мраморных колонны, кажется, по шесть адли каждая. Все они из цельного камня и еще две колонны порфиновые, каждая, кажется, по три адли. Планы надгробий порфиновые. И хватит. Что же продолжать мне юписание! Страния Рима не вместятся в эту книгу. Там я видел могилу святого папы, мученика Александра. Там же усыпальницы святого мученика свитителя Игнатия и святой Сеудулуд и великомученицы непорочной Сабяны и великомученицы девы Серафим. Там же нерукотворные мощи. Все так же стояли померанцевые деревья, посаженные святым Домиником, и на них зрели плоды. Мы осматривали обработанные им места. К ним же прилежит дворец Алексея, человека-Богоносца. Дворец превращен в монастырь. В нем обитают отцы [иордена] святого Герасима. В трапезной покоятся нетленные мощи святого Алексея и святого Бонифация. Дальше, на том месте, где Алексею явилась пресвятая [дева], и сделано это изображение. И дальше, в конце дома, лестница, под которой лежал святой Алексей. Еще сохранились обломки той лестницы—доски до десяти штук. Два мраморных ангела поддерживают лестницу.

Семнадцатого июля папа возложил кардинальскую скуфью на сына одного германского князя. Меня взяли туда. Оказывается, этот кардинал прибыл пятнадцатого июля. Я находился тогда в саду Бургонском. Он въехал с большим торжеством. Его сопровождали более двухсот карет. Иные его встречали, другие прибыли с ним. При этом меня не было, но я присутствовал во время его рукоположения. Меня взял туда епископ. Высший почет при рукоположении. Вошли во дворец папы. Народу было очень много. Трудно стало пробираться. В это время туда же прибыл один кардинал, неизвестный мне. Он узнал меня и взял с собой. Обошелся со мной любезно. Ввел меня в большие папские палаты. На возвышении стоял папский трон. Пять ступеней вели к трону. Он был затянут тяжелым дорогим муаровым пологом. Ступенью

ниже в отдалении стояли с двух сторон кардинальские скамейки. Посередине восемь кресел. Боковые (камейки) были покрыты хорошими коврами. Он ввел меня туда. Сидели четыре кардинала и мой знакомый кардинал сакрипант. Кардиналы приветствовали меня, поклонились. Меня поставили сзади в первом ряду. Стали прибывать кардиналы. Входили по очереди. Сначала они склоняли голову перед престолом папы, затем кланялись по сторонам кардиналам и рассаживались по своим местам. Каждый из них был облачен в фиолетовую мантию с треном по пять алли, который волочился за ним. Конец трена нес слуга. Слуги все были одеты так же в фиолетовую одежду, широкую, как риза... Они уселись у ног своих кардиналов. Для них также стояли низенькие скамейки. Кардиналов вошло и расселось тридцать шесть человек. Наступило время выхода папы. Сначала вышли вельможи. Затем двенадцать прислужников папы, одетых в фиолетовую широкую одежду. Через плечо у них перекинуты красные наплечники (орарий). После них вышел крестоносец. Он держал крест. За ним пошли епископы. Они стали в ряд по обе стороны папского престола. Некоторые стали за нами. А служители в фиолетовом одеянии стали перед папским престолом. Затем вышел свейтейший папа в облачении. На нем был красный вышитый филом и желтая тисненая митра. Он был без венца. Два кардинала по бокам держали его облачение. Его поднимали наверх и усадили, и кардиналы уселись на низких скамьях одни по одну, другой по другую сторону. Один из служителей склонился перед ним, потом повернулся к кардиналу и дал знак. Встал старший кардинал, который сидел первым внизу, он зовется декавозом и, волоча за собой длинный трен, склонился перед папой и приложился к его руке. Вернулся и уселся на свое место. Все кардиналы подходили поодиночке, целовали руку, возвращались и садились на свои места. Затем все стоящие впереди служители стали на колени и один начал читать книгу, громко и нараспев. Он читал о новом кардинале, кто он, чей сын, и восхвалял его. И вознес хвалу папе. Когда он кончил читать, слова все стали на колени. Два кардинала, сидящие по бокам, встали, спустились к трону, повернулись и преклонились перед папой. Потом поклонились кардиналам в обе стороны. После этого вслед за служителями папы вышли, чтобы ввести нового кардинала. Ввели его и проводили до середины бала. Новый кардинал шел, высокий, красивый, в сопровождении двух кардиналов

по сторонам. Он преклонился перед сидящими по обе стороны кардиналами. Те два кардинала выступили вперед. Поднялись обратно на трон, склонили головы перед папой и сели на свои места. Нового кардинала представили. Он низко поклонился папе, затем, приблизившись к трону, склонился еще ниже. Затем поднялся на трон, стал на колени и приложился к стопам папы, потом встал и поцеловал папскую руку. Затем они облобызались. И свитейшему папе подали требник, а на кардинала надели камизавку и облачили в мантию. Долго стоял он перед папой, склонившись в земном поклоне. Затем он поднялся. Папа прочитал ему требник. Принесли красную скуфью, и папа надел ему на голову. Тот спустился, обошел всех кардиналов. Те встали, каждый из них облобызал его и поздравил. Так он обошел кругом всех. Те двое кардиналов его все время сопровождали и также целовали кардиналов. Затем папе поднесли крест. Он встал, поднялся, преклонился перед крестом и сел. Затем снова поднялся. Все кардиналы склонили голову перед ним. Остальные спустились на колени. Папа благословил всех, и все вышли тем же порядком, как вошли... Меня повели в папскую дворцовую церковь. Народу было много. Меня посадили наверху. Я был уставший от долгого стояния. Прошло некоторое время. Послышалось церковное пение. Вошли около двадцати певчих. За ними шли кардиналы. Опять они уселись поодаль от папского престола по обе стороны, так же, как сидели там. Затем ввели нового кардинала. Он поклонился кардиналам. Подвели его к престолу и оставили стоять в земном поклоне. Долго он оставался так. Затем встал старший кардинал, который зовется деканом, и вошел в алтарь. Оттуда прочел ему требник. Вышел и сел. Новый кардинал встал, повернулся, поклонился низко всем и вышел. Затем в надлежащем порядке вышли остальные.

Девятнадцатого июля мы пошли осматривать церковь, где находится столб, приязывая к которому избивали Христа. Церковь хорошая, красивая, украшена мозаикой. Что еще писать о ней? Столб, к которому привязывали Христа, из пестрого черно-зеленого мрамора. Около двух адм. Там же находились три шипа от тернового венца и один перст Крестителя. Остальную мелочь описывать не стоит. Дом этот принадлежал отцу святой Евпраксии. Большинство мощей святой Евпраксии находится там. В нем же мощи ее брата, также святого. В другом месте святые Зенон и Валентин неслепыми лежат в высоких раках. Под столбом Христа Ио-

контея] святой Паскуало. Нас повели вниз [посмотреть] усыпальницу папы. В усыпальнице святых мучеников лежат теленный прах двух тысяч трехсот святых мучеников. Оттуда взяли в одну церковь, где похоронен Епсеий. Но никого не нашли, кто бы мог открыть двери, ушли оттуда в другое место. [Пришли] в маленькую, прекрасно выстроенную церковь. Там в престоле, в алебастровой раке погребены святая равноапостольная дева Вивнана и сестра ее святая Деметрия и мать их святая Праха. В том же склепе лежат части мощей десяти тысяч и одного мученика. Охранял храм старец, но двери его всегда были открыты, и туда направлялся бесконечный поток молящихся. Выстроен [храм] прекрасно, но мал. За ним показали нам одно капище, красное, высокое и большое. Вокруг арочная колоннада в десять сводов. Раньше в каждом из них стояли идола. Постройка красивая и большая.

Двадцатого июля мы пошли навестить кардинала. Принял он нас очень ласково и милостиво. После беседы повел меня осматривать дворец [Ватиканский]. Сначала показал он мне книгохранилище. Множество редких книг духовных и светских, а также философских. Вошли в книгохранилище. Стены расписаны изображениями Платона, Аристотеля, их почитателей, там же были их книги. Он показал мне четыре, пять таких комнат, наполненных книгами. Поднялись наверх, показал другие палаты. Нет слов для их описания. В одной из комнат находилась редкая фарфоровая посуда и скульптура: и святых, и язычников. В одной комнате [собрано] все китайское. Изображение китайского императора, одежда китайских мужчин и женщины. Животные со всего Китая. В следующей комнате живопись и искусства. В другой комнате — все мраморные изваяния. Есть святые, есть и светские [лица]. Дальше, в комнате [роспись] деяний Христа. Всего не смог посмотреть. Осмотрел лишь рождество [Христово]. Сам кардинал сопровождал меня. Известно, что к большому человеку должно быть почтительное отношение, но вы не видели кардинала и не поймете меня. Рождество изображено, как живое. Мария укладывает сына в ясли. И тут же коровы, одна с телятами, другие без телят. Наверху реют ангелы, и в руках у них пастурусы со славословием. Иосиф беседует с пастухами. Ангелы, извещающие пастухов. Один пастух донг овец, другой загоняет их, иной напускает собаку на волка, один играет на свирели, другие бегут к родившемуся Христу. Ведут агнца на заклание. Всего не опишешь. В одном месте

изображено поклонение волхвов. Как они идут поклониться, как они встретили Ирода, который собрал книжников. Затем, как они пошли и поклонились [Христу]. Все изображено, как живое. И сколько еще предивных вещей! Кардинал брал в руки редкие вещи и показывал мне. Показал он одну икону, изображающую распятие, размером едва в две пядени. На ней распятие, и, представьте себе, на всем кресте, под распятым телом Христа и вокруг него видны маленькие черненькие точки. Он принес очки, мы посмотрели через стекло. Надпись сделана ровно, правильно. Я ведь других букв не знал никаких. На нем [написаны] три главы из Евангелия от Пасхи до Вознесенья. Если не поверите, у меня есть с собой доказательства. Когда он увидел, что мне очень это понравилось и удивило меня, то подарил мне такую же маленькую икону. На ней написана Песнь Песней Соломона. Посмотрите это, и тогда вы поверите тому. Показывал он мне вещи без числа.

В другой комнате редкие птицы. Одна большая, как живая, со всем оперением. Пока не дотронешься рукой, не поверишь, что не живая. Он достал собственноручно одну шкатулку и показал агат, халцедон и яшму. И эти камни граневые. Сливы, груши, яблоки, яства и тому подобное вырезаны из этих камней во множестве. Трудно было поверить, что фрукты не настоящие. И все это было не из воска, сахара, кости или гипса. Все было из этих драгоценных, трудно обрабатываемых твердых камней. И не перечислить, сколько еще там редких предметов, сделанных человеческой рукой. То раковины разной формы, то крупные и редкие морские камни. Они сложены цветкообразно. Не смейтесь над этим. Вы не видели ни раковин, ни камней таких, и вам трудно представить, как они складываются. Дай бог, чтобы хотя бы после моей смерти моей стране стало легче! Потом мы вошли в другую комнату. Самое малое, там было собрано больше тысячи идолов: иные из меди, иные из агата, иные из мрамора. Он показал идолов древних язычников. Много еще предивных палат. Некоторых животных я видел еще во Франции: скелеты редких рыб, редкие рога, но зато в этой палате я видел ребро одной рыбы, четыре адля длиной, толще кисти руки. И еще два зуба вроде кабаньего клыка, что находится в хранилище моего господина¹. Но он не такой величины. [Видел]

¹ Царя Вахтанга VI.

череп человеческий, окаменевший, грибы окаменевшие. Такое же я видел и в Картли¹. Я рассказал ему про окаменевшую кабанью голову, что в хранилище нашего государя. Он взял в руки один человеческий череп, высеченный из камня. Тот покоился на подушке. По правде говоря, даже держа его в руках, нельзя было поверить, что это каменное изделие. Оно скорее походило на голову покойника. Меня не удивляет его внешний вид, но цвет кости и помещение мозга внутри черепа точно походило на голову покойника. Вот что дивно. Вошли в другую комнату. Там коралловые деревья: белые, черные, красные. Кораллы я видел и во дворце грузинского вельможи, хорошие, красивые и пестрые. К тому же они родились в его морях. Но черных я не видел. И они очень велики. Тут же видел и множество дивных пещер. Редкий перламутр, редкие слизи-улитки. Таких редкостей без числа. Помимо остального, были и рога диких коз, таких, как у нас, и туры рога и множество других редкостей. Еще была палата по измерению веса. Была комната, где находятся лишь изображения человеческого тела, внутренности и наружные части. Комната, где нарисованы звери. Комната с редкими рыбами, змеями и птицами. Комната с нарисованными деревьями и травами. И еще комната с различными непонятными, непостижимыми животными. Множество старинных кольчуг, мечей, щитов, булав и редкого оружия. Там же изображения кесарей разных времен. После окончания осмотра он приоткрыл одну дверь, и мы вошли. [Увидели] множество сортов фруктов, несколько сортов винограда, земляники, яблок различных, груш, помаранцев, цитрусов. Что же распространяться мне: все они лежали словно только что сорванные, явные с листвою. Он дал нам в руке-де, посмотрите. Но не знаю из чего сделано. Целая курица ощипанная, куропатка ощипанная, молодая индейка. На одной стороне навалено свиное сало, внутренности хорошие, различные части, вареное мясо. Мы брали их в руки. Нельзя было догадаться, что они настоящие. Поверьте, что это так. Штуки три из этих редких изделий он подарил мне. Можете посмотреть. Наступила ночь, и он проводил меня до двери. Сказал, что не все я смог

¹ Картли — центральная провинция Грузии с г. Тбилиси, впоследствии объединившая другие княжества в единое государство. После монгольского нашествия Грузия была раздроблена на отдельные царства и княжества. В XVII веке Картли — отдельное царство.

посмотреть, пожалуйста, когда захотите, и приказал своему человеку: покажи, мол, все подробно. Но перечислять редкости, виденные мною в этом доме, придется долго.

Двадцать первого июля пошли мы в монастырь иезуитов на их праздник. Все главные и лучшие певцы Рима собрались там. С трех сторон наверху были установлены органы, и на всех трех хорах пели певчие. По сторонам алтаря и над западными воротами стояли престолы. Престол большой, но он предвзванный. Играли то на одном органе, то на трех сразу. Певчие тоже пели то по одному, то хором одна сторона, то все три стороны вместе. Они стояли далеко друг от друга, но нельзя было подумать, что поют они не вместе, никто ни отставал, ни опережал. Но убранство церкви, занавеси, лампы, подсвечники, сосуды для мощей меня поразили. Сначала я отстоял обедню в одной маленькой церкви. Обедню служил один священник, и нас было четверо, и мы едва вмещались (в церкви). Но вы поверите ли, помимо всего другого, там было семьдесят шесть серебряных изваяний святых. Они стояли на главных видных местах, а не то сосчитать их было бы невозможно. Я уверен, что серебра там было более тысячи литров. Народу поразительно много. Часть приходила, часть уходила. В Риме мало осталось таких знатных мужчин и дам, которые не побывали там. С вечера до вечера второго дня монастырь тот был полон. И трудно сосчитать, сколько тысяч литургий было отслужено. После полудни туда пришел один старший служитель (архидиакон), и до следующего дня он служил там. Множество драгоценного одеяния и потиров видел я там. Множество драгоценностей и богатства. Было три главных алтаря, а еще много других алтарей. Один на восточной стороне, один на северной и один на южной. В южном алтаре была рука святого Франциска Ксаверийского, просветителя Индийского. А в северном алтаре находились нетленные мощи их главного святого — Игнатия. Был праздник в честь него. Тот алтарь и сторона вся выстроена за два миллиона. И один дук, оказывается, сказал: перестройте так же на мои средства и восточный алтарь. Но для человека нашей страны является мечтой даже то, что собирались они разрушить.

Двадцать второго июля у них был уже август и день поклонения цепи святого Петра. Нас повели туда (в церковь св. Петра). Храм этот — большая церковь, богато убранная. В нем восемь колонн из гранита и двадцать две из белого мрамора.

мора. Кажется, выше пяти алли. На них же рельеф по белому мрамору тонкой работы. Под большим алтарем погребены семь братьев Манкавеев, мать их и духовник их Елизар. И другие мощи, хорошо сделанные. Наверху с левой стороны над алтарем — цепь Петра. Достали ее из ларца и дали приложиться. Обвили вокруг шеи. Такая это чудодейственная цепь. Святого Петра привязывали цепью один раз в Иерусалиме, и один раз в Риме. Ту иерусалимскую цепь поднесли в дар царице Евдокии в Иерусалиме, и Евдокия прислала ее сюда, в Рим, своей дочери. И она собственноручно принесла ее показать папе. Святейший папа осмотрел и велел принести к нему и римскую цепь. Стал рассматривать обе цепи. Положил их рядом, и они срослись. Я видел эту цепь. Оттуда нас повели осматривать другую маленькую церковь Франциска Паулинского. Только на одном престоле стояли девяносто шесть серебряных подсвечников прекрасной работы. Помимо других украшений, видел я один нимбообразный потир святого причастия, красиво сделанный. Сама церковь неописуема. Описываю лишь то, что видел я там дивное. Оттуда повели меня в другой монастырь, великий и хороший. В нем двадцать четыре колонны из цветного мрамора. Каждая по шесть алли. Основание и поверхность из цветного мрамора. И под престолом склеп, прекрасно сделанный, весь из мрамора. Такого другого я не видел. Погребены там папа святой, Сильвестр нетленный, Мартин-мученик, святой Флавиан — папа мученик, святой Стефанос — папа мученик, святой Цутуро — папа мученик, святая мученица дева Стерия, святая мученица дева Сантинома, святая мученица дева Кирискос, святой папа Маркос, Ларгос и Лардос мученики, святая мученица Цоцилия, святой папа Анастасий, святой папа Иннокентий, святой мученик епископ Каврике, святой мученик Артемий, святая мученица Чичино, святой мученик Полноме, святой мученик Теодорий, святой мученик Никартос, святой мученик Хрисентий, святая мученица дева Асатурес, святая мученица дева Палинос, святая мученица дева Момня, святая мученица дева Юлианна, святая мученица дева Теофила, святая мученица дева София, упование греков. В ее честь Юстиниан воздвиг храм Айя-София. Святой Кирик, святая Юстина и еще бесчисленное множество других святых. Там же находится камень, который был привязан к папе Мартину, когда его бросили в Риме в реку, и колонна высокая, вся наполненная кровью мучеников. Палата святого

Сильвестра, в которой он собрал отцов по делу Арназ, не будучи сам в это время в Риме, а находясь в Александрии. Место, на котором сидел святой Сильвестр. Все это видел я здесь. Оттуда отвели нас в один доминиканский женский монастырь. Сама церковь — небольшая, но предвзвительно убрана. Всяду цветной мрамор. Что еще добавить к этому? Я возмечтал, что, если бы мог преподнести царю Вахтангу такую дворцовую церковь. На ее престоле стоял дарец святого причастия с шестью колонками из лазури, каждая в пол-адля высотой, и меж ними едва можно было продеть один большой и средний палец. Но [он украшен] множеством драгоценных камней, агатом и ему подобными гранеными большими камнями. Некоторые были короче пядени. Затем два красных камня были в длину по пядени, с очень пестрым и мелким рисунком. Вначале я думал, что они разрисованы. Ничего равного по красоте я не видел. Я спрашивал, как называется тот камень, но, каюсь, не разобрал. Нам показывали столько дивных вещей, что расспрашивать было некогда. На престоле стоял лик святой Екатерины, высеченный из белого мрамора. Четыре ангела несли ее, восседающую на облаках. Все это высечено из одного большого цельного камня до пяти адля размером. Казалось, вот-вот заговорит она. После полудня взяли меня в дом Цецилия, которая, по-нашему, зовется святая мученица дева Кикялия. Ее казнили в том же доме, где она жила, и дом этот затем переделали в церковь. Она лишь крыта драпью, зато все остальное, стены, алтарь, колонны и усыпальница, — все было богато убрано. Перед престолом стояла статуя из белого мрамора, изображающая Цецилию, как всадника. Она простерлась ниц на лошади, словно лежала. Двое ангелов держали над нею венец из литого серебра, и по двум сторонам стояли золотые подсвечники, полагаю, литры по две каждый. И на ее могиле день и ночь непрерывно горят сто лампад. Лампады всегда начищены. Они все похожи на треснувший пополам гранат. Четыре порфиновые колонны [поддерживают] балдахин над алтарем. Двадцать две высокие колонны из цветного мрамора стоят в самой церкви. По бокам еще колонны из дорогих пород. Спустились в усыпальницу. Слева там бассейн, выложенный белым мрамором. Над бассейном установлен стол святой мученицы девы Инессы, за которым она вкушала пищу. В бассейне том сложены мощи святого мученика Донато, один зуб Якова, сына Зебеды, мощи святого Козьмы исцели-

теля, мощи святого Дюматия, часть руки и куски одежды святого Стефана-Первомученика, орошенная холстина святой Цецилии, часть руки угодника Алексея и многое другое. В середине усыпальницы, под самим престолом стоят в раках святая Цецилия, муж ее Тибериус и деверь ее Валентинос. Святая Цецилия не хотела идти замуж, и ее насильно выдали за знатного человека. В ночь свадьбы она сказала ему: «Не подходи ко мне, так как со мною пребывает ангел и он задушит тебя». Муж подумал, что она любовница другого, и ответил: «Покажи того ангела, и я приму христианство». Цецилия отвечала: «Пока не примешь святого крещения, не можешь узреть его». И послала его к папе Урбану. Папа обратил его и крестил. Он вернулся. Цецилия молилась, и рядом с нею стоял ангел. Затем он обратил своего брата. И тот узрел ангела, и все они приняли муки. Святой Урбан также принял муки. Все они погребены вместе. В северу сделан другой бассейн. В нем полотенице святого Иосифа, мужа Марии, мощи апостола Фомы, черепок от сосуда Марии Магдалины, мощи святого Василия, кусок от пояса пресвятой Девы, обломок от жаровни дьякона Лаврентия, ребро первомученика Стефана, мощи мучеников Максима, Бенки, Анастасия, мощи епископа Ансельмо и кусок от пояса из гвоздей Бенардия, мощи епископа Рениджно, также и мученика Поствано и многое другое. У задней стены бассейна из черного мрамора. И в нем мощи: святого Георгия, Ефимия, мощи Маккавеев, мощи мученика Юлиана, мощи Киприана, маленький кусочек креста Андрея, кровь Цецилии, кусок одежды пресвятой Девы. Оттуда зашли в бани святой Цецилии. Там (теперь помещается) алтарь. Там же казнили ее. В углублении зарыт котел. В нем кипело масло, и туда опустили ее. Было поздно. Подробно не смог я осмотреть, так как монастырь женский. Монахинь также не видели. Торопились за восходом времени. Вышли от туда. Наспех осмотрели монастырь святого папы. Он большой. В нем подвизаются двенадцать патеров. Пятьсот мужчин и женщин помещаются туда. Всех жеиощных и дряхлых без присмотра, всех детей непослушных, бесноватых ведут туда. Сирот и немощных помещают туда же. Помещения для женщин, их спальни и другие службы, для старцев, молодых и бесноватых — все разные, всюду ведут разные двери. Все распределено так прекрасно, что трудно описать. Кушанье, одежда, постель — все выдается святейшим папой.

Июля двадцать третьего пошли мы осматривать мона-

стырь святого Франциска. Монастырь большой и благоустроенный, но обитают в нем убогие. Монастырь хорош. Он выбелен и кое-где висят хорошие картины и хорошие кресты. Больше ничего примечательного. Оттуда пошли в женский монастырь святой Урсулы. В нем подвизаются двадцать восемь монахинь. Те четыре монахини, что пошли с нами из Франции, жили там же. Церкви маленькая, но великолепная. Пошли оттуда в [монастырь] святого Августина. В нем живут отцы другого ордена. Они одеты, как капуцины, но во все черное и пояса на них кожаные, а в остальном, совсем как капуцины, и притом босые. Мы пришли в их монастырь. Он помещается в центре Рима. Сначала ввели нас в сад. В самом городе у них богатый сад, что очень трудно [устроить]. [Они занимают] много места. Хорошие фонтаны и прекрасные родники. В церкви подвизаются шестьдесят отцов. Ввели нас туда. Она маловата, до тридцати адли. Но трудно рассказать о красоте ее постройки. Трудно вспомнить ее. Напишу лишь о немногом: перед престолом [стоит] один цельный камень — в тринадцать пядень в длину, измерил его своими руками, и немного побольше одного адли в высоту. Из цельного агата. Агаты бывают разные и халцедон агат, и пестрая яшма агат. Этот был красный с белыми и желтыми крапинками. И по сторонам еще семь камней из того же агата, цельный, каждый из них побольше адли. И кайма из мрамора редкого цвета, красиво обведенная. Не говоря об остальном, там было два парагонных камня, каждый из которых стоил, вероятно, по две тысячи марчила. Изваяние одного угодишка лежало у основания престола слева. Руки и голова из черного парагонного камня. В изголовье лежал кусок гранита. Угодишник походил на спящего. Он стал мучеником четырнадцатилетним мальчиком. Мощи святого Конкордио лежали исленные, только плоть его высохла. Стоял вечер, нас повезли за город. Осматривали все до вторых ворот. Много красивых вещей, и родники с колоннами, и ворота монастырские, — не перечислить всего. За городской оградой у одной стены валялось много человеческих костей. Нам объяснили, что эти кости тех, кто умирает без покаяния. Их привязывают к спине осла и сваливают сюда.

Июли двадцать четвертого нас опять повели в монастырь святой Цецилии. Прослушали обедню. На ней присутствовала одна принцесса, вдова. Увидела меня мать кардинала, беседовала со мною. Потом сообщила мне радостно, что ее пять

дочерей постриглась в христовы весты. Они девственницы. «А двое моих племянников и сын мой — кардиналы. И я, — сказала она, — последовала за ними, оставила этот мир и постриглась сюда». Она была уже пожилая, видимо, в молодости красавица. Затем подошли к нам монахины святого Бенедикта. Они были в белых одеяниях. Они не ели мяса. Их было пятьдесят человек. Затем открыли другое дарохранилище. Дивные мощи лежали в нем. Под этой церковью погребены части мощей всех апостолов. Нога святого Андрея, кусок от рясы Ионна Предтечи, кусок от рясы Якова, руки святого Филиппа, два пальца и сколок черепа Фомы, всех понемногу. Череп Антония Великого, череп святого Саввы, и еще иных черепа, иных что-либо другое, без числа, все дивно устроенное. Сандалии святого Бернарда, клещи, которыми вырывали зубы у святой Аполонины, еще целые нетленные мощи девятисот мучеников. Церковь та покрыта драпью. Я ходил потом проверять это, но стены отделаны множеством удивительных камней, предивной работы: местами изображения мозаичные, местами греческие надписи. Крещение изображено везде, как поливание головы водой. Оказывается, не французы ввели этот обычай, а иудеи делали так. Колонны все были из гранита числом до сокока, каждая по шесть ади. В тот же день повелудни повели нас в монастырь иезуитов. Монастырь большой, и подвизается в нем сто семьдесят шесть отцов. Их сопровождает настоятель. Он повел нас в хорошо убранную залу. Показал нам редких рыб и больших животных, скелеты крокодила и кита. Я измерил одно звено позвоночной кости кита, поглотившего Иону. Диаметр круга почти в пядень без вершка. Пасть его отделана от кости и разверста. Одна челюсть длиннее и выдается. Множество таких редкостей там. В следующем зале собраны морские моллюски, живые. Еще дальше перламутр, ракушки и тому подобное. В следующем зале другие породы, наподобие улиток, крупные и редкие. Множество видов рыбных зубов и усов. В другом зале изделия из рогов оленей, косули, туров, серны, буйволлов, диких коз и множества диких зверей. Некоторые в два ади длиной, другие побольше, и множество таких. Рога огромных быков, удивительно большие. В следующих залах: следы константинопольских мужчин, женщин, сандалины тамешских женщин, мужчин, турецкие ложки, их кошелки карнавальные и всякие вещи, которыми пользовались в их стране. Шапки греческих монахов и всякие вещи. В следующем за-

ле — арабские, дальше — абиссинские, дальше — индийские вещи и их ценности. Дальше такие же вещи китайские.

Прошли мы в следующие двери: там находились индийские животные, звери, чучела низового сокола и тому подобное. В следующем — склянки, в которых содержатся в масле редкие змеи, редкие гады и ящерицы, скорпионы удивительные. Щенок с восемью ногами, еще детеныш какого-то животного с двенадцатью ногами, а также редкие черви. В следующем зале находятся скнутые утробные дети: месячный, двухмесячный, трехмесячный, четырехмесячный, пятимесячный и совсем нормальный ребенок. В следующей комнате — человеческая мушья и скелеты всех птиц, какие только существуют, а также скелеты обезьяны макаки и мелких зверей. В следующем разделе — рыбы зубы и резьба всякая: ветки, цветы из слоновой кости, сеть одна из слоновой кости, цельная, не склеенная, тонкая, выточенные змея и на ней же крест. Христос распятый и множество подобных редких вещей. Целые склянки с узкими горлышками и внутри Христос и святители, и цветы, и разные люди, и вонны, и вокруг них в склянке же цветы из слоновой кости. Как они смогли сложить все это в склянки с узкими горлышками! В следующем зале редкие восковые изделия, редкие яйца, и продолговатые, как тыква,несенные курами всех пород. В другом месте человеческие фигуры, мужчины и женщины, выточенные из слоновой кости, идолы и божки, дальше мраморные статуи, картины, изображающие пал и царей и деяния их. Дальше редкие изделия из драгоценных камней, агата, яшмы пестрой, изображающие и людей, и птиц, и деревья, и цветы со всеми подробностями их строения. Диву даешься. Другой раздел убран зеркалами (вертящимися). В них отражались огромные зеленые сады, повернешь их и появляются в них всякие фрукты. Еще повернешь, и покажутся всякие сахарные изделия. Опять повернул и опять новое изображение. И так много различных видов. Повернул он ключ, торчавший в одном месте, вдруг забил фонтан. В следующем разделе — убранство кизилбаша, майоликовая посуда, кумурская посуда и их быт. Дальше — китайское убранство и китайское оружие, их различные изделия. Дальше — посуда, высеченная из алебаstra. Дальше — простая глиняная посуда, дальше — стрелы, щиты, мечи. Дальше — редкие иконы. Дальше — кораллы, черные, белые, желтые, красные. Различные ветки, различно сделанные, без числа. Оттуда повели в пала-

ту, где стоял один настоящий орган, какие видели мы раньше. Над ним работали кузнецы. ПATER открыл дверцу и стал надувать меха органа. Потом перогал одну слицу. Стали раздаваться звуки, похожие на свист соловья, а иногда этот свист перебивался кукованием кукушки. Поверьте, что говорю правду. Затем клавиши органа стали играть без пальцев и сыграли две-три мелодии. С другой стороны стоял маленький орган. Открыли дверцу, и внем сидели трое мужчин и две женщины. ПATER повернул один винтик. Фигурки мужчин и женщины стали двигаться и поворачиваться в разные стороны. Орган играл, мужчины протанцовывали, женщины держали небольшие чаши, будто пили из них вино, прикладывали к губам. Открыли другую дверцу, повернули винтик. Там сидели трое мужчин. Один из них взял в руки флейту и стал играть, а двое спали. В другом месте находился еще один черный человек с собачьей мордой. Он водил глазами и челюстью и играл на трубе. Вышли оттуда. Открылась одна дверь. В зеркальной раме восседал пророк Давид в царском облачении и играл на лире. Слышны были звуки лиры. Он поворачивался в разные стороны и кланялся нам. Перед ним сидели два человека, один играл на гуслях, другой на их трубе. В зеркале было несколько их отражений. Много я видел там чудес, но всего не запомнил.

Потом обошли книгохранилище. Затем в лечебнице видел я следующее: стояло двадцать сосудов из порфира более чем по одному сапалне¹ каждый. (Некоторые поменьше, наполненные опиумом. Другие сосуды я не пересчитывал. Множество было других лекарств, но описывать их было бы ни к чему. Видел приспособление для перегонки розовой воды. На одном огне выгоняли семь сортов. Видел также аппараты для перегонки дорогих сортов водки. На одном огне можно было выгнать пять сортов водки. И еще на одном можно было выгнать шестьдесят шесть различных дорогих сортов. Нельзя перечислить, сколько там видел я различных диковинных ручных мельниц, маслобоек.

Двадцать четвертого июля повели нас в церковь святого Петра. Спустились вниз. Посмотрели могилу святого Петра. По моей просьбе отслужили на ней панихиду. Невозможно рассказать о том, как роскошно устроена она. Затем поднялись мы наверх, под самый купол. Вся римская страна и мо-

¹ Сапалне — мера емкости, около 27 пудов.

ре видны оттуда. В медном его куполе могут поместиться стоя тридцать человек. Поднимаясь, сосчитали семьсот ступеней и семнадцать куполов над ним. Трудно охватить все это взглядом. Множество залов. В них работало бесчисленное множество мастеров. Там идел я, как обтесывают для все камни, как складывают, как раскрашивают. Один купол целиком выложен мозанкой.

Оттуда зашли мы в папское книгохранилище. Ничего не сравнится с ним. Большие и длинные залы. На стенах расписаны церковные соборы, и под каждой росписью стоят книги той эпохи. Под соборами святых или язычников находятся их рукописные труды. Над ними нарисованы их изображения. Над местом, где хранятся книги Иоанна Златоуста, написанные им собственноручно, на стене нарисовано его же изображение. Так же и святой Василий, Иоанн Богослов, святой Герасим, святой Афанасий, святой Ефрем, святой Иоанн Дамаскин. Что ни святой, то его изображение на стене и на нем же написанные книги (рукописи). Собраны там книги и язычников и всех иных вероисповеданий и на всех языках. Долго искал я грузинские книги, но не нашел их, не видно их нигде. Но залы папы преудивительны. Помню залов папы, там одиннадцать тысяч келлий (кабинетов) с занавесями и со своим стулом, столом и другими удобствами. Но какие там сады внутри и снаружи. И во внутреннем саду такие фонтаны, что на них могут работать две мельницы. И сколько различных редкостных фонтанов и в залах, и в стенах, и в колоннах, и в садах! Кто сумеет перечислить их! Сколько изумительных колонн, сколько редких камней!

Двадцать пятого июля — в день святого Доминика взял меня в один доминиканский женский монастырь. Монастырь небольшой. Но с трудом прошли к нему сквозь толпу. Снаружи он был убран красными камковыми паласами. И все они перетянуты золотыми двойными нитями, наподобие камкового шитья. Внутри же, помню сюда, не видно ни одной стены. Всюду висят чисто шитые тяжелые паласы, редкостно сотканые. В семи местах стоят трапезы (престолы). Все из литого, чистого серебра. И подсвечники, и лампы, и ларцы для святых мощей без числа. Весом, думаю, более пятисот литр. Множество там редких мощей, но из-за наплыва людей не могли узнать, какие, Ушли оттуда. По католическому числению было пятое августа. Был праздник того снегопада, что я описывал раньше. Папа в тот день недомогал, не

смог выйти, а то, обычно, он всегда присутствует. Некоторые кардиналы слушали обедню. Мы же пришли туда пополудни, на вечерню. Было восемнадцать кардиналов, помимо епископов и священников. Церковь большая, но от народа не повернуться в ней. Над престолом, направо, изображение пестника Луки. Покоится он в большом гробу. Размером почти давится свонской богородице. Сын божий сидит ошую. Сами посудите, как это драгоценно убрано. И гроб его убран хорошо. Его поддерживают пять ангелов и человеческий рост. В руках у них два небольших посеребренных венка. Над ним, на самой высоте изображено: как пошел снег и как папа роет (землю), а также сам стронгаль монастыря. Все это из серебра. Над трапезой семеро святых — серебряных тридцать девять: кто руку, кто ногу, кто другие члены. Все оправлено в серебро. Все это покоится на той же трапезе. И не перечислить подсвечников и лампад и еще множества другого, о чем я и не пишу. Церковь, колонны и стены — все убрано красной камной, часто прошитой тяжелой желтой каймой. В шести местах помещаются певчие. В четырех местах играют органы. Помимо этого, инструментов без числа. Человек терлет сознание от сладости пения. То один запевал высоко, то двое согласно. То один высоким, другой низким голосом, то четверо: два низких (голоса), два высоких. То все вели вместе. И так согласно, что просто поразительно. Видел я хорошие кресты золотые, кадла золотые, дорогие одежды. Служба продолжалась долго.

Двадцать шестого июля ходил в монастырь апостола Андрей. И здесь подвизались тшатницы, пятьдесят шесть человек. Но я не видел другой церкви, превосходящей эту по величине, по добротности, по росписи или богатству. Множество там было редкостью оправленных мощей. Там находилось одно покрывало для престола, шитое золотом. Ничего подобного я раньше не видывал. Невозможно описать. С чем сравнить это! Некоторые (узоры) походили на литое выпуклое золото. Оттуда пошли к месту, где сходятся три дороги. Посередине (стоят) две церкви, похожие друг на друга. Внутри и снаружи редко и удивительно отделанные. Перед ними длинная площадь. На ней стоит высокая колонна из цельного камня. Хорошие фонтаны. Помните, у самого города было место отдыха. Теперь же это находится в самом городе.

Двадцать седьмого июля мы пошли в монастырь апосто-

ла Варфоломей. Он принадлежит ордену цоколантов. В Риме река раздвигается и в середине стоит этот монастырь, и в нем пятьдесят пять цоколантов. Церковь у них хороша, но украшена менее других. Это потому, что капуцины и цоколанты более других нищенствующие. Большой престол имеет четыре колонны порфиновые и святилище со сводом. Под престолом большая река из цельного порфира. В ней прах апостола Варфоломея и кусок его кожи. Справа, под престолом, похоронены святой епископ Павляно и святой мученик епископ Адлибердос и двое его дьяконов, мучеников. С левой стороны, в престоле, похоронены святой Феодор Римский и апостол Фома. [Его] принесли в медном тазу, сверху покрытом таким же [тазом]. Один таз находился внутри раки, другой снаружи. Был у них один шип от венца Христа. Напротив, в межречьи же находился другой монастырь. [В нем жили] патеры [отцы] в черных одеяниях, чьи обязанности и состоят в обслуживании болящих. В нем стояли до шестидесяти монахов. Такого [ксенона] я нигде не-видел. Невелик он, на сто сорок человек. Церковь внутри украшена на редкость хорошо. Хорошие иконы, мраморные колонны и стропила. В ксенове стоит орган, очень хорошо украшенный. В престоле того монастыря погребены Иоанн убогий и жена его Маринос [Марфа] и ее двое малолетних ребят. Все четверо мученики. Там же святой мученик Эрконос нетленный. Оттуда пошли в монастырь святой Пелагии. Он хорошо убран, но святые в нем не погребены. Лишь с одной стороны похоронен один царь и напротив — царица, его супруга. На одной могиле нарисована тень, а на другой нет тени. Оттуда пришли мы во дворец святого Евстафия. Там был устроен монастырь, но церковь не очень украшена. Нынешний папа приказал своему племяннику кардиналу построить большую церковь и украсить ее. Там находятся в одном гробу святой Евстафий, жена его Феофиста и дети их — Агафий и Агафистос. Сверху голова святого Евстафия, хорошо украшенная, и одна рука и копье боевое его же.

Двадцать восьмого июля мы пошли в большой монастырь, построенный благотворительностью папы. На этот раз не смогли его осмотреть. Но рядом одна церковь, построенная крестообразно, еще незаконченная. Вперед помещенье для девственников, справа — для женщин, слева — для детей и с юга — для мужчин. Всего [могут поместиться] тысяча двести душ. Помещения эти были устроены со всеми удобствами и

в отдельности для всех. В самом низу прачечная, над ней жильё, выше — помещение для слушания церковной службы, еще выше — для больных. Хворым, которые могут ходить, стоит чуть привстать, чтобы пройти в церковь послушать службу, а для тех, кто не может, тут же устроено помещение для службы (отправление церковной). Над всем этим находятся рабочие комнаты. Все, кто чем хочет, занимаются там. Из всех четырех отделений (выходят туда) работать. (Для всех групп) разные алтари и разные наставники, разные претолы, разные кухни, разные сады, разные рощицы. Там трепали шерсть, лени и ковоплю. Чистили, пряли, ткали (по) два, три сорта. Ткали полотняные полосы, трепали шерсть, мыли, мотали, пряли, вязали, валяли и красили хорошие шерстяные ткани, сушили и тому подобное. Из них же выходная ремесленники разные — кузнецы, чувачники, башмачники, ткачи, плотники. Там воспитывались все сироты и беспризорные бедняки. До десяти лет обучали их грамоте. А затем по желанию направляли в соответствующую мастерскую. Там же находились книжная типография, ковровая мастерская, живописная и тому подобные. Переплетали книги. Каждого обучали там ремеслу по его желанию. Там было до сорока слабоумных, не повинующихся своим родителям. На ногах у каждого из них кандалы, и они привязаны. Они крутили моталки для злонки. И были они заперты за тремя дверьми. К ним приставлен один священник, как учитель и наставник. У каждого молитвенник и четки. Тут же находится молельня, и их не лишают ежедневной обедни, они молятся и прядут. Кормят их церковной пищей. Вовремя их исповедуют и причащают и бьют столько, сколько им прописано врачом на неделю. И ночью бросают их в одиночные кельи с железными окнами. Постели у них готовы, и за ними запирают дверь. Там же видел я, как набивали, раскатывали гладкую ткань. Два камня были привязаны друг к другу. Три локтя в длину, три пядени в ширину и триста пяденей в обхват со всех четырех сторон. Можете представить себе! Два мальчика без труда двигали их то вперед, то назад и раскатывали. Там же видел я нечто наподобие железной ткацкой машины, на которой вязали ноговицы. Один человек в день смог связать одну пару. Поразительная вещь! Вязали будто чулочными спицами. Ткацкая (мастерская) была устроена так чудно, что если человек сам не видел, то объяснить трудно.

Оттуда пошли в монастырь цоколантов. Смотрели мэ-

настырь, заслуживающий похвал. Там маленькая молельня, деревянная. Понравилась нам очень. Оказалось, что это жилище святого Франциска. Прослушали обедню. Один патер повернул ключ. И все эти доски и бревна повернулись и оказались оправленные в серебро мощи. Сорок сосудов и в каждом множество мощей. Когда обедня кончилась, он снова повернул ключ и мощи исчезли внутрь и снова повернулись доски. Ушли оттуда. Завели нас в один монастырь, по правде говоря, церковь была достойна своего назначения. Я рассматривал монастырь с удивлением и когда заметили, что мне очень здесь понравилось, сообщили, что церковь эту и монастырь, и больницу при нем построили и украсили садовники и фруктовики. Кто из них заболевает, того кладут лечиться сюда, кто ни умирает погребают там же. Меня поразило, где могли такие люди взять столько колонн из дорогого мрамора. Я не верил своим глазам.

Кардинал сакрипант приходил проведать меня дней десять назад. А сегодня под вечер пожаловал ко мне кардинал — племянник папы. Беседовал со мною. По его уходе, тотчас же явился старший придворный писец. Он — главный визир папы. Долго сидел у меня. Расспрашивал о многом. Дела кардиналов и соборов — все в его руках. Когда он уходил, то не дал даже проводить себя за дверь. Пришел племянник папы, светский человек, Александр. Я хотел, но не смог первым навестить его, он осведомился обо мне, посадил рядом с собой, сказал: «Я пришел не сам, а по поручению папы, проведать тебя». Просил прислать к нему слугу и требовать у меня все, что пожелаю. Он был молодой, хорошо воспитанный человек.

Двадцать девятого июля я отправился проведать доминиканского кардинала. А затем пошел в монастырь святого великого Антония. Видел тамошних отцов. Хороший, изрядный монастырь, но ничего достопримечательного там нет. Находится часть мощей святого Антония. Целиком он погребен во владениях французского дофина. Мы не смогли посмотреть мощей. В тот день вышел погулять посол императора. Был закат солнца. Его сопровождали более ста колясок. Помню верховых, за ним еще следовало большое войско. Я направлялся в монастырь святого Антония. Не стал дожидаться его. Зашел в монастырь.

Июля тридцатого, по их исчислению десятое августа. День ангела святого дьякона Лаврентия. Сначала мы пошли

осматривать его дом и церковь. Там слушали обедню. Здесь воспитываются за счет папы сыновья греков и армян, которые приходили сюда тайком, или же нуждающиеся молодые люди. При нас там было их сорок человек. Затем после полудня повели нас в монастырь святого Лаврентия. Он находится на расстоянии одного эджи от города. Хороший и изрядный монастырь. Хорошие колонны из редкого гранита. Каждая из них цельная, числом до сорока, по пяти адля, иные по четыре. В святилище — четыре порфировых колонны, по три адля каждая. Выше гробница. Там погребен святой Лаврентий, давно казненный. Туда же затем привезли святого Стефана первомученика. Свистейший папа повелел похоронить его вместе со святым Лаврентием. Когда подошли к гробу и подняли крышку, святой Лаврентий сам подвинулся в одну сторону и лучшее место уступил святому Стефану. Там же погребен еще святой мученик Юстин. С правой стороны похоронена святая Квириак. Над ней Григорией Диалогом построен алтарь. Он украшен редким цветным мрамором. Сам Григорий Диалог, оказывается, часто служил в нем позднюю обедню. Пол в монастыре выложен мелкими камнями, такого я нигде больше не видел. Монастырь украшен. Наверху находилось множество хороших мошей. Ушли отсюда. Был день ангела святой девы мученицы Сусанны. Над могилой ее построен женский монастырь. Трудно поверить, глазам, когда видишь убранство женского монастыря. И там погребена святая Сусанна. Отец ее был братом царя Габвино. Их замучили обонх. Святая Феллинта со своими семью детьми (дочерьми, сыновьями) нетленные, находятся там. Не стану писать хвалу той церкви. Редкое убранство, хорошее местоположение. В три ручья бьют родники, каждый из них пригоден вертеть мельницу. Посередине стоит Моисей, который ударил жезлом и рассек скалу, и пошла вода. По сторонам израильтяне, пьющие воду. Изобразено и то, как поили... Преудивительно все это. Выстрелили из пушек, которых там было, наверное, до сорока штук. Но самое удивительное было женское пенне внутри храма. Ничего приятнее нельзя услышать. На третий и на четвертый день принесли мне много гостинцев от свистейшего папы. А в этот день прислали в дар множество сладостей и шербета.

Июля тридцать первого свистейший папа просил пожаловать к нему. Я пошел, приложился к его стопам. Он осведомился обо мне: «Я и завтра бы повидал тебя, но сам ты ви-

дишь, что не смогу». Много приятных слов говорил он мне. Собственноручно пожаловал мне животворящее древо, хорошо сделанное, агатовые четки, оправленные золотом, и на них золотая икона, святые мощи во отпущение грехов. Изложил сказать: «Рад, что в Риме о тебе добрая слава, что хорошо и умно ведешь себя». Долго любезно беседовал. Прашлю, мол, тебе святых мощей и карету, в которой езжу я сам, и ты в этой карете объезди семь церквей и помолись об отпущении грехов. Эти семь церквей следующие: первая — святого Петра, вторая — святого Павла, третья — пресвятой богородицы, та, что построена в честь появления снега, четвертая — Иоанна Предтечи, построенная Константином, о чем я тоже писал выше, пятая — святого диакона Лаврентия, о котором я писал, шестая — церковь Креста и седьмая — на могиле святого мученика Себастиана. Человек должен обойти эти церкви в течение сорока часов и с горячим сердцем (с горячей верой) молиться везде. По мере искренности молитвы ему простятся (грехи). Я же был стар и хвор и время было мало, жаркое. Папа не дал согласия на мое хождение пешком. Дал отпущение: «Я тебе отпускаю (грехи), поезжай в моей карете». После обеда мы поехали проведать одну деву, племянницу папы. (В этой стране) человек низшего происхождения не может стать даже епископом. А вы можете себе представить, какого высокого происхождения должен быть папа. Но если даже папой станет человек низшего происхождения, то его сестра или племянница (дочь брата или дочь сестры) могут быть женами только лишь знатных людей. Папа же, этот — Климент Двенадцатый — знатного происхождения, и у него одна племянница. По правде говоря, она и красива и царственна на вид, и так великолепна, что равнее подобную не видел я во Франции. Многие знатные люди хотели разделить с ней престол. Она говорила: «Если бы мой дядя не стал папой, я бы вышла и за короля, но теперь не достойно дяди моего, чтобы я владела страной или выходила бы замуж». И постриглась сама в монахини (в орден) святой Терезы. Недавно начала сама строить монастырь. Церковь их не убрана так, как другие. Только на раке святого причастия (стоят) шесть колонн из драгоценного камня длиной в одну пядь. Она поистине благородная женщина. И сама не захотела стать настоятельницей. Она поставила над собой одну благородную почившую даму и подчинилась ей. Она увидела нас из окна, как и других.

Оттуда поехали на могилу святой Анисии, что за городом на расстоянии двух эджей. Наступила ночь. Мы спустились вниз на двадцать пять ступеней. Все они из мрамора. Это и был когда-то ее дом. Там ее и замучили в двенадцатилетнем возрасте. Удивительно был украшен этот монастырь. Большая церковь, и в ней два ряда колонн из драгоценного камня, которые подпирались еще столбями. Пол драгоценно украшен. В большом алтаре погребена святая Анисия. Наверху стоит ее изображение. Оно изваяно из белого агатового камня и рубашка на ней из камня. Удивляюсь, как это сделано. Четыре порфиновые колонны по три пяди каждая. Такого порфира в Риме не видел. Он отражает все, как зеркало. Купол святилища весь из порфирового камня. Там же погребена святая мученица дева Меранциана. Повыше вдоль тянется сад. Там капище, посвященное богу вина, построенное в ту пору. Оно круглое и в середине двойная колоснада, их сорок. Все из красного мрамора и гранита. Над ними ярки и в вышине, внутри, купол, весь выложенный мозаикой. (Изображены) бог вина и виноград, сбор его, урожай, как его давят в давильнях, вино и винопитие. Посередине, оказывается, стоила гробница того бога, но его отставили в угол. Она из порфирового цельного камня, двенадцать пядей в длину, семь в ширину, шесть в высоту и сверху крыша, опять-таки цельная. Но какой величины! Вокруг изображены деяния бога вина. Все это редкой работы. Гробница стоит в углу для обозрения чужестранцев. И это капище превращено в церковь царя Константина, святой Констанции. Оказывается, она заболела и обратилась с молитвой к святой Анисии, та ее исцелила. Поэтому капище превратили в церковь. Сама она постриглась, выстроила женский монастырь и поступила туда. И сделалась святой. И святая мученица дева Атиха и святая мученица дева Артемия погребены в середине той церкви. Над ними алтарь. Там же престол. На могиле святой Анисии горит множество лампад в форме гранатов. Церковную службу управляет там один священник и над обеими (могилами) — свой притвор. Монастыря нет.

Первого августа поехали в монастырь святого Себастиана, что на восточной стороне, за старым Римом на расстоянии одного эджи. Зашли в монастырь. Он большой и хороший, но постройкой отличается от других. В середине алтаря, под большим престолом, похоронен святой папа мученик Стефян. В престоле по левую сторону (находится) святой Себастиан.

И внизу стоит изображение святого Себастьяна, пронзенного стрелами, высеченное из мрамора. И кажется, словно его только что убили. С правой стороны, на престоле, лежит камень со следами ног Христа: когда Петр скрылся из Рима, по дороге встретил Христа. Он нес крест и шел в Рим. Петр спросил: «Камю грядеши, господи», Христос ответил: «Хочу быть распитым на кресте за людей второй раз в Риме». Когда Петр пришел в себя, Христа уже нигде не было, но на камне остался след от обеих ног его. На том камне был след от ног Христа. Раньше, там, внизу, в склепе, целых три столетия были погребены святые Петр и Павел. Теперь же там покоятся на престоле по одному их зубу. В разных местах похоронены голова святого мученика папы Урбана, рука апостола Андрея, голова святого апостола Луки, рука святого Рокко, голова святого мученика папы Калиника, рука святого Христофора, голова святой деви мученицы Валентины, рука святого Себастьяна, голова святого папы римского Стефана, кусок эвандеи колонны святого Себастьяна и множество мощей в двух больших сундуках, говорили, что там хранятся мощи ста шестидесяти шести тысяч святых. Оттуда пошли посмотреть могилу святых Петра и Павла. Вернулись. Открыли другую дверь. Мы со свечами спустились туда, где в древнем Риме скрывались христиане и святые папы, трупы замученных крали они и погребали там же. Мы устали ходить. По сторонам тянулись могилы одна за другой, то по четыре, то по пять, иногда по одной. Многих оттуда взяли и похоронили в других местах. Множество там мест, недоступных человеку. Над могилами тех, чьи имена известны, стоят камни с надписями. А над теми, чьи имена неизвестны, на камнях вырезан один лист хурмы и у изголовья стоит стакан с их же кровью. На некоторых вырезан только лист хурмы. Множество дверей завалено землей. Если погаснет свет, человек не найдет дороги. Внутри находятся церкви, множество комнат. Ушли оттуда. В том месте, где Петр встретил Христа, на дороге построена небольшая церковь. Взамен того камня на мраморе высечена ступня Христа. Мрамор размером с тот самый камень. Он покрыт железной сеткой для приметы. По одну сторону стоит Христос в терновом венце, несущий крест, избитый и окровавленный, как в тот день. По другую сторону нарисован Петр. Было полное впечатление той встречи. После обеда мы пошли на могилу святого старца Филиппа. Сто

шестнадцать лет прошло с тех пор, как он скончался. Но он творит чудеса и по сей день. При жизни его мучил смрад от грехов человеческих. И множество он совершил тогда чудес. И совершает и по сей день. Там подвизаются до сорока старцев. Старцы эти живут несколько отлучно. Но монастырь внутри меня удивил. Добротность и убранство церкви, и постройка, и богатство, и лампы, и подсвечники. Пожалуй, в них было до семисот литр серебра. Четырнадцать изваяний святых из литого серебра в человеческий рост. Но трудно описать все подробно, и вы можете сказать: он пишет так, что, наверное, это неправда. Множество удивительных и разнообразных мелочей. Напишу следующее: (там находится) голова святого Григория чудотворца и святого Игнатия Богоносца. Он все так же в греческом венце и в анафоре из виссона. Там же находились святые мощи в человеческий размер и десница святого Спиридона чудотворца. Монастырь невелик, предорого украшен. Запущенный сад. Семь-восемь фонтанов. Дорогие камни и агаты или парягонские камни. Поразились. Великая яшма с естественно затвердевшими внутри ветками. Черные цветы на них, размером и побольше и поменьше одной пяди. И множество другой расцветки. Был удивлен. Место, где молился тот святой Филипп, его келья, спальня, кровать, постель, книги, — все это хранилось, как святые мощи, с почетом. Сердце его в дорогой оправе и украшениях. И множество подобного. Дерево животворящее и множество другого. Оттуда мы пошли в монастырь святого Рокко. Святой Рокко погребен во Франции. Но церковь его украшена достойно, убрана дорого. При ней находятся больница.

Второго августа мы пошли в монастырь Иоанна Предтечи, построенный царем Константином, о чем я писал раньше. Это и есть церковь святого папы и место его пребывания. Папа является там и епископом. Это первая церковь в Риме, построенная во времена христианства. А затем, когда построили усыпальницу святого Петра, папа поселился там. Дворец свой оставил сиротам. Все сироты Рима, или беспризорные, или те, кого не могут содержать родители, все находятся там. Места в нем на восемьсот женщины. Бывает же иногда больше, иногда меньше. При мне там находилось четыреста женщин. Привозят их туда маленькими, обучают всяким занятиям: грамоте, делам веры, а затем рукоделиям. Надзирают за ними монахини, наставники и священники. Все там благоустроено. И для послушания и для жизни. Кто пожелает, мо-

жет и замуж выйти. Работу дает им папа. Пищу и одежду тоже. Все, что они делают, принадлежит четырем монастырям, а одна часть им самим. Когда они уходят из этого приюта, им дают по сто марчили в приданое. До двадцати лет выходить замуж не могут. После двадцати лет могут делать все, что им захочется. И дают им по сто марчили. Входить к ним никто не может. О нас было дано распоряжение папы, и всюду сопровождал нас человек от него. Нам показали все, без утайки. Открыли все двери, кухню, рабочее помещение. Порядки там такие, как и в других женских монастырях. Никто туда не может пройти. Те, кто приходят навещать своих сестер или дочерей, видят их через окно. В честь нас они пели. Удивлялся я. Видел множество рукоделий, сделанных ими. Одежду для тех юношей, о монастыре которых я писал выше, шьют и стирают эти. И замуж выходят за них. Мы ушли оттуда. Посмотрели монастырь святого Климента, Римского папы. Он очень древний. Там похоронен святой мученик Игнатий, ученик Иоанна Предтечи. Теперь покровительствует этому монастырю святейший папа, так как и его тоже зовут Климентом. Он обновлял в нем все. Богатый монастырь. Украшен мозаикой и красивыми мраморными колоннами. Скамьи для сиденья кардинала все сделаны из мрамора, редкой резьбы. Оттуда пошли в монастырь святой Франчески римлянки. Святая Франческа была замужняя женщина. Она была такая благостная, что, когда становилась на молитву, ей пели ангелы. И теперь она творит чудеса. Эта церковь также убрана редко и богато. И снаружи, и внутри. Множество драгоценных камней и самородков агата, разрисованных самой природой. Могила ее пред центральным алтарем. Он редко украшен. Гроб серебряный, покрытый позолотой. И на нем ее лик из серебра, густо позолоченный. С одной стороны изображен) Петр, сбросивший (с молельни) жреца Симона, отпечаток колен которого остался на камне. Множество других икон и мраморных изваяний. Но из всех редкостей больше других понравились мне на одном алтаре шесть подсвечников деревянных, которые держали ангелы. Редкой работы были они. Оттуда пошли на могилу мученицы девы Мартины. Церковь крестообразная. Каждый, по-видимому, старался построить лучше и затратить больше. И действительно, поражает, как собрались столько замечательных мастеров. Не буду описывать других удивительных вещей. Мы спустились в усыпальницу. Она построена по образцу верхней церк-

ни, но так же, как хрусталь превосходит простой черный камень, так нижняя постройка превосходит верхнюю. Двадцать пять колонн из цветного мрамора редкой работы. Самая лучшая из них одна синяя колонна. Эти камни были обнаружены там же внутри. И не перечислить, сколько еще там агатовых камней больших, или яшмы, или лазури. По всем четырем углам погребены: в одном — святая мученица дева Собяна, во втором — святая мученица дева Доротея, в третьем — святая мученица дева Феодора, в четвертом — святая мученица дева Ефимия. Перед икою, у алтаря, погребены святая мученица Мартиния и мученики Конкордий и Епифан. Все в ряд. И их могилы сплошь украшены яшмой, агатом и лазурью. Наверху помещалась икона богоматери с Христом на руках, колени преклоненной перед Мартинией. И выше стояли те три мученика, высеченные из белого цельного агата. Представьте себе, сколько труда и мастерства положено на это, и как это дорого. После обеда пошли (смотреть) дворец святого Григория Диалога в монастыре других кармелитов, который находится на расстоянии одного эджи от церкви святого Петра. Он очень любил, оказывается, это место. В церкви стоит стул, на который он садился. Церковь большая. По обеим сторонам по шесть сложенных колонн. Пол собран из дорогих камней, местами (выложен) мозаикой. Стены со старинной росписью греческих мастеров. В святилище, внизу, четыре порфиновые колонны по три адли. Еще выше над ними восемь колонн из порфирового камня того же размера, одна перед престолом, две перед столиком для чтения Евангелия, одна — перед подставкой для чтения Апостолов. Перед другим престолом одна колонна справа, другая слева. Длина каждого двадцать пядней, ширина — шесть пядей. И еще других колонок поменьше, порфировых, алебастровых, агатовых, без числа. Мраморные и гранитные колонны. Парагонские камни и тому подобное. И там можно было спуститься под самую церковь, подобно тому, как и в гробнице святого Себастиана, где была пещера и спуск. Спускались со свечами. Множество могил мучеников и мощей. Мы прямо по ним ходили. Были извлечены сложенные под алтарем семьсот покойников, указанных по именам. Часть из них святой папа отдал в другие места, а часть оставалась еще не извлеченной. Еще не прорыт доступ к ним. Там же обнаружили святого мученика папу Селестина и многих иных. Оказывается, потому и устраивался (садился) здесь святой Гри-

горий Днолог. Множество, без числа мощей внутри. Есть и оправленные и убранные мощи. Нам показали множество дорогих хрустальных подсвечников, хрустальных крестов и тому подобное.

Четвертого августа мы пошли туда, где Иоанна Предтечу бросил Нерон в кипящую смолу. Посреди дороги стояла маленькая круглая часовня, где могли поместиться лишь четыре, пять человек. И под престолом стоял тот котел. И больше ничего. Но престол был мраморный и украшен лампадами. По ту сторону дороги стояла церковь Иоанна Предтечи, большая и старинная, с хорошей колоннадой. Ушли оттуда. Подошли к одному капищу (выстроенному) в честь бога правды, как они называли его. Лежит большой камень, в человеческую голову с раскрытым ртом. По поверью, если человек, сказавший неправду, вложит ему руку в рот, тот славит ее и отломает. Потому и называли его богом (правды). Камень оставили лежать там же, а капище превратили в церковь матери бога правды. Хорошая церковь. Про того бога рассказывали следующее: одному человеку стала изменять жена. Муж заметал и стал обвинять ее в этом. Жена отрицала. Муж сказал ей, если ты права, то вложи руку в рот бога правды. Женщине ничего не оставалось делать, и, спустя два дня, она дала на это согласие. Но до этого она встретила со своим любовником и сказала ему: муж мой грозитя повести меня к богу правды. Но если я суну ему руку в рот, он ведь отломает мне ее. Человек же тот ответил ей: не тревожься, я переоденусь нищим и прикинусь бесноватым, буду поджидать тебя по пути и, как бесноватый, поцелую тебя. А богу правды скажи так: ты видел человека, который поцеловал меня, и если, помимо него, кто-либо целовал меня, то откуси мне руку. И все тем и кончится. Женщина так и поступила и с тех пор (бог) никому не отдавливал руку. Но идол тот лежит там же, у ворот церкви. На месте, где находится котел Иоанна Богослова, недавно обнаружена такая же пещера мучеников, какую я описал выше. Четыре сундука, наполненных мощами, отправили к папе. А другие двери снова завалили. И никому неизвестно, что находится внутри. Известно только, что и там большое кладбище. Оттуда повели нас в другое капище. Оно окружено колоннами, над ними купол. В старину храм был посвящен богу солнца. Теперь он освящен, как храм матери света истины. Церковь невелика. Оттуда пошли в церковь Марии Египетской. Она невелика, но старин-

ной, хорошей кладки. Все армяне останавливаются в ней. Там же пьют и едят. Если умирает кто, здесь же его и хоронят. В ней находится изображение Григория Парфянского¹ и его страстей.

Пятого августа я виделся с папским проповедником. Оттуда зашел посмотреть дом Григория Диалога, обращенный в монастырь. Множество хороших колоен и пол выложен перламутровой инкрустацией редкой работы. Крыт дом деревянной крышей. Смотрела под престолом множество святых мощей. Под другим престолом лежит святой Пантелеимон. В другом алтаре погребена святая Сальвия, мать святого Григория, [тут же находится] стол святого Григория, с которого кормил он нищих, когда подсел к нему ангел. Сальвия и молельня святого Григория, Икона пресвитой, что заговорила со святым Георгием. Оттуда попутно пошли посмотреть темницу, где были прикованы святые Петр и Павел. Один язычник занес руку над Павлом, и ударил его лицом о камень. На его лице [отпечатался] тот камень, заделан ему, в которой сидели святые Петр и Павел, теперь в ней стоит вода, и в той воде совершают крещение.

Шестого августа мы поехали в монастырь святой мученицы девы Бальбины. Там находилась ее могила и могила ее отца, святого мученика Квирина и других. [Там же были] святой мученик папа Урбан, святой мученик Филиксимон и святой мученик Агафистос, святой мученик Мавнос, святой мученик Яларий, святой мученик Викентий и еще пять других мучеников: имена всех неизвестны. Была дверь, ведущая в пещеру, в которой множество святых, [но дверь эта] еще не открывалась.

Восьмого августа пошли в монастырь, где воспитываются дети римских вельмож. Монахи обучают их всяким премудростям. Мы были там в первое воскресенье после поминовения усопших. В этот день там собираются кардиналы, епископы и знатные вельможи проведать своих сыновей и узнать об их успехах. Мы пришли рано. Накануне ко мне приходили двое юношей, сыновья вельмож, и приглашали меня от имени их настоятеля. Мы вошли. Настоятель встретил меня у входа. Весь монастырь, дорожка, все помещения, алтари, — все было устлано красным камковым ковром с кайманн. Все было убрано богато. Особенно богато была устлана одна комната.

¹ Святой армянской церкви, обративший армян в христианство.

Вначале стояли в четыре ряда скамейки для певчих и музыкантов. В середине сидели трое певчих и повыше девять скрипачей, пониже еще девять музыкантов, играющих на скрипках поменьше размером. Подальше, по обеим сторонам от певчих, четверо играли на больших скрипках, одна на цимбалах и одна на пятиструнном инструменте, продолговатом и похожем на хутдзали¹. С одной стороны ручка была длиннее, а на ней около семи длинных струн и поближе к ручке множество струн. Посередине внизу кафедры для проповеди и высокая псаломная цевница. Были поставлены по пяти стульев для кардиналов по обе стороны. За ними шел небольшой проход. А потом вокруг стояли епископские стулья числом до сорока, и за ними возвышения в три ряда для настоятелей. В стенах ниши в четыре ряда повыше и пониже стояли вельможи. Вошли туда. Они сидели на хороших местах. Мы стояли. Пришли певчие, музыканты. Уселась на свои места. Пришли кардиналы и епископы. Все заняли свои места, также и знатные вельможи. И начали играть. Те трое певчих, что пели порознь, несогласно друг с другом, могли свести с ума. Один пел высоким голосом, один средним, один — басом. Но пели они прекрасно. Когда спели по разу, выступил один юноша: он роздал кардиналам цветы, — по одному шелковому и по одному живому цветку. Поклонился по обе стороны, стал на псаломную кафедру и по-латыни прочел проповедь об успении пресвятой девы. Когда он кончил, встал второй юноша. Он был постарше. Он также поклонился кардиналам в обе стороны, поднялся на псаломную кафедру и сказал проповедь о вознесении пресвятой. Затем певчие снова стали петь. И в третий раз поднялся один совсем юный молодой человек. Он произнес проповедь по-гречески о младенце Христе, стоящем одесную пресвятой девы. Сам он был грек. Ушел оттуда. После обеда мы пошли туда, где милостью папы воспитываются дети греков, армян, арабов и других. Пришли еще другие кардиналы и епископы. Но те, прежние, были богаче. Они сели. Сначала поднялся один юноша и сказал проповедь, но по окончании проповеди никто не пел, ибо среди них не было певчих. Напротив сидели тринадцать юношей. Посреди них один эфиеп черный, постарше их. Он встал, поклонился

¹ Хутдзали — пятиструнный инструмент.

кардиналам и открыл богословское прение. Другие отвечали. Долго спорили. Затем эфиоп произнес на своем языке в честь пресвятой девы хвалебные оды, сочиненные им самим. Потом сказал: я — эфиоп, происхожу из такого-то места и назвал себя и низко поклонился кардиналам. Трое совсем юных отроков снова обошли кардиналов и поднесли им цветы и маленькие иконы успения пресвятой. Кардиналам поднесли по два, остальным по одному цветку. Потом встал следующий, тоже произнес славословие и прочел стихотворение о пресвятой. Я латинянин, сказал он и сел. Следующий также поклонился и прочел стихотворение. Я русский, сказал он и сел. И так вставали следующие и говорили: я грек, я египтянин, я немец, я босниец, я араб, я армянин, я перс, я еврей, я турок, я ассириец, и так каждый по очереди читал на своем языке стихи и говорил славословие. Их епископ даже пошутил со мною: нам недостает грузина, пришли к нам юношей, обучу их и верну тебе. Но это была не только шутка, он передавал мне просьбу по повелению папы. Затем поднялись трое юношей, они долго спорили меж собой, я не понимал, но, видимо, было интересно. Они кончили, и мы ушли.

Августа девятого мы пошли посмотреть монастырь, выстроенный одним кардиналом. Церковь маленькая, в ней два священника. Все бедные и изгнанники: лютеране, армяне, ассирийцы, все отступники приходили сюда, и их здесь содержали. Кормили, поили, одевали, обували, обучали вере и отпускали. Сорок один год как существует эта церковь. За это время они обратили и посветили Христу три тысячи четыреста девяносто две души. При мне там жило до шестидесяти человек. Но всех видеть я не смог, некоторые отсутствовали.

Августа десятого мы пошли в монастырь святого Афанасия Александрийского. В нем были одни греки. Монастырь благородный и хорошо убранный. В нем не было дорогих колонн и камней, но стройка вся была из белого мрамора. Множество хороших мошей, престол хорошо убранный. Чаша святого причастия дорогой работы и греческие лампы. Обедню служили по-гречески, но очень торжественно и хорошо. Мне их порядки очень понравились, у них хорошие манеры. В Риме у них хороший сад с красивыми фонтанами. Оттуда пошли проповедать отцов ордена святого Бенедикта. Я видел там множество драгоценных икон, расшитых золотом и серебром. Видел также их ткани, которые в огне не горят. Мне подарил

ли нитки, из которых делаются они. Тканей же готовых не было. Мощи хороши.

Августа одиннадцатого. Святейший папа дозволил послать голову святого мученика Клементия, мощи нетленные в одну из семи церквей, а свою коляску [прислал] мне, чтобы я объездил с молитвой все семь церквей.

Двенадцатого августа поехали осматривать семь церквей. Сначала под вечер приехали в церковь святого Петра. На другой день рано поехали в церковь святого Павла. От старого Рима до нее полтора эджи. На римской реке теперь построена новая большая церковь, но она из кирпичей и кровля гонтовая. В ней девяносто каменных колонн, каждая повыше шести адли, иные и по восемь адли. По сторонам более толстые колонны. Одни из гранита, другие иные из другого камня. На престоле двадцать четыре колонны из порфира, но меньшие, около четырех адли каждая. Престол весь выложен мозаикой. Наружная сторона местами попорчена. Церковь древняя. Вся расписана греками. Три шага в длину и двадцать четыре в ширину. [Там находятся] половина праза святого Петра и половина Павла. Одна [часть] церкви Петра и другая святого Павла. Головы обоих в церкви святого Исаак на Предтечи, они помещены в гробнице святых апостолов в середине, как [в церкви] святого Петра. Но в церкви святого Петра глубокий спуск, а здесь надо подниматься по ступеням вверх, а затем спускаться вниз. Итак, в церкви святого Петра наверху по правой стороне погребен святой Петр, а по левой — святой Павел. А в церкви святого Павла — справа святой Павел, а слева святой Петр. С левой стороны стоит убранный престол и на нем покоится распятие. Оказывается, была одна идова по имени Печита и этой монахине неоднократно являлся Христос и беседовал с ней. Пол большей частью выложен мозаикой и цветным мрамором. Ушли оттуда. Прошли один эджи и пришли на то место, где были казнены святые Видженсий и Анастас. Хорошее место и церковь хорошая. Множество мошей, [там хранится] кусок пелены Христа, в которую положили его. Часть древа креста. Кусок простыни, на которую положили распятого Христа. Осколок с надгробного камня с могилы Христа. Часть одежды пресвятой богородицы. Часть одежды Иоанна Крестителя. Зуб святого Петра. Части мошей всех апостолов. Мощи святого мученика Клементия и множество других. Святые мученики Фосно и Коста. Немного подальше церковь, которая называется Небес-

Карта Республики Молдова по состоянию на 1 января 2000 года.

ной лестницей. Когда святой Бернард служил там вечером, ему было видение: с престола поднялись к небу души. Там похоронены святой Зенон и тысяча триста четыре мученика. А дальше место, где отрубили голову святому Павлу. Оно прикрито решетчатой рамой. Голова эта, оказывается, падала в трех местах. Из места первого падения потекло молоко. Голова подскочила и упала, отлетев за три аджи. Из этого места потекла кровь. Снова отлетела на четыре аджи и упала. Оттуда потекла вода. Ныне из всех трех мест бьет хорошая вода для питья, разного вкуса. У воды той нет стока. Стоят три престола, хорошо убранные. Две порфиновые колонны. Восемь из цветного мрамора и две из гранита. Оттуда ушли. В одном месте по приказу святейшего папы нас ожидал священник. Мы спустились с ним в одну пещеру. Она была больше той пещеры святых, что смотрели мы раньше. Вся она сводчатая и выложена камнем. Местами покрыта известью. Церковь и проходы все расписаны. Множество мучеников. Ему было приказано дать мне все, что пожелаю. Мы много ходили, но определенного святого не могли найти, хотя святых мощей было много. Признаком того, что покоится мученик, служит следующее: в изголовье стоит стакан крови и на некоторых надписано имя. Или же (в изголовье) изображен лист смоковницы или птичка, или крест. Обнаружили одного мальчишка со знаками мученичества, вырыли его. Он весь разложился в прах. Вырыли второго, ropесника. И тот разложился. [Обошли] семь церквей. Много нужно труда [чтобы содержать их]. Я взял с собой пять [мощей] с землей и два стакана с кровью двух мучеников. Следы крови мучеников казались свежими. В могиле одного мученика нашлн перстень с большого пальца. Мученика оттуда, оказывается, уже выкопали, а кольцо осталось там. Там же были три лампы из обожженной глины. До того дня я не видел крестового монастыря. Очень хороший монастырь. Благоустроенный. Пол весь мозанчный. И внизу молельня царицы Елены, устроенная так же, как в Иерусалиме. Очень мне понравилось. Каждая церковь, в которую мы заходили, все более и более меня удивляла.

Тринадцатого августа я навелнл кардинала сакрипанта. После обеда ко мне пришли два епископа и взяли меня с собой. Мы пришли в дом к одному человеку. Мне показали мраморную могилу, хорошо высеченную и с крышей. Внутри находятся кости человека, одежда и тому подобное. Там же

лежит кусок ткани, похожей на плотный холст, в длину почти в два человеческих роста, в ширину один аршин. На него капнули воском, проволочили и подожгли. Воск здесь выгорел, а полотно стало, как стираное. Затем насыпали на него горящие угли и стали раздувать из маленького меха. Угли разгорелись, а полотно все походило на стираное. Огонь не причинял ему вреда. Французский кардинал предлагал за него тысячу марчи. Но его не отдали. Я, конечно, не мог купить его, когда даже французский кардинал не сумел, а это был бы прекрасный подарок для царя Вахтанга. Называется эта ткань горным льном. В книгах он называется не горным льном, а деревом. Я видел такой горный лен. Шах прислал его царю Вахтангу и просил достать такой платок.

Четырнадцатого августа было двадцать пятое августа по их счислению. День святого Варфоломея и святого Людовика, именины французского короля. Их фамилия причислена к святым. Меня повели в их церковь. Помимо епископов и прочих духовных лиц, на обедне присутствовали тридцать четыре кардинала. Можете себе представить, что это было. Трудно было пробираться по дорогам из-за колысок, а в церкви — сквозь толпу. Французы нас узнали, приветствовали. Завели нас через другие двери и усадили наверху на таком месте, откуда все было видно. Все дорожки, ведущие к церкви, были устланы коврами, в самой церкви была постлана красная намка, вся расшитая золотом. Большой престол был весь из серебра, красиво отлитый. Там стояли серебряные цельнолитые статуи святого Людовика, святого Дионисия Арсезага, святого Доминиана и святого Карла. Двое из них были увенчаны царской короной, на двух были епископские митры, усеянные драгоценными камнями. Кресты на них и нагрудные иконы были также украшены очень дорогими камнями и внутри были вложены частички их мощей, хорошо сделанные. Внизу находилась молельня святого Людовика, тоже очень драгоценно убранная. Все лучшие певчие Рима были там собраны. Все стояли вместе против святых и смотрели на службу. Я был и на предвечерней службе и три раза посетил молитву девятого часа. Я жил близко от них, и писал и раньше похвалы певчим, но на этот раз пели удивительно. Среди прочих музыкальных инструментов были и трубы. Скрипки и цимбалы прекрасно вторили певчим.

Пятнадцатого августа святейший папа изволил прислать

за нами, чтобы мы прослушали мессу и приняли причастие из его рук. Мы пошли послушали обедню в его маленькой внутренней часовне. Он служил обедню сам и дал нам причастие из своих рук. После того совершена была литургия, нас завели в его помещенне. Папа сел. Он сказал мне, чтобы я посмотрел обитель пресвятой богородицы, и предложил, что если пожелаю, он напишет, чтобы меня поместили в его дворе и оказали те почести, которые оказываются обычно грандуку и другим [вельможам], чтобы показали мне все, что можно там осмотреть. Я поблагодарил. Затем он изволил сказать: хотел показать тебе странников и убогих, но сегодня уже поздно. Они обедают, приходи во вторник, и покажу их. А сегодня посмотри мой дворец.

Я писал о посещении папского дворца при описании церкви святого Петра, но тогда я успел посмотреть лишь книгохранилище и помещенне для служителей, а папского дворца я не смотрел. Мы вошли во дворец. Бесчисленные картины, иконы, ковры роскошные в папских палатах непостижимы человеческому пониманию. Трудно описать все это. Но лучше всего картины. Две-три большие хоромы выстроены сплошь из цветного мрамора, наподобие церквей, которые я описывал. Там же находится и дворцовая церковь, большая и хорошо убранная, и две небольшие часовни. В то время как папа служил для себя вечерню, мы обошли множество хором. Но обойти все трудно. Потом зашли в одну продолговатую комнату. Она наверно больше двухсот адал в длину и десять адал в ширину. Это место для прогулок папы. С одной стороны висят ковры, ткани с змеелодобными узорами, с другой — узоры из языческих историй. Потолок замечательно расписан. И за ним галерея сквозная, открытая, такой же длины и тоже для прогулок папы. И в ней большой родник, устроенный фонтаном выше трехэтажного дома. И по сторонам сады: одни внутри дворца, а другой снаружи, вдоль большого дворца. В конце этих длинных комнат, за садами, стоит трехэтажный дворец, трехэтажная беседка. Подняться наверх мы не сумели. И в этих палатах [находятся] изображения древних кесарей и язычников, множество редкой скульптуры и деревянных изваяний. Росписи точно изображают римскую церковь, зимние и летние дворцы святого Петра и св. пап и их сады. И колонны были — копии римских колонн. Одна колонна вся из цельного белого мрамора, выше двадцати адал и в три обхвата в ширину. Она, оказывается, была найдена в

монастыре, в котором мы жили, и по распоряжению папы была взята к нему. Ее должны были поднять. Нам показали (сооружения) для ее подъема. Оттуда спустились в один двор, где были собраны чуть ли ни все (языческие) боги. Затем нам показали сады и фонтаны, действительно редкие и хорошие, но им не сравниться с теми, какие были у французского короля. Зато здесь было больше цитрусов. И большие родинки. В одном бассейне плавал корабль, и невозможно было счесть фонтанов на этом корабле. Все они были различной формы. Этого там (во Франции) я не видел. Потом показали нам оружейную палату. Любой великий король мог позавидовать этому кладу. Там находились панцири, латы, шлемы и всяческое оружие: ружья, пистолеты, арбалеты и части к ним, и порох. Мечи, пики, алебарды без числа.

Шестнадцатого августа мы пошли к послу грандука. Накануне, оказывается, он приходил меня приглашать к себе. Посол получил приказ от грандука в случае моей поездки к нему предупредить его. Но он не застал меня дома. Я был на папской службе. Он пришел во дворец папы, приветствовал меня, сказал, что был у меня дома, передал мне приглашение от грандука. Я не мог там беседовать с ним. Поехал к нему. Он встретил меня у экипажа, повел к себе, много беседовал со мной. Расспрашивал о грузинских делах и святах. Сам усадил меня в коляску. Долго шел рядом с коляской. Так не принимает он даже королей. Я пишу об этом, чтобы рассказать, какое должно быть гостеприимство. Потом пришел кардинал Латримур. Он второй раз был у меня.

Семнадцатого августа я пошел к папе. Священник отслужил службу в маленькой капелле. Папа стоял с правой стороны, невидимый для меня. Кроме меня, никого в церкви не было. Его старший племянник стоял коленопреклоненный у входа. Очень приятный юноша. Раньше я его не видел. После обедни он подошел ко мне, беседовал со мной и извинился, что не смог ко мне зайти. Долго сидели мы, он сидел ниже меня. Затем нас позвал (папа). Мы подошли. Стали спускаться по лестнице. Он меня поддерживал. Сказал, что беспокоимде вас, но так установили еще Григорий Диалог, и с тех пор мы ежедневно следуем ему. За ним шел кардинал сакрипант, следующим шел его племянник Карл и брат его Александр, затем Давид и за ним слуги папы. Спустились в одну небольшую комнату. По обычаю, установленному папой, в ней ежедневно собираются двенадцать юродивых, нищих и страня-

ков. В тот день сидело тринадцать юродивых. Стол был убр-
ран красивыми цветами. В начале стола стал папа, подвязав-
ся передником. Меня поставил рядом с собой. За мной стоял
кардинал сакрипант, тоже подвязанный передником, затем
племянник папы кардинал, затем Александр и двое других
в передниках. Другие внесли кушанья. Сперва подали их па-
пе. Папа подал двум (кушанья) убогим. Затем кардиналы роз-
дали пищу остальным. Папа благословил стол. Мы все опусти-
лись на колени. Он перекрестил нас. Странники стали ку-
шать. Внесли пять блюд. Странники ели очень почитательно.
Прошло много времени. Потом привесли фрукты. Папа сам
нарезал хлеб и мясо для тех же первых. Остальным (нареза-
ли) другие. Вино также подал папа. Первый странник был че-
ловек молодой, с хорошими манерами. Каждый раз, когда
ему папа подносил вино, он вставал, кланялся, садился, вы-
пивал и стакан не возвращал папе. Но папа заставлял его
вернуть и из его рук принимал стакан. Затем папа спустился
к остальным и сам лично налил всем вина. Когда наступило
время есть фрукты, священник внес хлеба и коленипрекло-
ненно подал их папе. Папа прочел молитву, окропил святой
водой, велел странникам встать и всем роздал по хлебу. Те
сложили хлеб перед собой. Затем поели фруктов. После этого
им роздали по сладкому пирогу. Они и пироги сложили пе-
ред собой. Взяли другие кушанья. Затем папа благословил
стол, омыл руки, снял передник. Снова обошел с конца и
собственноручно роздал всем по полмарчли и по литой ико-
не. Затем странники встали, приложились к стопам папы и
вышли. Папа взял меня с собою. Я не заслужил тех слов,
с которыми обратился он ко мне. Он сказал: «Проси, чего хо-
чешь». Я поблагодарил. Все мои желания свершились без
просьбы на то. Он обнял меня и расцеловал. Я приложился
к его стопам. Он мне дал наставления на дорогу и проводил
меня. Изволил сказать мне: «Я бы не отпустил тебя так ско-
ро, но ты выехал без разрешения царя Вахтанга. Если я за-
держу тебя, он может обидеться. Поезжай и позаботься о
его делах». Он передал для меня сто шестьдесят местных ску-
до, что составляет триста марчли, на дорожные расходы.
По пути он показал мне один женский монастырь святой
Марты. Церковь небольшая, но красиво убранная. Мраморная
стройка, все расписано удивительно. И стены, и колонны, и
рамы для икон. Очень красиво пел хор монахов. В тот же
вечер мы пошли в монастырь Святого Духа. Он содержится

на благодетельныя папы. Управляет им епископ. Живет он там же. Он сын большого вельможи. Он провожал меня повсюду. Показал мне все. По дороге зашли в ксенон, где лежала шестьсот бездомных больных. Если беременеет женщина дурного нрава, она не имеет права делать выкидыш. Там у самой дороги выставлены мягко застланные ясли. Туда и кладут они младенца. Затем ясли поворачиваются и раздается звон. А женщина [положившая младенца] уходит. Младенца же набирает та, которая ухаживает за больными, и кладет в другие ясли, поворачивает в сторону, где помещаются женщины так, чтобы женщина не видела и не могла разговаривать с мужчиной и мужчина с женщиной. Там находятся двенадцать кормилиц, которые кормят тринадцать младенцев. Когда младенцу минет три-четыре недели, его сдают кормилице на сторону, которой платят в месяц один марцили. Четырехлетнего ребенка кормилица сдает обратно. Если это девочка, она поступает к женщинам. Если мальчик, то одних отдают на сторону мастеру [на обучение], других же берут к себе на воспитание. При мне в монастыре было семьсот женщин, пятьдесят мальчиков и тринадцать младенцев. Трех [младенцев] принесли, оказывается, в ту ночь, когда я была у них. Восемьсот младенцев были сданы на сторону. Все они содержатся за счет папы и получают еду, одежду, лекарства, лечение. Женщины занимаются женским рукоделнем, мужчины—мужским. Наставники и дядьки всегда находятся при них. У них устроены сады, фонтаны. Если женщина постригается в монахини или выходит замуж, ей дают в приданое сто марцили. Незаконнорожденную выдают за незаконнорожденного, а законную за законного.

Отъезд из Рима. На следующий день, восемнадцатого августа, мы уехали из Рима еще до первых петухов. В окрестностях Рима воздух зловредный, говорит, что, если кто заснет в пути, не успев отъехать от Рима на сорок миль, может погибнуть. Так бывает три летних месяца. Мы проехали длинный путь. Дома были редки. Мы остановились поседать в одной небольшой, бедной деревне. По французскому численнию было двадцать девятое число, день отсекновения главы Иоанна Крестителя. У прихожан этой деревни была маленькая частица святых мощей Крестителя. По случаю престольного праздника устроили крестный ход с мощами. Визачале несли распятие, и за ним шли сорок человек по двое в ряд с белыми большими зажженными восковыми свечами в ру-

ках. За ними несли знамя с изображением Крестителя, затем снова распятие и сорок мужчин в черных одеждах со свечами и крестами в руках. Затем несли фонари на длинных шестах. Один священник в ризе нес в руках святые мощи в серебряной раке. По сторонам шли дьяконы в ризах. За этой процессией следовали толпы народа. А за ними шли певчие женщины с инструментами и пели. Такое дело в маленькой деревне мне понравилось. Проехали сорок миль, и нас застала ночь. Мы приехали в Отрicoli.

Девятнадцатого августа мы встали рано. Поехали. Миновали вредный климат. Дома следовали за домами. На откосах виноградники, на равнинах пашни, и крепость за крепостью. Деревни расположены сплошь. Миновали город кардинала сакрипанта. Укрепленный и хороший город. Называется Нарни. Еще проехали пятнадцать миль и прибыли в город Терини. Не очень большой город. Еще проехали пятнадцать миль и прибыли в город Сполето. В нем сорок монастырей и епископат. Видимо, жители этой местности живут в довольстве, (так как) содержат столько монастырей. Мы остановились в монастыре капуцинов. В ту же ночь местный князь прислал нам гостинцы.

Двадцатого августа поутру одна княгиня прислала нам свою коляску: редкие-де гости проездом в нашем городе. Проехали тринадцать миль. Миновали два хороших города и прибыли в город Фолиньо. Большой и хороший город, епископат. Там тоже остановились у капуцинов. Отсюда дорога сворачивает к святому дому.

Двадцать первого августа ехали некоторое время, оливковых деревьев стало меньше. Также мало виноградников. Поднимались вверх по горной местности. Места эти напоминают дидгорские пахотные земли. Потом стали спускаться. Шли мимо ущелья. В начале ущелья стояла крепость. Не было прохода ни с одной, ни с другой стороны. А внутри (ущелья) вдоль склона лежало село. В конце стояла другая крепость. Называлось (село) Вальчмора. Проехали четырнадцать миль. В тот день остановились в одном доме. Там мы немного поели. Жила там одна женщина. Ее мать, оказывается, любила ближних, была сердечная и добрая. Когда она умерла, во всех капуцинских монастырях Франции пастыри отслужили поминальную обедню по ней, а те, кто не служил, прочитали по сто раз «Отче наш». Эта женщина (дочь ее) старалась подра-

жать матери. Проехали еще четырнадцать миль и прибыли в одну гостиницу, там остановились.

Двадцать второго августа проехали девять миль по красивым местам. Строение к строению. Виноградники. Местами дный виноград. Миновали город Толетинно. Там сидит епископ. Эти города и вся эта область принадлежат папе. На девятнадцатой миле подъехали к городу Мачерато. Там сидят епископ и воевода. Пообедали. По дороге посетили один цоколантский монастырь, очень хорошо убранный и приятный. Там же находился Лоретский воевода. Пришел ко мне, проведаль, просил прощения, он сказал, что выслал почтовых перекладных навстречу нам. Красивые эти места. Много оливковых деревьев. Дома частые, один за другим. Проехали еще четырнадцать миль. Прибыли в город Роканато. Большой красивый город. Оттуда до города Нирето три мили. В ту ночь приехали в Лорето. Я хотел остановиться где-либо, но мне не позволяли. Поместили меня во дворец папы. Очень хорошо приняли.

Двадцать третьего августа нас повезли осматривать святой дом. Непостижимо для человека это дело! Пятьсот лет прошло с тех пор, как он (дом этот) ушел из Назарета. Когда турки осадили Иерусалим, этот дом взвился. Его поднял ангел. И затем он (дом) опустился на берегу моря. Море в ширину пятьдесят миль. Остановился на том берегу моря. Потом его стал оспаривать Лоренцо, который оказался бесчестным. Дом стоял на земле одного человека. Затем два брата стали оспаривать его друг у друга. Он сился и оттуда и, пройдя расстояние пробега одной лошади, остановился на перекрестке, так как дорога всеобщее достояние. Тут его огородили мраморной оградой. Внутри камень и штукатурка. Ширина до пяти шири и длина до девяти. Никто оттуда не может взять ни камня, ни земли. Он, оказывается, был крыт гонтом, но его снесли, подвели свод для подвешивания лампад, а в остальном остался в том виде, в каком был. У восточной стены камня. Над камнем прорубили окно, и евангелист пророк Лука высек из ливанского сарго образ пресвятой, в руках она держит сына, и поконтея это там. Впереди устроен каменный алтарь, который можно обходить кругом. И на нем изображенные распятия, прибывшее с ним из Назарета. Распятие написан на холсте евангелист Лука. И покрывало пресвятой Марии, цельное из красноватой шерсти. Так же много было, оказывается, чаш и блюдец, но все это выпало во время пе-

редвижения дома, остались только три чаши и одно блюдо, из которого ели Иисус Христос и его мать. Оттуда, кроме со-
гайком, есля его не отпустят хранители (дома). Над этим до-
мом надстроили большую и величественную церковь. Пять ал-
гарей к востоку, три с этой стороны, и три с той, шесть к югу
и шесть к северу. Двенадцать больших колонн. Купол высят-
ся над домом. В святом доме висят семьдесят две больших
лампады. Пять больших и одна поменьше из золота, осталь-
ные из серебра. Эти пять, по-моему, будут по пять литр зо-
лота каждая. Два больших золотых подсвечника, полагаю,
свыше десяти литр каждый. И множество всего. Двери и
камни с восточной стороны сплошь серебряные, позолочен-
ные, хорошей формы. А помимо, еще подсвечники и ангелы зо-
лотые и серебряные. Бесчисленное множество серебра, я ду-
маю, свыше тысячи литров. Трудно передать, как богато ук-
рашена икона пресвятой богородицы. На матери и сыне, на
обоях, алмазные венцы. Пояс на пресвятой — алмазный в че-
тыре ряда и в нем три изумруда, которым нет цены. И сколь-
ко еще драгоценных камней, жемчуга, алмазных крестов,
изумрудных крестов без числа. В уровень с той иконой в сте-
не сидят два красных яхонта. Они крупнее и лучше тех, что
на хахульской¹ богоматери. Желтые и белые яхонты, огром-
ные, без числа. Потом завели меня в хранилище той церкви.
И погирь, и лампады, и подсвечники со всех престолов той
церкви, о которой я писал, лежали на том алтаре. Прочие
драгоценности поразили меня. Перечисленные венцы, одни
большой из алмаза, другие изумрудные, яхонтовые, эмалевые
и золотые. Видел я венец и из железа, редкой красоты. Сколь-
ко редких попов, все с позолотой. Множество различных на-
грудных цепей, редчайшей работы. Серьги драгоценные без
числа. Различные застежки без числа, все алмазные. Кресты
различной работы — алмазные, яхонтовые, изумрудные. Мно-
жество бесценных колец, ожерелий различных, нагрудников
редчайшей работы. Головные повязки редчайшей работы,
удивительные алмазные иконы, иные обсыпаны алмазами,
иные вырезаны на камне, иные естественные. Корабли вызо-
лоченные, алмазные. Иные украшены камнями, иные золотые,
иные серебряные. Крупные рубины, яхонты, алмазы. Одни

¹ Хяхульская богоматерь — икона из монастыря XI в., распо-
ложенного в юго-западной Грузии.

крупный жемчуг и множество других жемчугов. Крупные изумруды и один крупный камень из изумрудного пласта. Все украшено множеством крупных изумрудов. Двуглавые орлы из алмаза и яхонта. Все вызолоченные. Янтарные и коралловые лампы, подсвечники, кресты, редчайшие иконы. Скульптуры королевские, унизанные драгоценными камнями. Восемь больших серебряных подсвечников. Каждый побольше пяти литров весом. Изображения городов и крепостей на серебре. Серебряные девушки, юноши, ангелы. Фрукты и цветы искусной работы эмалью на серебре. Четки золотые из драгоценных камней. Брусья из драгоценных камней, точеного коралла, яхтаря, агата. Множество ожерелий, запястий красных. Всего бесчисленное множество. Одежды усыпаны жемчугом, алмазом, расшиты золотом. Шитье и ткани различных видов. Даже ковры с алмазами и позолотой. Платья, достойные, чтобы их носила королева, все в алмазах, расшитые золотом. Потиры, диски, подсвечники, иные алмазные и с драгоценными камнями, иные из эмали, иные из золота и серебра. Множество тазов, рукомойников и золотых, и серебряных, и из лазури, обсыпанных драгоценными камнями, хрустальных, коралловых, агатовых. Лампы красивые, обсыпанные алмазами и камнями. Цветы, сделанные из жемчуга. Нимбы святого причастия, иные алмазные, иные яхонтовые и изумрудные, иные эмалевые, золотые и серебряные. И сколько потиров святого причастия из агата, из лазури, литого золота и серебра. Это — все пожертвования королей и королев. Подношения за чудесное избавление тех, кто бывал в опасности на море или на суше, тех, у кого болели глаза или ноги, или что-либо другое. Алмазные нагрудники, нагрудники с крупными драгоценными камнями, крупные алмазы. Кроме того видел одну редкую икону, сделанную из пуха, казалось, ее писал искусный художник. Видел один удивительный жемчуг. Он природно представлял из себя сидящую в лодке богоматерь, держащую в руках крест. Жемчуг был размером с вершок. Это был самоородок. Однажды жемчуг исчез. Стали молиться лоретской богоматери: пообещали посвятить ей все лучшее, что будет найдено в течение года. Но разыскать жемчуг все не могли. Спустя год нашли его и тотчас же отправили сюда. В том году было найдено столько жемчуга, что трудно и оценить. Это несметное богатство было собрано благодаря чудесам. Много я видел удивительных вещей, но всего не запомнил.

Смотрел их арсенал. Множество хорошего оружия, видел винный погреб, большой и вместительный. Открыли один деревянный кувшин, с тремя горлышками (бущина), и из одного и того же кувшина слили вино трех сортов, трех различных цветов. Все три сорта разного вкуса.

Двадцать пятого августа выехали из Лорето. Тем же путем приехали в город Толетиню. Там находились руки святого Николауса. Родители святого Николауса были, оказывается, бездетны. У святого родители вымолили сына. Он стал августинским монахом, а затем сделался святым. И теперь, если Италию постигает какое-либо испытание, руки эти делаются окровавленными. Но дела сложились так, что мы не могли этого посмотреть. Там не было воеводы.

Двадцать шестого августа проехали тридцать две мили. Прибыли в село Касе-Нуове.

Двадцать седьмого августа проехали семь миль и приехали в город Фолиньо. После обеда проехали девять миль. Миновали два больших города и прибыли в город Ассизи. Там тоже сидел архиепископ и воевода. Там же похоронен святой Франциск.

Двадцать восьмого августа сначала привели нас в монастырь цоколантов. Там находился дом отца Франциска. Нам показали место, где родился святой Франциск и где он оставил отца. Это было изображение. Оттуда повезли нас на могилу святой Клары, где находится теперь женский монастырь. Посмотрели могилу святой Клары. Распятие, которое прислал Франциск, написанное греком. Видели пояс святого Франциска, кусок его одежды, кусок одежды святой Клары и множество других мощей. Видели икону и крест, нарисованные третьим евангелистом Лукой, кусок посоха Моисея, пальцы святых Петра и Павла. Потом нас повели посмотреть строение, возведенное над могилой святого Франциска. Очень большая церковь и три склепа один над другим. Там погребены святой Франциск и двенадцать его друзей. Святой Франциск стоит на ногах. Множество редких мощей, подвизаются сто двадцать шесть коментали. Было там множество дорогих канделябров, подсвечников, видели большое богатство. Оттуда прошли один эдж. Очень большая церковь. Там святой Франциск собирал в январе розы, там он получил отпущение (грехов), в середине церкви находилась маленькая часовня, а слева постель святого Франциска, на которой он скончался. Нам показали места, где ангел привел его к Хри-

сту, и явились ему Марья и Христос. Оттуда проехали девять миль и приехали в город Перуджу. Город большой; его окружность двадцать восемь миль. На холме дворец папы. Там часто сидел и кесарь. За городской стеной расположены пятьдесят два монастыря. Граждане добродетельны и очень обходительны.

Двадцать девятого августа ко мне пришел воевода, которого собирались возвести в сан кардинала. Он взял меня с собой. Проводил меня в большую церковь. Показал перстень пресвятой деви. Этот перстень, оказывается, находился в иудейском храме. Им обручали вступающих в брак. Этим же кольцом обручил Иосиф Марию. Его никому не показывали, кроме царей, кардиналов или знатных гостей. Перстень спрятан за семью замками. Один ключ хранится у воеводы, один у главного секретаря, один у правителя, один у епископа, один у протонеря, а два у других вельмож. Чтобы отомкнуть замок, все они должны собраться вместе. Под куполом четыре ангела держат большое серебряное облако. Вокруг множество позолоченных серафимов. На облаке стоит золотой ларец, богато украшенный. И в ларце том висит белая жшма, цельнограненая. Если до того кольца дотронутся супруги, нелюбящие друг друга, то они сойдутся и полюбят друг друга. Перстень помогает от глазной боли и вершит множество чудес.

Оттуда повели нас в монастырь святого Бенедикта. Красивый монастырь. Меня поразила его стройка. Воевода проводил меня до дому. В ту ночь он повел меня во дворец. Он жил в палатах. Шли сильные дожди. Собрались все горожане и вышли с крестным ходом. Все большие и знатные люди, старцы и монахи, все были в белых одеяниях. У женщины лица закрыты покрывалом. Видим один глаза. Все были босые. На головах у них возлежали терновые венцы. В руках большие свечи. Иные несли тяжелые деревянные кресты, иные били себя по спине кнутами и прутьями, так что у них выступала кровь. Так молились они долго у ворот церкви. Плакали перед господом. На другой день наступила хорошая погода.

Тридцатого августа выехали из Перуджи и проехали двадцать пять миль. По пути попалось большое озеро с рыбами. Вокруг него хорошие села, города. От этого озера папа получает доход девять тысяч скудо в год. Один скудо равняется четырем абазам¹. Сегодня вечером мы проехали границу

¹ Абаз — серебряная монета, стоимостью в 20 коп., вышедшая в обращение шах Аббасом.

папских владений. Мы вступили во владения грандука, которые называются Камусчия.

Тридцать первого августа проехали пятнадцать миль. Красивые места. Оливковые рощи. Виноградники. Часто попадаются селения, Множество городов. В одном городе, по названию Арещо, мы пообедали. Это—большой, древний город. Стройки в большинстве из тесаного камня. Одна большая церковь, у которой со стороны дверей семьдесят шесть колонн. Над церковью возведена колокольня в пять этажей. На колокольне сорок колонн. Внутри я не осматривал ее. Оттуда проехали четырнадцать миль и приехали в село.

Первого сентября ехали двенадцать миль. Проехали четыре больших города и несколько сел, разбросанных между ними. Такая близость городов меня удивляла. Большинство построек из цельного тесаного камня. Углы, двери, окна, а также большинство колонн у домов каменные, я посетил колонны одного дома. Их было двенадцать. Внизу видна Флоренция. Оттуда проехали по неровной местности еще милью. Приехали в город Флоренцию. Флоренция—означает цветок, и действительно, город был как цветок. Он не очень велик, но прекрасен. В большинстве, постройки из цельного обтесанного камня. Широкие улицы. Протекает большая река.

Второго сентября грандук прислал ко мне пастыря монашеского ордена Иоанна Гвалверто. Он проводил нас в свой монастырь и поместил там. Святой Иоанн был человеком светским, знатным и богатым. Один из его друзей печально убил его брата. Иоанн хотел встретиться с ним. Узнал, куда тот направляется, и со своим отрядом преградил ему дорогу. Была пятница. Тот человек не мог сразиться с Иоанном и, увидев его, вышел из коляски и преклонил перед ним колени. Согрешил, мол, я перед тобой очень. Ты хочешь убить меня, но сегодня день распятия Христа, и прости меня ради него. Когда Иоанн увидел это, он соскочил с коня, обнял его и опустился на колени перед распятием. «Ради святого распятия я прощаю тебя, согрешившего передо мною. Отныне ты брат мне, никто не грешил перед тобою столь много, сколь я, и ты также прости меня». Тогда Христос, распятый на кресте, наклонил голову. Увидев это, Иоанн роздал богатства свои нищим, а сам постригся в монастырь. Теперь там живут отцы его ордена. Хорошее убранство у них. По виду монастырь богатый. Нас устроили удобно. Отдохнули немно-

го. Грандук пришел сам и повел нас в город. В середине города стоит один большой храм. Внешняя облицовка такая, какой я не видел ни во Франции, ни в Италии. К тому он очень велик. Храм и колокольня сверху донизу снаружи выложены цветным мрамором. Высечены целиком некоторые святые. Вошли во внутрь. Посредине, под самым большим куполом, подобно двору, огорожено место оградой удивительной работы. Круг разделен на три части сводами четырехжды по шесть. Средняя колонна из мрамора трех цветов. С боков по пяти колонн. В середине меж ними проде дверей. Бесчисленное множество и лампад, и подсвечников. Оттуда прошли в другую церковь. Она небольшая, но внутренняя отделка и убранство такие, лучше которых я не видел. Внешняя облицовка из черного камня. Церковь эта в честь пресвятой Марии. Живут здесь отцы одного ордена, которые называются слугами Марии. Во дворе жили до ста монахов. У них хороший двор. Вокруг все колонны из обтесанного камня, которые сходятся в арки. В середине стоит небольшая башня и в ней статуя грандука верхом на лошади. Она покрыта свицовыми белилами. По всем четырем углам расположены площадки с фонтанами. Оттуда вошли другой дорогой. Множество хороших дворцов, сплошь из граненого камня и с железными воротами. Подсвечники и красивые железные фонари для ламп. В одном месте видели всадника, вырезанного из цельного камня. С ним сражался пеший противник. Пеший вознил княжал, и лошадь споткнулась. Всадник наклонился к пешему и отсекает ему голову.

Третьего сентября настоятель нашего монастыря показал нам сначала свой монастырь. Прослушали обедню. Очень хорошая церковь. Она похожа на церкви, какие видели мы в Риме. Внутри облицовка цветным мрамором. После обедни он повел нас к грандуку. Грандук живет знатно и богато. Красивый большой дворец, целиком из граненого камня, в четырех-пять этажей. За входными дверьми лежит магнитный камень; очень большой, весом, наверное, до десяти сапалле. Сам он живет в нижних комнатах. К нам навстречу вышли приближенные и повели нас к нему. Прошла три-четыре зала. В одном зале находился грандук. Он пошел к нам навстречу. Эта зала не была похожа на его приемную. Сам он был маленький, в черной одежде. Пока мне не сказали, кто это, я не узнал его. У него были большие усы. В то время я никого не видел с усами. Он беседовал со мною стоя. Встретил ласково.

Проводил через одну залу. Мы пошли проводить его сына. Он у него один, и тот бездетный. Он неполноценный. Поднялись по лестнице в сто сорок ступеней. Долго стояли у дверей. Потом вошли. Тот тоже встретил меня стоя. Беседовал со мною ласково, запросто, но ни на шаг не проводил меня. Он был небольшой, но полный. Обыкновенной внешности. Повеле меня посмотреть его сад. Я хвалил уже сады во Франции, но этот был лучше. Множество в нем лимонных и апельсиновых деревьев, посаженных вдоль ограды. Некоторые стоят в кадках, другие крыты как бы беседкой. Один ряд перепит взаимно, как лозы. Высота беседок до волтера адля. В длину сад занимает большое расстояние, и много здесь цитрусовых плодов. Это очень мне понравилось. Пошли дальше. По обе стороны аллеи стоят в два ряда тополя. Растут они чередуясь: одни ровно ввысь, а другой раскинут вширь. И впереди низенькие кусты вербы. По обе стороны тополей лавровые кусты. Аллея была такой густой, что солнце не проникало на дорожку. Внизу, посредине, находясь большой бассейн. В середине бассейна раскинут цитрусовый сад и довольно большой цветник. А в середине цветника опять бассейн. В нем стоит крестообразно высеченный камень. Бассейн полон рыбой. На крестообразном камне стоит мраморное сооружение высотой в человеческий рост и толщиной в два человеческих обхвата. На нем лежит гранитный камень в человеческий рост той же толщины. И на этом камне стоит мраморная чаша, размером тридцать шесть адля по их измерению. Их адля равняется трем ляденям и четырем пальцам. Этот камень меня поразил. В чаше лежала большая глыба. И вокруг три сидящие человеческие фигуры. В руках они держат разных зверей. На той же глыбе посредине стоит одинокая человеческая фигура. С обеих сторон большого бассейна перенесены прямые мосты. Бассейн обведен железной оградой. Вдоль ограды, наружу, в ширину дороги все выложено мелкими камешками. Аллея, ведущая к бассейну, тоже выложена камнями на той же ширине. Начало этой аллеи выложено цветными камнями в виде розы. В начале аллеи висят ключи от фонтана. В обоих концах моста ворота. За решетчатыми воротами по обе стороны стоят маленькие домики. В них мог бы поместиться один человек стоя. Туда вошел один, повернул какой-то ключ. Сначала в среднем бассейне забила фонтанная вода из тех людей и зверей. Потом появилось множество тоненьких, высоких струй вокруг той большой каменной чаши.

Вслед за тем на мосту, близко друг от друга, в десять рядов забило до двухсот фонтанов. Затем вдоль всех заборов и оград на мосту, близко друг от друга, забили фонтаны, по пять струй в каждом. А затем сквозь все камешки, которыми были выложены отдельные места, забило несколько тысяч фонтанов, нные вверх, другие в стороны. Мы стояли и смотрели. Затем повернули ключ от тех фонтанов, которые были проведены к розе, выложенной из камней. Бесчисленное множество фонтанов забило из нее. Затем они исчезли, и в середине забил один высокий фонтан. Вода выбрасывалась оттуда с шумом, похожим на ружейные залпы. Потом фонтан закрыли и натянули на него водомет из сыромятной кожи. Его держали в руках и направляли струю воды, куда хотели. Струя била в любом направлении на расстояние сорока адал и поливала все. Затем водомет сняли и вставили железную трубу. Пустили фонтан в виде дождя. Он шел с большой высоты, и, казалось, что падает снег. На землю он падал в виде воды, но в воздухе на высоте казался снегом. Потом пустили струя в виде града. Затем нас повели в другую сторону посмотреть редких птиц и зверей. Там были страусы и белые павлины; множество белых, но маленьких фазанов. Были эфиопские овцы, с большими изогнутыми рогами, спускающимися к челюсти. Были, так называемые, фараонские куры, редкая птица. Было до пятнадцати попугаев: красных, зеленых, пестрых, белых, различного оттенка. Но большинство было красных. Были там пеликаны, утки, лебеди, барсуки. Спросили меня: видел ли раньше я этих птиц и зверей. Я ответил, что многих из таких я видел, чему они удивились. Они больше любители редких зверей. Были там рога джебранов и еще подобные им рога, но вдвое длиннее, завитые. Мне сказали, что есть такая порода зверя, у которого эти рога растут на ногах. Затем взяли меня в лечебницу. Множество было там редкостей, но из не виданных мною ранее были лишь рога какого-то зверя, похожие на рога джебранов, толщиной в запястье. Одна сторона была черная и с насечками. Кроме того, крокодил, единорог и множество подобных редкостей. Была змея длинной в две мхари (сажени) и толщиной в запястье. Зубы у нее росли в два ряда. Сказали, что индийская. Они сделали один корабль с лодкой, парусом, мачтой и снастями. Большое искусство было вложено в него. Множество видели мы редкого фарфора, и лекарств, и драгоценных камней.

Четвертого сентября мы пошли в усыпальницу грандуков. Церковь там большая и хорошо убранная. Слева дверь в их усыпальницу. Могилы убраны хорошо, по-царски. Затем ввели в церковь, которую строил сам грандук: множество цветных мраморных колонн и много дверей. Но две колонны из черного парагонского камня меня поразили. Каждая из них выше четырех адли и толщиной в два объёма. Они предназначены для алтаря. Строятся этот храм сто одиннадцать лет, и еще не приступили к алтарю, а остальная стройка едва доведена до половины. Церковь достаточно велика, но внутри она без колонн. Множество там украшений из изумруда, лазури и коралла в виде цветов. В иных местах сплошь из агата и цветной яшмы сложены цветы, звери, птицы, словно они нарисованы. Это поразило меня. Церковь восьмиугольная. На постройку использованы цветной мрамор, гранит, алебастр, порфир и парагонский камень, но таким образом, что их не видно, они скрыты или могилами или иконами. Церковь эту строит еще молодой мастер. Ему едва будет двадцать лет или чуть больше, или меньше, но видно, что он из знатного рода. Престол сделан из цветной яшмы в три с половиной адли, ширина полных два адли. И не сосчитать, сколько было еще разных драгоценных камней. На двух каменных поставах (подушках), усеянных драгоценными камнями, стояли изображения грандуков и вокруг вправлены алмазы, изумруды и яшмы. И по двум сторонам — другие граненые камни: и цыркон, и сфери, и тилия, и топаз, и тому подобные. Должны были выстроить еще шесть таких (подушек) постаментов. Представьте сами после всего этого, как должны быть украшены престол и алтарь. На постаментах лежали позолоченные короны, верхняя половина которых сплошь усыпана благородными камнями, хорошо подобранными и высоко поставленными. В алтаре три стены. Мы спустились под алтарь. Внизу находилась большая сводчатая церковь. Ее (алтарь) находится под верхним алтарем. Купол низкий, но рукой до него не достать. Там находилось распятие и с одной стороны — пресвятая богородица, а с другой — Иоанн Предтеча, все изваяно из мрамора. Их можно было принять за живых. Оттуда пошли в монастырь доминиканцев. Своим величием, богатством и великолепием он производил впечатление хорошего монастыря. Невозможно описать великолепие монастырей, да и постичь их сердцем человеческим. Во Флоренции семьдесят четыре одних женских монастырей, помимо мужских монасты-

рей и церковей. Своа вернулсь в тот большой монастырь. Был праздник в честь святого Зенона. Осматривали его голову и другие мощи.

Пятого сентября пошли в другой монастырь, где погребена святая Антонина нетленная. Помогались там и вернулсь обратно. Девушки, которые воспитываются в нем из благотворительности, могут и постригаться в монахини и выходить замуж. Тех, кто предназначен к замужеству, выпустили (на волю), и они шли (в шествии). Впереди несли серебряное распятие, облаченное, как в омофор, в ткань, расшитую титлом из драхмы. И по сторонам подсвечники серебряные в шесть раз выше человеческого роста. За ними несли деревянное распятие, и потом по двое в ряд (шли) до двухсот человек, облаченных во все черное. Видны были у них одни глаза. Каждый из них держал в руках по белой большой восковой свечке. Затем несли другое распятие, и за ним также шли по двое в ряд до четырехсот человек в белых одеждах, из которых видны были у них одни глаза. За ними опять несли новое распятие, за которым шли одни лишь отцы и братья, до двухсот человек и все по двое: кто иезуиты, кто бенедиктинцы, кто других орденов, и все пели хором. За ними шли дьяконы в облачениях и несли большую хоругвь (с изображением) пресвитой деви Марии. И уж за ними шли те девушки невесты. Их было пятьдесят два человека, шли по двое, со свечами. Они все в одинаковых фиолетовых одеяниях, и лица у них закрыты белыми покрывалами. За ними шли священники, облаченные в фелонии, с большими свечами в руках. Затем несли балдахин, поставленный на носилки, и в нем стояла пресвятая дева, предивно украшенная. Она воздела руки в молитве, как живая. Носилки несли священники на плечах. И за ними шла толпа, мужчины и женщины. Они заполняли все улицы. Мы стояли в коляске и пропускали мимо народ. Шли словно за (первыми) христианами. Эти девушки не заслуживали столь большого внимания. Девушек поместили в один дворец, и к ним приставили наставников, мамок, учителей. Оттуда выдавали их замуж и давали в приданое кому сто марцили, кому и побольше. В тот же день пожаловал к нам наместник святого папы, навестил нас. Все говорили о нем одно хорошее. Он был молод. Говорили, что его скоро должны удостоить сана кардинала. Пришли к нам флорентийский архиепископ и еще один епископ. Но тот, первый, был такой замечательный человек, что он похитил и полонил наше сердце.

Шестого сентября обходили множество хороших монастырей, богато украшенных, и молились.

Седьмого сентября повели нас в один монастырь пресвятой девы, большой, богато украшенный. Там находилось изображение благовещения, написанное святым евангелистом Лукой. Его не показывали обычно никому, разве только королю, его брату или сыну. Горожане, узнав о том, что будут показывать это изображение, устремились к монастырю в таком количестве, что мы с трудом прокладывали себе путь сквозь толпу. Три раза добирались до входа. Не смогли войти. Восоруженной охране грандука с трудом удалось расчистить путь сквозь толпу. Меня одного удалось пропустить внутрь храма. Даже переводчик не мог проникнуть со мной. Сверху она (икона) была закрыта доской, обитой серебром и усыпанной множеством крупных драгоценных камней. Эту крышку спустили вниз. Она в ширину два адля и немного больше в длину. Под ней еще дверца, позолоченная, со множеством благородных и драгоценных камней. На ней был один голубой сапфир величиной в яблоко средних размеров, очень чистой воды и цвета. Были еще какие-то пять красных камней, не лазы и не рубины, но очень красивые. Пять желтых гиацинтов больших, чистой воды и цвета. Множество изумрудов и иных камней. Спустили и эту дверцу, и за ней была хрустальная дверца, которую тоже опустили, и открылась картина с изображением пресвятой и архангела Гавриила. Но картина не казалась столь старинной. Перед Марией, которая подняла очи горе, стоял Гавриил. Затем закрыли изображение и замкнули его. В этот день в толпе задавили женщину и ребенка. Повели нас, осматривать сокровища грандука. Палаты украшены столь роскошно, словно то был царский дворец. В длину в два ряда тянутся колонны из граненого камня так далеко, что и лошадь бы устала, проскакав вдоль них. Потом расположены помещения для мастеров, а уже дальше находятся хранилища богатств. Нам показали немного, но и того было достаточно. Вокруг тянулась галерея, вся уставленная бесчисленным количеством кумиров, либо статуями древних царей, высеченных из мрамора, алебастра, порфира, парагонского камня, преудивительные. Были там картины, изображающие царей и других лиц из фамилии грандуков, пап, кардиналов, османских пашей и им подобных. Зашли в одну залу, где находились автопортреты всех художников, приезжавших сюда из Франции. В другой было

множество драгоценного фарфора, большие чаши, большие подносы, громадные камни, миски, тарелки, пиалы из черного камня, которые мы называем китайской, а они египетской посудой. Постоянно, хорошая и большая посуда. Осматривали еще около пяти залов. Не описать и не рассказать о них языком человеческим. Все сплошные драгоценности, золото и камни, хрусталь, агат, яшма. Цельно выточенные корабли, посуда, птицы, чаши, тазы, рукомошники из лазури. Я видел стеклянную посуду такой величины, каких не было среди королевской посуды. Видел изображение из жемчуга с серебряной головой и туловищем, похожим на возлежавшего льва. Был другой жемчуг больших размеров, но тоном поуже, величиной с голубиное яйцо и с негладкой поверхностью. Видел изумруды и желтые гиациты большие и чистой воды. Лик Христа, высеченный на индийском рубине, чаша из индийского рубина. И множество подобных ценностей. Видел иконы редкой работы и сделанные резьбой по кости, и подобранные из цветных камней. Платье лазоревое; накидка порфировая, хитон из белого агата [яшмы] цельно точеного. И таким образом множество одежды цветной и вуали женские из белой яшмы. Видел ларцы из цветного агата [яшмы] и на них благородные камни в виде фруктов, груш, яблок, винограда, рассеченного граната, сливы, черешни с листьями и веткой. Видел ларцы из резного камня в виде цветков. Видел ларцы, расписанные камнями, словно живописью, с изображением цветов и птиц. Видел столы, инкрустированные камнями с разными изображениями цветов, птиц. Видел города, моря, корабли, крепости и львы, все мозаичной работы, подобранные из цветных камней, словно нарисованные кистью. Видел иконы [могилы] благовещения, рождества, поклонения волхвов. Отдельно пресвятую деву из цветных камней, словно из серебра, как живую. Видел иконы, лики, изображения рыб, подобранные из цветных камней. Видел комнату, построенную из раковин, и на стенах выведены разные деревья и цветы и все это не из обточенного перламутра, а из цельного. Видел янтарные кресты, иконы, ларцы, тазы цельные, пиалы цельные и пр. Люстра, набранная из янтара, на двадцать четыре свечи, а с нижней стороны светятся лики святых. Янтарные сплошные шкатулки, оправы для часов, подсвечники, распятия из рыбьего зуба, драгоценные плащаницы, редкие деревья, цветы, иконы из слоновой кости, цепи предлинные. Видел дерево пестрое от природы, и цветов, и

птиц, подобранных из него. Видел дерево алоэ в пять адли высотой с редкими и короткими ветками, толщиной с голень. Иконы, выточенные из агата, с разноцветной яшмой, и тому подобное. Иконы, выточенные из бирюзы, порфирированного камня, чистой работы. Множество других из эмали, золота. Оттуда прошли в мастерские, где делается все это. Показали, как обтачивают камни, как вырезают цветы и фрукты, как вырезают кость, как режут яшму, как подбирают, все нам показали. Зашли в одну комнату, где изготовлялось убранство для той церкви, о которой писал я выше. Там стоял престол, ковчег для причастия. Убранство частью было готово, частью доделывали по образцам, которые находились тут же. Множество драгоценных камней, изумрудов крупных, яхонтов синих и желтых, цветных агатов, яшмы находилось там для подбора (ликов) господних, для изображения цветов и (лиц) из Ветхого завета. Стояли апостолы, изваянные из цельного камня. Из различных благородных камней были высечены их одежды, хитоны, нарядки, одежда вся, словно из парчи. В руках они держали свои страсти (мук). Больше не показали нам ничего. Но все говорили, что ни у одного царя нет такого храма и казны, как у этого грандука. Но храм еще не достроен. Казну также видели мы лишь частично, но и этого богатства достаточно для одного царя.

Восьмого сентября снова нас известил грандук. Повернулся с нами. Проводил через одни ворота. Оплатил нам стоимость корабля до Ливорно и содержанье за время, проведенное в Ливорно, и простился с нами. Оттуда нас повели на могилу новой святой Марии Магдалины. Там же находится женский монастырь, в нем церковь хорошая, выстроенная из цветного мрамора. Эта Мария Магдалина; дочь флорентинского вельможи. Она получила отпущение грехов от Марии Магдалины и приняла имя Марии Магдалины. От замужества отказалась и девой постриглась в орден святой Терезы. Множество чудес творила она. Не раз являлся ей Христос. Скончалась она сто десять лет назад, за это время чуть потемнела у нее кожа, но ни нос, ни что другое не были тронуты блеском. Словно спящая, покоилась она в хрустальном, окованном золотом, гробу. На голове у нее венец редкой работы, усеянный драгоценными камнями. На пальце дорогое кольцо. На груди покоилось распятие дорогое, в камнях. Были видны лицо, руки и ноги. На ней было одеяние из зла-

тотканого бархата. К нам вышли монахи их ордена, приветливы нас. Оттуда зашли в зверинец, принадлежащий градуку. В нем находились четыре льва. Один самец очень большой и трое самок поменьше, пять тигров, два медведя, четыре лани, два больших черных щенка волкодавов, больше похожих на волков, четыре шакала, орел и тому подобное. Преподобные волкодавы, похожие больше на львов. И львы были очень обхоженные, содержались в чистоте. Потом показали приют, больницу одну. Их было еще много, но мы осмотрели только одну. Там стояли кровати на тысячу больных. Но в то время лежали всего четыреста шестьдесят шесть больных. Отдельно лежали молодые, старики, дети, мужчины, женщины. Отдельно находились почетные больные. Хорошо одетых [больных] было только двое. Нам показали хирургическую и лечебную комнаты. Лечебная [комната] вызывала изумление. Думаю, что там стояло свыше ста котлов по одному сапалу каждая с одним только бальзамом, помимо остальных лекарств. Служили там двенадцать капуцинов, много священников и сто дев монахинь, которые ухаживали за больными. Монастырь находился неподалеку от больницы, и они по очереди выходили на работу. Начальником над ними был один епископ, который жил во дворце при той же больнице. Дворец хорошо обставлен и с собственной домовою церковью. Все ключи находятся у него. Но посещали больницу множество учащихся, кто обучался хирургии, кто врачеванию. Одежду и обувь, и пищу выдавали им из монастыря. И они обслуживали больных. Их обучали наукам книжным, врачеванию, хирургии, обхождению с больными, уходу за ними, изготовлению лекарств, изготовлению пищи и ее раздаче и всему, что необходимо для работы. Из двенадцати капуцинов по шести всегда бодрствовали. Они исповедовали, причащали, утешали, обучали терпению и проповедовали им для того, чтобы никто не оставался без упования. [В часовне] лежали два покойника, умерших в тот день. Мы не смогли осмотреть Флоренцию как следует, не хватило времени.

Отъезд из Флоренции. Девятого сентября утром повели нас в церковь того монастыря, где мы остановились. Нам показали с великой торжественностью и песнопениями то распятие, о котором я писал выше, что оно в знак прощения врагу склонило голову. То был высокий крест, расписанный по греческим правилам. Голова у него [Христа] была все еще наклонена. Показали и мощи святого Иоанна. Все это

драгоценно убрана. Мы отбыли оттуда на кораблях к Ливорно. Проезжали мимо хороших городов и деревень. Селенная местами мало. Прошли двадцать шесть миль и остановились в одной гостинице...

Десятого сентября мы продолжали путь мимо хороших сел и городов. Местность была низменная и напоминала Однши¹. Строение к строению. Везде дикий виноград и масличные деревья. Множество деревьев. По обе стороны видно много хороших строений. Проплыли семнадцать миль. Прибыли в город Пизу. Выше, при описании Флоренции, мы упускает большая река, пересеченная в четырех местах мостами с пятью, шестью арками на каждом. Но мост один покрыт плоской крышей. Округлость арки едва заметна. Арки широкие и построены с большим мастерством. Дворец грандука за рекой вдали от города. Крепость его высится над городом, который виден оттуда как на ладони, и под ним сад. Из крепости во дворец грандука сквозь тоннели ведет потайной ход. По эту же сторону реки в двух милях находится казначейство грандука. Базар вовсе удален от дворца по ту сторону реки. Над базаром возведено хранилище, и к нему проложена дорога таким образом, что грандук может и подъехать, и подойти пешком к нему из дворца.

Прибыли в Пизу. В ней, как во Флоренции, в середине протекает река. Город этот не уступает Флоренции, разве только — грандук пребывает во Флоренции. Только в Пизе я видел великое множество дворцов из тесаного мрамора. Там местопребывание архиепископа. Я осматривал его собор, построенный крестообразно. Он внутри и снаружи весь выложен мрамором и двухэтажный. Пол верхнего этажа опирается на семьдесят две высокие каменные колонны. Наверху же колонны еще больше, но они покороче. У больших врат снаружи — пятьдесят шесть мраморных колонн, и вся церковь окружена множеством колонн из мрамора, порфира. Там похоронен местный святой по имени св. Ранигро. Внутреннее убранство поразило нас, но когда мы вышли наружу, то не хотелось возвращаться во внутрь. Внутри множество больших серебряных канделябров, подсвечников, крестов, икон

¹ Однши — низменная часть Западной Грузии и побережья Черного моря.

драгоценных, престол весь серебряный и на нем ковчег причастия не менее шестидесяти литр. В стороне склад по размеру Носва ковчега, весь из мрамора, в длину триста локтей и соответствующей ширины и высоты. В нем двести двадцать восемь колонн из редкого мрамора. Толщина их равна голени и высота — пяти адли. Все они выточены красиво и мне понравились очень. Когда погребают в него покойника, в течение двадцати четырех часов от покойника остаются лишь очищенные кости. Оказывается, это происходит от того, что склепы те засыпаны глиной для обжигания, привезенной из Иерусалима. Оттуда мы зашли в церковь, которая называется церковью Крещения. Она также вся выложена мрамором. Место, где совершается крещение, окружено внутри и снаружи тридцатью мраморными колоннами. Посредине стоит большая купель, сложенная из порфиروهого камня. В стороне — кафедра на девяти столбах: из них три порфировых, три мраморных и три гранитных. На них стоит кафедра из белого алебастра редкой резьбы. Лестница из порфиروهого камня. Снизу поддерживают ее двадцать мраморных столбов. Шестьдесят же колонн поменьше наверху сведены аркой. Поистине красное зрелище. Вышли оттуда. За собором стоит колокольня вся из мрамора, в восемь этажей. В восемь рядов, чисто, один над другим стоит белые мраморные колонны, по сорока в ряд. И вся колокольня так наклонена набок, кажется, вот-вот свалится. Это большое сооружение возведено с великим мастерством. Множество в том городе было еще редких вещей, но мы осматривали его проездом и нам было некогда. К тому же была ужасная непогода. Нам раскваливали один собор, в нем один алтарь, в котором построика одного только престола обошлась в восемьдесят тысяч скудо.

Приезд в Ливорно. Одинадцатого сентября мы отплыли из Пизы. Река Пиза впадает в море в пяти эджи powyше от Ливорно. Так как это расстояние казалось большим, то от Ливорно грандук прорыл канал в двадцать миль, соединил им море с рекой Пизой в конце города Пизы. Из этой реки судна могут идти и по реке и по морскому каналу. На канале шлюзы, которые можно по желанию поднимать и спускать. Судно подтягивают краном и волокут через шлюзы. Люди заходят по ту сторону шлюза и садится в судно, отправляющееся в Ливорно. Его волокут два или три человека, если очень нагружено — то и четыре. Нас было много, с ве-

щами и провизией. Нас волокли по каналу три человека. Через этот канал местами перекиннуты мосты. Двадцать миль немногим меньше семи эдж. Семи милям равняется двадцать один эдж. Вот какой длины был этот канал. Такие удобные сооружения строили они для облегчения трудностей. Мы прибыли в Ливорно. Раньше я писал, что вокруг него не видно населенных мест, так как мы подъезжали морем, но со стороны суши хорошо населенные места. Ливорно омывается морем, которое искусственно отведено путем прорытия каналов. Через канал перекиннуты мосты. В город можно пойти через мосты или подплыть прямо на лодках. Красивый город. Пошли в греческий собор, но там никого не застали. Пошли в армянский собор, он очень хорошо выстроен, красив. Нигде нет у армян такого прекрасного собора. Много еще было редкостного, но я не мог осмотреть всего и потому не описываю, ибо дела моей страны не дозволяли мне этого.

Двадцать пятого сентября выехали из Ливорно. Консул французского короля в Ливорно, видимо, хороший человек, очень заботился о нас. Он устроил нас на французское судно. Мы хотели ехать на Мальту, а тот корабль шел в Сицилию, в город Мессину. Нас должны были подвезти туда, а затем на другом судне мы должны были ехать на Мальту. Путь удлинялся на двести миль. С нас взяли по семь марчли с человека с питанием и хорошим уходом. Другие владельцы судов требовали без питания по шестьдесят марчли с человека.

Двадцать шестого сентября поднялся встречный ветер, и мы не могли продвигаться дальше. От Ливорно до Мессины расстояние шестьсот миль.

Двадцать седьмого сентября ветер сбил нас с пути, и мы прибыли в порт той испанской крепости, которую я ранее описывал.

Двадцать восьмого сентября простояли там.

Двадцать девятого сентября мы выехали. Все еще дул встречный ветер. Затем и он перестал дуть, и мы вовсе остались без ветра.

Тридцатого сентября стояли на море без дела.

Первого октября вечером поднялся небольшой боковой ветер. Мы поехали, но на море было сильное волнение.

До третьего октября сильное волнение продолжалось. Трудно пришлось нам. Третьего октября в час служения обедни господь явил нам свою милость и послал нам хороший ве-

тер. Мы поехали. Поднимался то боковой ветер, то вовсе не было никакого ветра.

Шестого октября стали подъезжать к Мессине, но ветер изменился и мы направились к другому городу. Снизился остров большого королевства. В нем семьсот миль. Всюду хорошие места. Направились к городу Палермо. Город большой, на берегу моря, и местность ровная. Красивые места, но часто пересеченные горами, неплодородные, скалистые.

Седьмого октября пополудни вышел французский козус. Навестил нас на корабле и потом повез в город в своей коляске. Раньше мы видели множество прекрасных городов, но и этот город нам понравился очень. Вокруг него каменная стена и дома в большинстве каменные. Посреди города одна площадь восьмиугольная, по четырем углам ее стоят мраморные статуи и с четырех других углов расходятся прямые дороги, которые ведут к четырем городским воротам. Эти дороги такие прямые, что с середины площади видны городские ворота, их четыре, к ним сплошь тянутся торговые ряды. Справа на площади находится фонтан, к которому поднимаются ступени. На высоте трех ступеней вокруг стоят восемь мраморных статуй. Выше, на высоте девяти ступеней, стоят с четырех сторон по четыре мраморные статуи. Статуи окружены еще фигурами женщин и животных. Еще в стороне стоят три фигуры и одна возлежит посередине. Вокруг ступеней стоят: мраморный слон, единорог, лев, олень и разные редкие звери. Затем наверху — возвышенность ровная, как ток, и посередине лежит связанный гепард. В середине возвышается камень, обточенный, с высеченными на нем цветами и на нем мраморная чаша. По краям чаши сидят четыре птицы, и снова каменный столб и на нем чаша, на ней четыре утки, и снова столб и на нем стоит мраморная статуя, и из ее головы бьет большая струя воды. Из рта всех человеческих фигур, и зверей, и птиц, что мы описали, бьют струи воды. В трех местах стояло изображение их короля: одно — мраморное и два из свинца. Сначала повели в собор триаттичев. Собор большой и в нем двадцать восемь цельных мраморных колонн высотой по шесть адля. Мрамор черный с крапинками. И десять колонн из желтого мрамора по два с половиной адля каждая. Потолок и стены расписаны. Дорогие канделябры с большими красивыми свечами.

Затем повели в собор иезуитов. Этот собор побольше, но колонны сделаны пилестрами. По сторонам по десять арок.

На стены и колонны использован цветной мрамор. Но как он использован! На нем высечены птицы: одни, которые поедают змей, держат в клюве змею, другие, поедающие птиц, держат в клюве птицу, и все они, как живые, а также листья, цветы, плоды, фрукты, растения, все из мрамора соответствующего цвета. Вырезаны псалмы Давида, человеческие фигуры из белого и цветного мрамора. Видела множество преданных дел. Потолок хорошо расписан, полы там и в других местах сплошь из цветного мрамора. Большие канделябры и подсвечники, множество чудесных изображений в мраморе.

Оттуда пошли в епископальный собор. Вокруг собора большой двор, весь вымощенный. Он окружен оградой, и на ней стоят мраморные статуи пап и святых. Посередине небольшой фонтан. В середине пресвятая дева Мария из мрамора. Пошла внутрь собора. По сторонам по девять колонн и еще по четыре колонны около них. Очень приятное зрелище. Святилище украшено разноцветным мрамором. Одни убраны изображениями фруктов, другие—цветами. Множество икон. Один ковчег святого причастия весь из литой лазури. Он четыре адля высотой и столько же в объеме. Колонки из лазурного камня по три пядени длиной. Ковчег, канделябры, подсвечники большие. В каждом по десять лигр серебра, некоторые поменьше весом. Стеншело. Всего не смогли осмотреть по-настоящему. Дочь царя этого города, звали ее, оказывается Лозалой [Розалией], что в переводе на наш язык обозначает «розу», девственницей удалилась на скалистую гору, что высится над тем городом, и стала творить чудеса. Сделалась святой и скончалась там же. Часть ее мощей хранится в епископальной церкви. Но могила ее в горах. Там же построен монастырь. Его хвалили очень, но мы не смогли осмотреть. Туда от Палермо расстояние пол-эджи. Рядом еще другой город, где пребывает архиепископ и палермский епископ. В глубине этого острова, говорят, места лесистые и пахотные. Но те, что видели мы, земли неплодородные, скалистые.

Девятого октября рано утром подул благоприятный ветер. Упова на господа, мы направились к Мессине. Хотели плыть к Мальте. От этого города она находится в двухстах милях, но не смогли достать корабля. От Палермо до Мессины сто пятьдесят миль и от Мессины до Мальты двести миль. Удлинился наш путь. Приехали в Мессину. Тотчас же явился ко мне французский консул. Очень заботился о нас. Принял

ласково. Пошел в монастырь святого Базилия и привел старшего монаха и еще одного, и нас отвели туда. Город большой и красивый. В нем десять—двенадцать крепостей, одна к другой, вплоть до королевского дворца. Дворец нельзя отличить от простого дома. Там все построено из граненого камня.

Десятого октября консул прислал свою коляску. Мы поехали осматривать город. Сначала я заехал к консулу. Жена и дети консула вышли навстречу нам. Приняли с почтением. Потом поехали в один монастырь. Там большой собор, в нем двадцать шесть колонн, собранных из мраморных плит. Алтарь выложен мозаикой. Показали икону пресвятой, богато украшенную, в человеческий рост. Она окована серебром и унизана драгоценными камнями. Все помещение, где почитается эта икона, выложено цветами из разноцветного камня. Внутри множество фонтанов.

Одиннадцатого октября показывали нам главные мощи Базилия. Мощи святого Базилия убраны хорошо и драгоценно. Там же серебряное изваяние Базилия, а также множество святых мощей [было там]. За ними хорошо ухаживали. Пролив морской был узок. Видна южная часть Италии на той стороне. Место скалистое, лесистое, называется Калабрией. Множество крепостей и сел. Принадлежали они Неаполитанскому королевству. Теперь же эту Сицилию отдали Дучу Савойи. Про савойского дуча говорили, что он неутомимый человек. Два-три раза он шел против императора, два-три раза на короля Франции. На последнем перемирии ему отдали этот край. Он уехал отсюда обратно в Савойю за две недели до нашего приезда. Он прибыл сюда и выискал с Сицилии четыреста тысяч скудо. Мессинцы преподнесли ему венец, украшенный алмазами, и он отобрал у Мессины тридцать пушек. С других городов тоже взял подношения. Сарана эта недовольна им. Но папа приказал по какому-то поводу закрыть монастыри в Сицилии. Король обиделся на это. Он собрал совет и постановил не закрывать ни одного монастыря. Капуцины не подчинились королю и закрыли все свои монастыри, и ответили, что в делах духовных они подчиняются папе, в делах же мирских ему, королю. Он разгневался на капуцинов. Никого из них не принимал, многих изгнал, и они уехали в Рим. Некоторых бросил в темницы на двадцать два дня.

Тринадцатого октября консул прислал коляску. Осматривали хороший монастырь. Престол в нем весь убран цветами и птицами из лазури, коралла и разноцветной ишмы. Оттуда

поехали в женский монастырь. Богатый был монастырь. Церковь до самого купола была украшена, как и тот престол, изображениями цветов, птиц, зверей из коралла, агата, разноцветной яшмы и лазури. Вдоль стен двадцать четыре колонны из разноцветного мрамора, по четыре адли. Множество также редких мощей. Потом поднялись наверх в монастырь иезуитов. Хороший собор, но хуже других. Монастырь хорошо выстроен и распланирован. Много дорогих икон и мраморных, и фарфоровых, и фаянсовых. В одной маленькой церкви хранится множество мощей: головы, руки, другие части святых и ценного святой одежды. Сад их окружен сплошными насаждениями лимонов и апельсинов. Много родников и красивых фонтанов. Нигде, кроме Рима, я не видел такого количества фонтанов. Монастырь святого Василия, в котором мы стояли, расположен в очень красивой местности, хотя он находится вдали от города. С востока — море, с запада — горы и вокруг все цитрусосые сады. За нами хорошо ухаживали. Восемь дней они утруждали себя заботой о нас.

Шестнадцатого октября мы выехали. Между Мессиной и Калабрией проходит пролив. По ту сторону Калабрия — юг Италии, Неаполитанское королевство. Виден один город большой, который называется Реджо. Видны горы скалистые, крепости. Место, по-видимому, укрепленное. Ширина того пролива около двадцати миль, длина — шесть — десять миль. Проезжали множество хороших городов и крепостей. По пути от Палермо в Мессину ехали мы ночью и не видели одной горы, которая извергала огонь, наподобие Этны. Гора эта высится в море отдельным островом.

Семнадцатого октября показалась Этна, которая дымилась, но огня не видно. Склоны горы были покрыты снегом, пониже раскинулись сады, деревья, а в низменности населенные места. Сказали, что снег лежит на ней постоянно. Снег лежит только на склонах гор. Гора же извергает огонь. Сорок лет тому назад гора эта раскрыла пасть и извергла огонь. Лава из нее спускается в море и заливает его. На три мили вокруг все заполнилось черной массой. И затем гора замкнулась. Множество чудес говорили об этом извержении. Местность вся изрыта, камениста, наслоенная илом и неровная. Вокруг хорошие горда, крепости. Растет инжир, финик дикий, оливокное дерево. Во множестве разводят индеек и кур.

Восемнадцатого октября ночью мы плыли на маленьком судне. На другой день в обед подплыли к одной естественной

гавайя, длинной и извилистой, которую образовала скала. Рыбаки рыбачили. Мы пили вино, положее на атенури¹. Раньше в других местах я такого не встречал. В этих местах хорошие вина. Вечером прибыли в Аугусто. Оказывается, раньше он был хорошим городом, но его двадцать два года назад разрушило землетрясение и совершенно сравнило с землей. Погибло там множество людей. Затем снова отстроили его, но он уже не был таким, как прежде. Он расположен на острове и омывается морем. В одном месте перекинут мост. Четыре-пять, сильных крепостей. Подошли туда. К нам навстречу вышли капуцины. Отвели помещенные в своем монастыре. Обошлись с нами хорошо.

Двадцатого октября они привели ко мне двух старцев, которые взяли нас на лодке на ту сторону посмотреть (паросли) сахарного тростника. Сажать этот тростник следует, оказывается, обратной стороной, головкой. Через два года после посадки он уже пригоден для переработки, созревает он в ноябре. Затем в декабре, январе и феврале выгоняют из него сахар. Нам показали, как его выгоняют, как перемалывают тростник, как отжимают, процеживают, варят, как готовят белый сахар. От землетрясения пострадала восточная часть этой страны, разрушены большие города, множество селений. Убило сто шестьдесят человек. Помимо прочего убитка, повешенного им, убито еще шестьдесят одних только капуцинских монахов.

Двадцать третьего октября проплыли восемнадцать миль. Плыли мимо страны неплодородной, места скалистые и дикие, незаселенные. Погода была плохая. Хотели причалить к Сиракузам. Немного прояснилось. Лодочки причалили. Сиракузы миновали. Его видали лишь издали. Видимо, город хороший, бухты с двух сторон. Четыре-пять больших и хороших крепостей. Сильная крепостная стена. Но землетрясением разрушило восточную сторону. Да и владения вокруг Сиракуз были повреждены. Над Сиракузами тянется хороший лес, гора лесистая, пересеченная полянами. Говорили, что там малоземелье, земля чуть менее плодородна, чем сицилийские земли. Видно множество селений. Похоже было, что местность хорошая. Как только миновали Сиракузы, на

---

¹ Атенури — от «Атены» — местность в 100 км от Тбилиси в сторону Гора, славившаяся отличным вином.

море опять началось волнение. Двадцать миль плыли при сильном волнении. Зашли в одну гавань и там остановились.

Двадцать четвертого октября с утра была хорошая погода. Зашли в маленькую церковь. Хотели заказать обедню. Священник сказал, что у него осталось только одна просфора и она нужна ему для местных граждан, которые во множестве явятся к обедне. Он предложил остаться и прослушать их обедню. Послали за просфорой в другую церковь, но и там ее не оказалось. Погода была хорошая, и лодочники стали торопиться. Так мы и остались в тот день без обедни. Поехали дальше. Пошли неизменно. Чаше встречались населенные места, чаще попадались леса, пажити. Видны были хорошие города, деревни. Мисопали все это, и остановились в одной гавани, так как подул противный ветер. Тут стояла одна избушка, крытая соломой. Никто в ней не жил из страха перед варварскими пиратами. Мы остановились там. С горы спустились женщины, мужчины, священники — смотрели на нас. Спустился один музыкант, который из одного меха дул в семь волынок. Две из них были с клавишами, а пять без них. Он так сочетал зыг и бас, что игра инструмента походила на игру органа. Поспали часа три. Подул хороший ветер, и мы уехали, ибо место это — опасное. Все отговаривали нас от поездки на маленькой лодке. И место-де опасное, частые бури, и множество пиратов эфиопских и османских. Они враждуют с мальтийцами. Но господь смилостивился над нами. Рассвело. Показалась Мальта. До нее оставалось около сорока миль. И ни пиратов, ни бури.

Прибытие в Мальту. Двадцать пятого октября, за четыре часа до захода солнца, мы прибыли в Мальту. Описать Мальту по достоинству трудно. Мальта — остров Мелитон. Там много змей, но с той поры, как змея ужалила в руку святого Павла, они не кусаются. Там множество змеиных окаменелостей, камней для врачевания змеиных укусов. Мальта в окрестности шестьдесят миль и в ней шестьдесят селений. Город Мальта расположен на восточном берегу моря. Раньше он находился повыше. К нему трижды подступал султан. Раз он даже его взял, но его вынудили уйти, отступить. Многие помогали мальтийцам. С тех пор построили город на берегу моря. У самого берега находится низкая скала, похожая на Уплис-цихе¹. Она легко дробится. С двух сторон этой

¹ Уплис-цихе — скальный город в Грузии VI в.

скалы гавани. Обе гавани соединяются за городом. Берега скалистые. Одни ворота ведут в город со стороны моря, другие — с суши. Ворота просто пробиты в скалах. У самого входа в ворота перекинуты мосты и под ними, в скалах, прорыты рвы. Мосты можно наводить и убирать. Они (мосты) держатся на цепях. За воротами, обращенными к суше, лежит широкое поле. Между полем и городом в двух местах в скалах вырублены рвы, которые заполняются водой, для того чтобы они были глубже и шире. За тем полем морские проливы сведены ближе друг к другу, и меж ними стоит большая крепость, и вход в нее идет подземным тоннелем. В тоннеле могут ездить колесницы. А ниже идет стена, частью в виде укрепления, частью садами. Высокая стена наверху выровнена, засажена деревьями, по (стенам) идут улицы, так искусно запутанные, что приезжий даже в мирное время без местного проводника не проберется по ним, а тем более вторгшийся чужак. По берегам обеих гаваней раскинуты другие поселения. Одно из них превращено в город. И близко друг от друга выстроены там большие укрепления, числом тридцать три. И теперь при мне те поселения тоже обводили стеной с укреплениями в ожидании нападения султана. Город невелик, но и не мал. Все строения из граненого камня. Города, стены, крепости, деревни, стены вокруг них, мостовые на улицах — все из граненого, обточенного камня. В укреплениях и на стенах везде стоят пушки так близко друг от друга, что меж ними едва могут пройти два человека. Вода проведена издалека, но вырыты такие колодцы, что в них может храниться запас воды на год. Кроме того, дождевая вода собирается в кадушки. Сицилия находится близко от них. Меж ними шестьдесят миль морем. Ливорно в шестистах милях, Марсель в ста милях. Генуя также близко, а повыше — Ливорно, и они всегда могут прийти на помощь очень быстро.

Двадцать шестого октября нас повели к их правителю. Называют его гранмагистром, что в переводе обозначает — великий мастер. Всякий, желающий переселиться на Мальту, должен быть очень знатного происхождения, быть сыном либо царя, либо дука, и если в его роду до седьмого поколения был дочери купцов, либо кто из незнатного рода, то такой не может стать мальтийцем. Тот великий магистр был испанским принцем, ему семьдесят пять лет, глубокий старец, голова и руки у него дрожат сильно. И нас повели к нему. Из

хоромы из полированного камня. Его дворец, разумно сказать, лучше всех. В нем стоит большое войско. Прошли нижние палаты и поднялись по лестнице. К нам вышли мальтийцы в порядке сана. Наверху в одной палате по двум сторонам стояли в ряд мальтийцы. В следующей палате, более богатой, стояли мальтийцы высшего сана. Еще в следующей находились еще более высокого сана и постарше. И еще дальше — самые старейшины и переселившиеся сюда раньше других. Мальтеец, который провожал нас, — француз. Как только мы пришли туда, он вышел нам навстречу. Он саном ниже великого мастера и так же стар. Его вели под руку. Он привел нас к дверям Великого магистра. Великий магистр вышел навстречу нам. Приветствовал, завел к себе, сел и усадил меня перед собою. Беседовал со мною, расспрашивал о моей родине, о путешествии. Когда вернулся оттуда, нас перевели в монастырь капуцинов.

Двадцать седьмого октября к нам пришли знатные мальтийцы в порядке сана и проводили нас.

Пятнадцатого октября, оказывается, встретились мальтийский корабль с арабским кораблем. На арабском корабле находились пятьсот человек и шестьдесят пушек. На мальтийском же было мало. Арабы спросили: кто вы такие? Мальтийцы отвечали, мы — де, генуэзцы. На вопрос же этих, кто же такие те, они подняли на смех мальтийцев и за их малочисленность и отвечали, что они просто морские [жители]. В ту ночь никто ничего не мог разобрать. Поутру они напали друг на друга и стали обстреливать. Арабский корабль с пушками, стоящими на нем в ряд, затонул. На мальтийском корабле были убиты двое знатных и пять человек простого происхождения. С того корабля из пятисот спаслись лишь семь человек. Их втащили веревками на мальтийский корабль. Четверо из них оказались христианами, пленными арабов, и трое — арабами. Многие рассказывали мне о войнах, которые ведет их молодой хан. Рассказывали про одну схватку с ним, происшедшую четыре года-назад. И тогда сошлись два корабля: один мальтийский и один джазайров Юстровитям. И тогда мальтийцы одержали победу и полонили предводителя их [корабля]. Тот водитель сообщил, что только он одним этим кораблем победил семьсот христианских кораблей. Я пишу об этом, чтобы узнали, что даже у этих сильных христианских государств такое же множество врагов. Но мальтийцы воинственны предостойные люди. Они разят христианских вра-

гов. Дай вам бог столь долгие дни и спасение душ, сколь много сотен тысяч пленных содержится у них в городах, и на островах, и на кораблях. Видел я среди них грузин: абхазов, имеретин, гурийцев, мегрелов, отбитых ими у турок. И те пока еще хорошо знают свой язык. Я удивился.

Двадцать восьмого октября. Я пересек гавань, чтобы проведать павского наместника. Крепости, расположенные на той стороне гавани, напротив города Мальты, слынут там непобедимыми. Когда на них напал султан, то крепость эту, находящуюся тогда повыше, он не смог взять. Теперь город этот перенесен ниже — напротив прежнего, на более укрепленное место. Крепости его укрепляли еще более, и город стал еще больше. Гавань на той стороне делится на шесть лагун, которые тянутся в длину. Лагуны длиннее я не видывал раньше. Они столь узки, что ружейный выстрел достигает противоположного берега. Вокруг трех лагун раскинулись строения. Огромные крепости и город весь из тесаного камня. Думаю, что камень эти они берут из скалы, которую нарочно скалывают с одной стороны, чтобы углубить и сделать неприступной. Таким образом они строят двойное укрепление. И поле, и ворота за городом, о которых я писал раньше, и разветвления дорог также укреплены скалами, в которых прорыты порога под землю, куда могут проходить колесницы, и на них установлены пушки. И весь тот остров укреплен сплошной сетью стен и рвов и вызывает изумление человека.

Тридцатого октября пригласил нас обедать один знатный мальтонец, француз. У него за городом небольшой цитрусый сад и красный дворец над самым морем. Он хорошо встретил нас. Показали нам большое помещенье, где толкут порох, перегоняют селитру, перемешивают селитру с серой. Стояли два больших жернова из твердого камня, двенадцать ступок из жести и деревянные пестики. Один мул вращает жернова. В двенадцати ступках толкут порох. За день толчется пять кантар¹. В каждом кантари по тридцать стамбудских батман². Каждый батман по сорок восемь тулт³, что составляет более пяти лошадиных сапалне. Тут же стояли новые ступки деревянные и пестики металлические. Говорили, что в них будет крошиться вдвое большее количест-

¹ Кантара — одна из чаш на весех.

² Батман — мера сыпучих тел, равная, приблизительно, восьми килограммам.

³ Тулт — $33\frac{1}{2}$ золотника.

во, чем в старых. Но при мне они еще не были готовы. Меня они хорошо принимали.

Тридцать первого октября меня пригласил Великий магистр. Сам он сидел в начале стола. Были я и еще трое старших мальтийцев. В числе них был вчерашний мой хозяин. Мы сели за стол по двое друг против друга. Помимо нас, никто за стол не садился. Прислуживали нам мальтийцы высокого сана. Некоторые из них стояли за нами. Вся посуда, которой пользовался лично гранмагистр, была из золота. Остальная же посуда вся серебряная. Комната устлана дорогими коврами. Других расходов на нас или на продукты он не имел. После обеда я вошел в гости к другому мальтийцу, французу. У него тоже были хороший дом и двор над морем. Множество мы видели у него также интересных вещей, но длинный сказ утомителен. В его дворце я видел один инструмент [музыкальный]. Он называется морским инструментом. Кузов у него треугольный, размер его равняется одной пядени, а наверху он узок и продолговат, — до шести пядень. И ручка длинная, толстая. Инструмент выше человеческого роста. На нем протянута одна струна толщиной в тростниковый стебель. Играл на нем, как на скрипке, смычком. На ручке для ладов использовались только большим пальцем. На самой струне в восьми местах наклеены бумажные знаки. Должен признаться, что лучшего инструмента и по красоте, и по благозвучью, и по высоте и густоте звука я не видел. Были и другие инструменты: тимпаны, скрипки. Но на том странном инструменте одна струна, играют на нем одним пальцем, и это меня поразило. К тому же он был лучше других. Не знаю, может быть, от удивления, от того, что он редкий, мне показался он таким приятным. Старшим над всеми мальтийцами считается гранмагистр, кроме него, еще семь человек старейших из них: трое французов, один итальянец, один немец и двое испанцев. За теми семью по сану следуют еще по трое других, всего двадцать один. Эти двадцать один человек носят на груди нашитые большие белые кресты, как знак старшинства, и они являются начальниками. Когда Великий магистр умирает, эти двадцать один человек выбирают нового гранмагистра из числа тех семи. Получивший одиннадцать голосов считается избранным. Меньшее число голосов недействительно. При тех двадцати одних начальниках состоит — при одних по сто, при других — по сорока, при третьих — по десять, а то и по двести мальтийцев знатного происхождения.

Число мальтийцев зависит от числа желающих поступить туда, от личного расположения. При мне говорили, что их в настоящее время три тысячи, и это число то увеличивается, то уменьшается.

Второго ноября мы пошли осматривать их ксенон (больницу). Заведовал больницей один из старших мальтийцев. В больнице лежали триста больных. Посторонний человек не может ухаживать за ними. В течение семи дней по одному из семи старейших мальтийцев со слонии подчиненными, зпатыными мальтийцами, прислуживают им и содержат их в чистоте, обхоженными. И меня заставили прислуживать и меня удостоили они чести и приняли в свою среду. Служебная и столовая посуда, как-то: котлы, тарелки, миски, судна, все у них серебряное. Меня пригласили к себе некоторые из начальников. Множество я видел у них богатств. Если кто у них умирает, то четыре пятых его имущества принадлежит Иоанну Крестителю и лишь одной частью можно распорядиться по своему желанию, завещать родственникам или на другое какое-либо дело. Если кто из них захватит большую добычу на войне, то тому Великий магистр дарует деревню, но урожай оттуда за два года берет себе. При мне у них находилось двадцать тысяч пленных турок. Всех хворых пленных, или убогих странников, или пришедших содержат в богадельнях Иоанна Крестителя. Я забыл рассказать, что больных кормят разнообразной пищей. Над каждым больным висит дощечка, на которой написана назначенная больному пища. Врач держит в руках список и читает, кому какую пищу следует подавать. То им и подают. Для пленников и для женщин другие больницы, отдельно.

Четвертого ноября меня повели в собор Крестителя, покровителя мальтийцев. Построено, поистине, красиво и внутри редкое расположение. В нем девятнадцать алтарей и в каждом престол серебряный. В них по два больших подсвечника, которые, наверное, стоят не менее двадцати туманов¹. Подсвечников и канделябров так много, что и не перечесть их. Сначала привели меня в левый алтарь. В нем находилась большая икона пресвятой без сына. Она, оказывается, найдена мальтийцами в городах Родоса, где они жили раньше. Икона в богатой оправе, усыпанной драгоценными камнями. Неизвестно, кем она написана. Потом подошли к большому

¹ Туман — денежный знак, равный 10 рублям.

престолу, на нем стоит мраморная группа редкой работы: Иоанн Креститель крестит Христа. Она привезена из Рима. Они оба, как живые. В правом алтаре покоятся нетленные мощи святого Клементия, дарованные им святым папой. Там же отдельные части мощей разных святых, в дорогах справа. Осмотрели дорожные алтари и затем открыли дверь, и прошли в одну комнату, где мы видели множество удивительных вещей: часть креста (господня), большая и высокая, оправленная золотом и эмалью, обсыпанная драгоценными камнями. Еще большие кресты — два золотых, два серебряных, редкой работы. Кусок гроба господня в серебряной оправе редкой работы: множество ангелов поддерживают его или вьют вокруг него. Совершенно редкой удивительной работы чаша для причастия. Я такой нигде не видел. Она установлена над головой Иоанна Крестителя и вся усеяна алмазами. Еще чаша для причастия нимбо (подобная), сделанная из красного янтра. И еще редкой работы большая из золота, весом в две литры чаша для причастия в виде нимба и гроб серебряный, поддерживаемый двумя большими ангелами. И наверху большой венец серебряный, тоже поддерживаемый ангелами. Еще чаша нимбоводобная для причастия, благородной работы из эмали. Потиры — золотой, три эмалевых, еще золотой и два серебряных. Крест хрустальный, на нем распятие и четыре апостола, выведенные эмалью. Крест нагрудный с дорогими камнями и крупным жемчугом. Еще нагрудный крест золотой. Крест нагрудный из серебрянков, полученных Иудой. Два кольца величиной в абазы с драгоценными камнями. Еще кольцо большое. Кулон из крупных дорогих камней. Посох епископский, украшенный. Шесть митр: три из них обсыпанные драгоценными камнями и жемчугом и три из виссона. Затем смотрели отдельные части мощей разных святых в драгоценных оправках, хрустальных раках, украшенных золотыми и серебряными цветами. И еще церковную утварь различную из золота и серебра с драгоценными камнями. Евангелие разное, кондаки и под ними серебряные аналои. В следующей комнате множество редкостной одежды. Девять наборов одеяний и в каждом все подобрано в один цвет. И шитье, и тиснение, и из бархата муарового, и из камки. Тут же находилась одна поломанная серебряная люстра. За нее уплачено, оказывается, две тысячи двести скудо. В ней можно зажечь восемьдесят свечей. И множество еще различных канделябров. Оттуда повернулись в противоположную сто-

рону. Открыли дверь под девятыю замками. Ключ от одного замка был у Великого магистра, от другого — у протоперей и от остальных по одному у тех семи мальтийцев, о которых я писал выше. Вошли. Наверху стояла серебряная рака. Из нее вынули золотую с хрусталем раку. Открыли ее, и в ней лежала кисть руки святого Иоанна Крестителя, без всякого изъяна. Та рука, которую он возложил на Христа при его крещении. Рука роскошно украшена. Мы приложились к ней. К ней приставлен протоперей. Он пользуется почётом, подобающим канцлеру. А младшим священникам отдается почет епископский. Трое из них занимаются важными делами. Затем вошли в его дворец. Дворец не стану описывать. На террасе самого дворца у него разведен чудесный цитрусовый сад. В конце сада фонтан и беседка, сложенная из граненого камня. С трех сторон оттуда видно море. Дворец стоит посреди города и возвышается над всем городом. У него разведены разные красивые цветы. По другую сторону дворца опять на террасе разбит виноградник. Я удивился этому. Ведь варвары находятся совсем близко от Мальты, на расстоянии ста восьмидесяти пяти миль.

От Мальты до Марселя — девятьсот миль.

От Мальты до Генуи — восемьсот миль.

От Мальты до Ливорно — семьсот миль.

От Мальты до Рима — шестьсот миль.

От Мальты до Неаполя — четыреста пятьдесят миль.

Остров Сицилия лежит между Мальтой и Неаполем.

От Мальты до Сицилии — шестьдесят миль.

От Мальты до Мары — пятьсот миль.

От Мальты до Константинополя тысяча двести миль, но следует считать тысяча четыреста, так как по пути много островов и дорога идет обходом.

От Мальты до Кандии, которую турки называют Гиритой, — шестьсот миль.

От Мальты до Смирны — девятьсот миль.

От Мальты до острова Родос, где после Иерусалима и до переселения на Мальту жили мальтийцы, — сто миль.

От Мальты до острова Кипр — тысяча сто миль.

Однажды пришел ко мне опять француз, который приглашал меня в свой сад, и пригласил меня на этот раз за город осматривать укрепления. Мы осмотрели бастионы, ворота и укрепления у входов. У трех бастионов работали три тысячи рабочих, они дробили скалу. В ширину ров был до соро-

ка пдди, а в длину он шел во всю окружность. Его должны были сделать такой глубины, чтобы, помимо моста, нельзя было бы перейти через него. А отбитые от скалы камни кляли на укрепление бастиона таким образом, чтобы, в случае взятия бастиона, бои могли продолжаться внутри его. Вырубленные скалы сами по себе служили укрепительной стеной. А из отбитого камня были сложены такие стены, что даже пушками их не пробить. Нельмозу того звали мусье де Самсон. Он опять пригласил нас к себе на обед, хорошо угощал. Ему было лет восемьдесят, но выглядел он очень мужественно. Зубы у него все целы. Зрение и слух хорошие. Он, оказывается, в молодости отправился в Турцию с целью съездить Константинополь. Когда он тайком подошел к Тенедосу, тут его встретили корабли султана. Они вступили с ним в бой. Он побеждал и взял в добычу 12 больших галлонов, 18 кораблей, 56 галер, много лодок, три капитанских судна. Он вернулся и затем туда же направился другой и тоже нанес большое поражение врагу в Тенедосе. Тенедос ближе, чем Константинополь на 70 (миль) и находится у самого пролива в Средиземное море. В день введения во храм пресвятой их настоятель выступал в храме Крестителя. [После службы] стреляли из сорока пушек.

Тринадцатого ноября по католическому летоисчислению было четвертое декабря — день святой Варвары. Во время вечера и на следующий день выстрелили более чем из двухсот пушек. В день же святой Варвары прибыл победивший варваров корабль, а спустя некоторое время прибыл один сторожевой корабль, который, оказывается, встретил судно пирата, взял его в плен и привел сюда. В нем было более ста человек.

Четырнадцатого ноября меня взяли в старый город, в самый центр острова, место, где проповедовал святой Павел. Это на возвышении к морю видно отовсюду. Тут находятся истоки многих рек. Одна река течет мимо города Мальты. До Мальты отсюда семь миль. Святой Павел стоял, оказывается, на возвышении в середине и отсюда проповедовал. Это место окружено мраморной оградой, и в середине стоит статуя святого Павла с распростертой рукой, как бы приготовившись к проповеди. Он такой, словно собирается заговорить. Подальше, на том месте, где его укусила змея, стоит церковь святого Павла. Дальше небольшая церковь опять святого Павла. На одном престоле в нем стоит статуя

святого Павла, на другом — святого апостола Луки. В руках у него икона пресвятой, словно он пишет ее. Три месяца жили апостолы в этом храме. Внутри одна маленькая впадина. В ней покоятся иконы святых Павла и Луки. Из этой впадины берут все белую святую глину. Люди приезжают из многих стран, роют, достают землю и увозят сотнями пудов, а впадина остается все такой же маленькой, какой была тогда.

Двадцать седьмого ноября по католическому числению восьмого декабря, день, когда зачала св. Анна. На Мальте, оказывается, свирепствовала чума. Множество народа погибло. Жителей помолвили св. Анне об избавлении, и чума прекратилась. В честь зачатия св. Анной выстроили тот храм за крепостью. Храм небольшой, но красивый. Каждый год в этот день справляют великие празднества в большом соборе Крестителя. Оттуда крестным ходом идут в церковь св. Анны. Впереди несут хоругвь капушинов, и за ней идут капуцины по двое в ряд, затем — хоругвь каментвалов и за ней следуют каментвалы, за ними кармелиты, потом августинцы, цоколанты и за ними доминиканцы. Все они идут по двое, один за другим. Потом следуют священнослужители храма Крестителя в священных одеяниях. Они идут без знамени. Впереди них несут только крест. Шествие замыкает архиерей в митре. Фалды его фелона несут два священника. За ним идет гранмагистр. Впереди него двое священнослужителей, облаченных в священнические одежды, каждый несет по кресту. За гранмагистром шли мальтийцы (члены мальтийского ордена), все сыновья знатных; почетных людей — их было до трех тысяч. У них четыре тысячи солдат. При мне у них находилось двенадцать тысяч пленных, еще сто семь пленных привезли при мне. Христиан в плен не берут — их либо отпускают вовсе, либо оставляют у себя. Турок берут в плен. Был у них один абхазец, четверо гурийцев, один Гугунава сын Сехнии¹. И женщины: гурийки, мегрелки. Содержали их с почетом. Те хотели вернуться к себе, но я не советовал им. Когда народ стал собираться, везде начали звонить в колокола, когда же вышли со знаменами за городские ворота, стали стрелять из пушек. Стреляли медленно, и я насчитал сто выстрелов. Затем стали стрелять с кораблей, стоящих в западной гавани. Помолвились и повернули обратно. С кораблей, стоявших в южной гавани, не стреляли. Но с больших

¹ Сехния Гугунава — современник С.-С. Орбеллиани, дворянин.

кораблей, стоящих в других гаванях (стреляли). Стреляли также с четырех крепостей. Считать выстрелы стало невозможно. На двух башнях у самого берега сплошь были установлены пушки. Из них стреляли по очереди, с промежутками. Я считал до пятидесяти выстрелов, а потом перестал считать. Я не хотел пропустить вечерни. На Мальте живут в возрасте от двенадцати лет и старше, то есть с возраста первого причастия, всего пятьдесят семь тысяч шестьдесят три души мужчин и женщин.

Двадцать седьмого ноября прибыл в наше распоряжение французский корабль, чтобы доставить нас в Константинополь.

Двадцать восьмого ноября я попрощался с гранмагистром. Пришли попрощаться со мной все знатные люди, наместник папы, епископ. Мальта очень теплый край. В декабре цветет там сирень и другие цветы. С инжира облетела листва, а виноград был еще в зелени. Зимой там не бывает ни снега, ни заморозков, ни морозов. Становится чуть прохладней, (лишь) когда подует северный ветер. Говорят, лето бывает очень знойное. Местность неровная и скалистая. Множество змей, но не ядовитых. Множество фруктовых садов, лимонов и апельсинов. Помимо садов, деревьев нет. Листва всю зиму зеленая. Летом, говорят, трава выгорает. В стране варваров, что находится против Мальты, сидят три сильных царя. Они не подчиняются султану. По эту сторону тунисский царь соседствует с султаном, он враждует с Мальтой. Множество его пиратских кораблей ходит по морю. За ним Алжир. А затем Французское Марокко. Повише, напротив (владения) Голландии, французский король. Правитель Марокко собственноручно убит, оказывается, семьдесят тысяч человек. Это у них считается большой доблестью. Говорят, те страны очень жаркие. (Живут там) чернокожие.

Пятого декабря выехали из Мальты. Гранмагистр явился распорядиться, чтобы наш корабль провожала большая каторга, так как из той гавани судно не может выйти в море, если его не выведут. К тому же совершенно не было попутного ветра. Гребцов на судне было до двухсот человек. Но все же не могли идти. Ту ночь так зря и простояли.

Шестого декабря вернулся обратно, так как попутного ветра не было, и седьмого числа оставался в Мальте.

Восьмого декабря господь послал нам добрый ветер, и в полдень отбыли. Тот день и ту ночь дул попутный ветер.

Затем он усилился. Судно шло быстро, но было сильное волнение на море. Миновали Морею (или Пелопонес). Ветер совсем утих. К северу мы оставили Негро-Понте (Эвбея), а к югу — Кандию, которую турки называют Гирита. Миновали Хиос, что турки называют Сахиз.

Здесь выгоняют белую смолу.

Ветер дул очень сильный. В страхе провели ту ночь. К Смирне подойти не смогли. Рассвело. Мы повернули обратно.

Семнадцатого декабря вошли в гавань острова Митилины. Гавань была там на редкость хорошая, большая и длинная. Все другие острова, лежащие вокруг, дикие и голые. А здесь растут во множестве оливковые деревья и деревья, покрытые зеленой листвой. Было приятно, как летом.

Двадцать первого декабря подул хороший ветер. Вышли из гавани. До Смирны оставалось около семидесяти пяти миль. Ветер стал стихать. От полудня до часу ночи не смогли достичь гавани. Ниже города Смирны находится одна крепость, и поближе к ней бросили мы якорь и стали там. Капитан на лодке отплыл в город. Один край моря около Смирны словно срезан на пятнадцать миль в длину. И ширина больше. Город Смирну я не сумел посмотреть. Он (расположен) на хорошем месте. Много стран соседствует с ним. В таком месте не будет недостатка в путешественниках. Город не так уж велик. Он был виден нам сбоку, не целиком. Но говорили, что он не велик. Но там найдешь путешественников отовсюду. Вокруг все горы. Они до половины покрыты снегом, неглубоким. Пониже на склонах снега нет, и на них лиственный лес. А в низинах растут оливковые деревья. Слово лето. Но стало прохладно. А ночью под рождество выпало столько снега, что на кораблях можно было сгребать его рукой. Было похоже, что город хорош, но ни вокруг него, ни на том острове, что мы посетили перед этим, не было нигде никаких построек. Остров тот равен Сахизу. О размере его я писал выше. Но населен он редко, в одном месте около шести, в другом — около десяти домов. Может быть, и были еще поселения, но я не пишу об остальных, ибо не видел их. Вокруг Смирны было видно со стороны лишь пять-шесть деревень. Местность эта хорошая, открытая. Лишь одна деревня была побольше остальных — около ста домов, а в остальных — по десяти, пятнадцати и не больше. Местность, почва, растительность все здесь прекрасно, но божья благодать не осеняет, ни

димо, те места, где ступала нога турка. Он опустошил все. Если бы видели вы сами, то убедились бы в правоте моих слов. Все это я видел с корабля, но на сушу не спускался. А на том острове я сходил с корабля и много ходил вокруг. Смирненские турки пользуются лучшей славой. Они проявляют уважение к христианам, не совершают насилия над ними. Делают ли они это по доброте человеческой или из страха перед французами, судите сами. Путь из Франции лежит прямо через Смирну.

Двадцать седьмого декабря выехали из Смирны, но остановились поблизости в гавани. Не было попутного ветра.

Двадцать девятого декабря подул попутный ветер. Проехали семьдесят миль. Прибыли в город Митилины [Лесбос]. Остановились у того острова, но город находился за той гаванью. Город не очень маленький, с крепостью. И в нем сидит паша. Местность прекрасная. Домов не очень много, и они больше называются домами (также жалкие). Но город расположен на хорошем месте. Поблизости Анатолия и другие острова. Местность прекрасная, но скудная постройками.

Тридцатого декабря мы отплыли из Митилины, проехали пролив. Остров Митилины здесь в оливковых деревьях, цитрусах, но строений мало. Справа Анатолия. Мы плыли вдоль анатолийского побережья. Проезжали хорошие, плодородные земли. Всю ночь было волнение на море. Когда подошли к Константинопольскому проливу, стало светать.

Тридцать первого декабря не смогли войти в пролив. Дул встречный ветер. Нельзя было сдвинуться с места. Ту ночь и следующий день первого января все время было такое сильное волнение, что даже корабль со спущенным якорем заметно сошел с места. Были туманы, дожди. До десятого января было страшное волнение с маленькими перерывами. Десятого января подул слабый попутный ветер. Мы поплыли к проливу и божьей милостью вошли в первую Дарданельскую крепость, которая существует по обе стороны (пролива) еще с первых времен христианства. От Дарданельской крепости до святой горы [Афон] до семидесяти пяти миль. От Первых Дарданелл до Вторых Дарданелл, которые построены ныне турками, до двенадцати миль в сторону Константинополя.

Одиннадцатого января во полночи поднялся снова встречный ветер. Мы остались стоять в проливе, не опасаясь волнения.

Тринадцатого января поднялся попутный ветер. Поехали.

миновали Галиполи и приблизились к Мармаре (Мраморному морю). Галиполи небольшой старинный город, на берегу моря в Урумее. В Мраморном море в сторону Анатолии находится остров с высокой горой, где рождается белый мрамор. Ветер перестал дуть. Сутки те простояли там впустую. Вокруг видны хорошие страны. Строений мало, а деревни разорены турками.

Пятнадцатого января немного подвинулись вперед и миновали Мраморное море. Ветер снова стих. Иногда он дул, но совсем незначительный.

Семнадцатого января дул боковой ветер. Ехали темной и туманной ночью. У нас был капитан злой, глупый и непослушный. Приблизились к Константинополю. Ночью нельзя было входить в гавань. Дул встречный ветер. Мы стали кружиться на месте до рассвета. Оказывается, в темноте не смогли разобраться в пути. Берег находился поблизости. Наш корабль наскочил на мель и увяз. Благодарение господу, что не было камней, а не то бы корабль разбился вдребезги. Еще не было полночи. Поработали. И ветер, слава богу, утих, иначе мы могли погибнуть. То пушки перетаскивали на корму, то опускали якоря и тянули канатами. Господь смилостивился над нами. Рассвело, и корабль сняли с мели. Мы прибыли в Константинополь. Остановились около Иеди-Куля.

Девятнадцатого января утром посол прислал лодку с жнычарами. Сошли с корабля. Обогнули Константинополь с трех сторон. Я хорошо мог рассмотреть его так же, как и с корабля. Город большой со множеством зданий, но нам, прибывшим из Франции, он не мог особенно понравиться. Местоположение у него исключительное, а здания и все другое не поразили меня. Вокруг него стена во многих местах разрушена, стара. Новой стройки нигде не видно. Только семь башен Иеди-Куля побелили и оштукатурили заново, когда туда поселяли русского посла. Внутри я не был и не смотрел. Но те, кто видел, рассказывали нам (о его состоянии). Посол поселил нас в отведенное нам помещение и устроил нас хорошо.

Третьего марта султан совершил коварную вылазку: он пошел войной на Морею (Пелопоннес).

Шестого марта вечером в Скутари, Пера, Галате, во всем Константинополе, на всех минаретах зажгли факелы, устроили иллюминацию в честь победы султана. То было в ночь рождения Магомета.

Девятого марта (султан) вошел во дворец в Галатском порту. Всех водителей кораблей одели в халаты. Выступил капитан-паша, и перед султаном собралось множество маленьких лодок. Долго стояли. Потом стали проходить военные каторги. Было тридцать больших и малых каторг. Стреляли из множества пушек. Устроили большой парад. Было четырнадцать больших каторг и остальные маленькие, один большой галион. Говорили, что на нем установлены сто двадцать пушек и находятся тысяча пятьсот человек. Об этом галионе рассказывали мне, что он выстроен пятнадцать лет тому назад и это его первый выход. Очень был великолепный галион. За ним следовали еще два других галиона, и стали они в проливе Черного моря.

Двадцатого марта большой галион капитан-паша отошел в сопровождении пяти каторг. За ними следовали еще мелкие (судна).

Девятого апреля из Андрианополя пришла весть, что у султана родилась дочь и что три дня там длилась торжества, стреляли из пушек. Всел же пришла весть о рождении сына. В течение десяти дней стреляли из пушек. Три дня в честь дочери, семь дней в честь сына.

Константинополь в окружности шесть эджи, что равняется восемнадцати милям. В Константинополе, Галате, Пере и Скутари налогоплательщиками являются жители от пятнадцати до шестидесяти лет:

- Греков — сорок три тысячи душ,
- армян — семнадцать тысяч,
- среев — двенадцать тысяч,
- французов (католиков) — две тысячи душ,
- христиан приезжих — четыре тысячи,
- пленных галерщиков (каторжан) и иных — две тысячи,
- турок — четыреста семьдесят пять тысяч.

Французы (католики) и турки налогов не платят.

Семнадцать месяцев пробыл я в Константинополе и тринадцатого мая выехал оттуда. Французский (католический) посол определял нам путевое содержание. Нашли одного жителя Атиши¹, который совершал рейсы на корабле в Чанети². Удалили ему четыреста марчили, чтобы он доставил нас в Гурню³.

¹ Атиша — город на юго-западной стороне Грузии.
² Чанети — юго-западная провинция Грузии, ныне на территории Турции.
³ Гурня — область Западной Грузии; Гурнели — владетель Гурни.

в Кобулет¹, сдал там нас Гурвели и обратно доставил бы от него расписку о благополучном нашем прибытии. С него взяли обязательство, не брать на корабль никого, кроме своих двадцати корабельщиков. Он повез нас. Едва миновали Константинопольский пролив у входа в Черное море, как он привел на корабль турок, янычаров, янычар-агу и заполнял ими весь корабль. Я не мог найти себе места даже наверху, на палубе. Спустился на самый низ корабля. Сидел на своем мешке с сухарями и томился в горести. Я понял их вероломство, но что оставалось делать, ведь назад вернуться не было возможности. Он говорил нам лицемерные речи. Дули попутные ветры, и на десятый день прибыли мы в Атина к его дому. Он сказал мне, зайду, мол, к себе домой, отдохну дня два, выгружу этих турок с судна, они разойдутся по домам, а тебя доставлю с миром в Кобулет. Мне не оставалось ничего, как поверить ему. Вышли, турок выгрузил, отпустил всех. Раньше он известил трапезундского пашу, а затем и сенджака Гонно², что едет, дескать, такой большой человек, везет множество товара и католических миссионеров, что они послы и что их нужно задержать. Со мною ехали трое патеров-капуцинов для города Тбилиси и один патер-иезуит для Ширвана. Я вез один сундук, который мне дал испанский и французский посол, чтобы я переслал его в Исфагань. Ехал с нами также купец из Бурсы по имени Ходжа Айваз Чалаби с сыном для закупки шелка в Гяндже³. Четыре дня простояли мы там. А затем кораблеводитель заявил: я не могу отправиться в Гурию на корабле, ибо абхазцы восстали и я боюсь, а если вам угодно, поезжайте на маленьких лодках либо на Гурию, либо на Ахалцихе. Что мне оставалось делать. В одну лодку уехали Ходжа Айваз с его товарищами. В другую — я и патеры. Вот мы и отправились. Недолго мы шли вдоль берега. Началось волнение на море, и лодки оторвались друг от друга. Их лодку прибило к Хопи⁴, а нашу еще пониже. Там были турки, ко-

¹ Кобулет — город на побережье Черного моря, в 329 км от Тбилиси.

² Гонно — местность в Южной Грузии.

³ Гянджа — столица Гянджинского ханства, славилась производством высококачественного шелка, ныне г. Кировабад в Азербайджанской ССР.

⁴ Хопи — город на побережье Черного моря. Ныне на территории Турции, в 30 км. от Батуми.

торые везли пленных из Имеретии для продажи в Константинополь. Если бы мы не встретили их там, то погибли бы все. Они пришли нам на помощь, и мы выгрузились. Четверо суток оставались мы там. Волнение великое на море не прекращалось. Напали на нас чаны. Арестовали. Они очень измучили нас. Отняли у нас двадцать марчили. Вломали наши сундуки. Они оказались таможенными досмотрщиками и мучили нас. Я не заботился о себе, но был обеспокоен судьбой тех трех итальянских отцов, ибо они были иностранцами и не знали языка нашего. К тому же султаном был издан приказ, чтобы по Черному морю не смели путешествовать итальянцы или иные кто из западных граждан. Четверо суток пробыли мы там. На пятый день отплыли на лодке в Копи. Там встретили нас прямо на лодках от гонийского санджана. Арестовали нас, доставили в один дом. Нам не показывали даже Айваза. Меня и патеров поместили в одном помещенки. В то время приехали туда, оказывается, племянник ахалцихского пашин Алибек, который знал меня. Когда он узнал обо мне, прислал людей. Меня, патеров и вещи наши велел перенести в свое помещенки с большим почетом. В ту ночь пришел ко мне купец Айваз и сообщил мне, что этот Алибек завтра отбывает в Константинополь, у него корабль уже снаряжен. А когда он уедет, то нас настигнут и обойдутся с нами еще хуже. Теперь, мол, он спас нас, давай сделаем подношение местным властям, чтобы они не могли к нам придраться. Мне понравился (этот совет), и мы поднесли беку Гонно восемьдесят марчили. Утром Алибек приказал нанять для нас лошадей, дал нам в проводники одного из людей пашин и проводил нас. Айваз остался там. Мы поехали по направлению к Артануджи¹. Весь этот день ехали. К вечеру подъезжали к Чхала и остановились там. А тот гонийский бек, узнав об отъезде Алибека, в ту же ночь начал преследовать нас. На следующий день вутру он нагнал нас. Он обратился ко мне: ты, мол, спасай свои вещи, а этих католиков отдай мне, султаном запрещено их пребывание здесь. Я и слышать не хотел об этом. Как мог я отдать их! Всех нас поймали, все наши вещи и столик разорили и отдали нас в распоряжение анычаров и пешими погнали обратно в Гонно. У меня началась лихорадка. Нас везли по крутому подъему. Душа моя готова была расстаться с телом: стар я, болен и при том меня лихорадило.

¹ Артануджи — город в южной провинции, древний центр культуры, ныне на территории Грузии.

В кармане у меня оставалось шестьдесят плури, и те отняли они. Тем временем, оказывается, пришел к ним купец Айваз. Он заступался за меня: кого вы убиваете, о чем вы думаете, за кого, мол, принимаете его, знаете ли вы, что будет с вами из-за него! Он пришел ко мне. Нас бросили на вершине одной высокой горы. Он [Айваз] обещал нам четыреста марчили за наше освобождение. Сам же вернулся, чтобы принести серебро [выкуп]. Они потребовали заложником патера. Я отпустил их и моих слуг, а сам остался заложником. Вместе со мною задержали сына Давида Канделачи¹. Айваз ушел. Пока бы он вернулся с серебром [выкупом], стало смеркаться. Нам завязали руки, он, дескать, обманул нас с выкупом, и в темноте же погнала опять в Гонно. Дождь и туман. Мрак и крутой спуск. И чертим бы не пройти. Не выразить словами испытанных нами бедствий. Заполночь зашли по пути к одному. Уставшие без меры, мы задремали. Оказывается, в ту же ночь вернулся Айваз, принес выкуп за нас. Привели двух неоседланных лошадей. Нас разбудили, посадили на тех лошадей и повезли. Нагнал один янычар. Он ехал на неоседланной лошади. Отобрал у меня плащ от дождя и подложил его под себя. От холода и дождя мне сделалось хуже. Привели нас к купцу Айвазу. Пока мы спускались с горы, двух патеров поймали, оказывается, другие турки и увезли. Я узнал об этом. Как громом, поразило меня это. Купец Айваз проводил нас и сам уехал выкупать тех патеров. Уплатил за них шестьдесят марчили и привез их. Мы поехали. В Нигальском ущелье² то там, то здесь пересекали нам дорогу и мучили нас. Все время тратились деньги купца Айваза. Приехали в Артануджи. Супруга Исака-паши приняла нас хорошо. Отвела хорошее поместье. Приказала дать нам ужин. Дала нам и проводники одного своего агу [начальника]. В ту пору, когда мы прибыли к Артануджи, Ахалцихом³ правил Аслан-паша, двоюродный брат Исака-паши. В Артани⁴ он преградил нам путь и отнял у нас шестьсот марчили. Много еще потеряли мы

¹ Давид Канделачи — современник С.-С. Орбелиани.

² Нигальское ущелье — в юго-западной Грузии по течению р. Чороки.

³ Ахалцихе — город в Южной Грузии, 214 км к юго-западу от Тбилиси.

⁴ Артани — город в южной провинции, ныне в Турции.

[на этом пути]. Нам не дали с собой даже собак. Наконец достигли нашей страны. Прибыли в Абоца¹.

Карталинней правил в то время царь Иаса². Он, оказывается, женился на племяннице царя Георгия. Этого не полагалось ему делать, ибо он нарушил родственные связи. А ко мне он вовсе не был расположен. Много и задолжал купцам из Бурсы. Ведь я занимал у них, чтобы расплатиться за все, что у меня отняли в пути, и поэтому они не отпускали меня в Имеретию³. К тому же братья мои прослали человека предупредить меня, чтобы я не приезжал в Картли. Но делать было нечего, я приехал. Царь принял меня хорошо, но в нашей стране участились убийства, он уничтожил, оказывается, множество народа. Даже Тбилиси готовился подняться с места, чтобы укрыться в горы. Мои землевладельцы торопились с отъездом в Гвиджу за шелком. Был июль месяц. Грузинские епископы и духовенство были настроены ко мне враждебно за мою поездку в Рим, и они всех настроили против меня. Ни родные мои, ни друзья, ни царь, ни вельможи, никто не помог мне. Трудно было мне уплатить долг. В то время в Тбилиси жила одна моя престарелая крестная мать, правоверная католичка. Она стала обходить всех доброжелателей и ученых и в злое то время собрала столько, сколько у меня было долга, и уплатила всем моим землевладельцам.

А затем духовенство ополчилось против меня. Они вознамерились созвать собор и учинить мне зло. Но не смогли склонить царя на свою сторону. Царь этот правил всего три месяца, и после него воцарился царь Бакар⁴. Тому, ради кого принял я столь тяжкие муки и чьего воцарения жаждал всей душой, было всего пятнадцать лет, и его ввели в заблуждение. Ему внушали обо мне худое, и он забыл любовь мою к нему и все услуги мои. Во Мцхета созвали собор и потребовали от меня, чтобы я стал хулить святого папу. Я не смог отречься от истинной веры, и множество зла пожелали они мне. Но господь сохранил меня от всего. И царь склонился ко мне с уважением, и вероломство их было побеждено. [Весть] обо всем этом дошла, оказывается, до царя Вахтанга, он очень огорчился, бранил и порицал их.

¹ Абоца — город к юго-западу от Тбилиси, на территории Армянской ССР.

² Иаса — правил Карталинней с 1714 по 1716 год.

³ Имеретия — княжество в Западной Грузии, в XVII в. независимое царство.

⁴ Бакар — сын Вахтанга VI, годы царствования 1717—1719.

СТРАНИЦЫ ОДНОЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ МИССИИ

Истоки грузинской письменности восходят еще к языческим временам. Но первая памятник письменной литературы, дошедший до нас, — «Мученичество святой Шушаники», датируется пятым веком нашей эры. Автор его Яков Цуртavelи, выдающийся писатель той эпохи, произведение которого по своей яркой светлой окраске и мотивам, достойно считается одним из замечательных памятников агиографической литературы. Развиваясь последовательно, грузинская проза особенного блеска достигает при Сулхане-Саба Орбелиани.

Сулхан-Саба Орбелиани поднял грузинскую прозу на новую ступень, освободив ее от ранее довлеющей над ней религиозной тематики так же, как и от восточного героико-фантастического сюжета, и заложил основы новой грузинской прозы. Примечательно, что ведущим жанром литературы в те времена считалась поэзия, и только она находила признание в обществе. Сулхан-Саба Орбелиани с подлинной новаторской смелостью, без оглядки и колебаний, утвердил собственную манеру светского письма в художественной литературе и отстаивал право гражданства новой светлой грузинской прозы.

Его «Мудрость вымысла», книга незабвенно прекрасных басен, написанная в манере народного сказа, сразу приобщила широкий круг грузинского читателя к художественно-познавательной силе и обаянию новой прозы.

Произведение С.-С. Орбелиани «Путешествие в Европу», к сожалению, полностью дошедшее до нас, представляет интерес не только как первый образец мемуарно-путевого жанра в грузинской литературе. В нем с удивительной достоверностью отражается наиболее близкое историко-политическое и культурно-экономическое состояние грузинского царства, изнемогающего под натиском турецко-персидской агрессии. Внутренний потенциал страны был истощен, и надо было искать союз и защиты извне. Взоры правителей Грузии, естественно, обращались к христианскому миру и, в первую очередь, к единой России.

Грузинские цари и государственные деятели с давних пор проявляли пристальный интерес к северной соседке.

Со своей стороны, и Россия смотрела на Грузию как на преданную и надежную союзницу в борьбе с захватнической политикой Персии и Турции.

Грузинские патриоты глубоко верили, что Россия, будучи зани-

тересованной в упрочении своих южных границ, может стать надежной союзницей и могущественной защитницей их страны от турецко-персидского нашествия.

В борьбе против владычества Персии и Турции на Каспийском и Черном морях Грузия также представляла верную и надежную опору.

Восточные тираны жестоко карали грузинских царей за русскую ориентацию и подвергали Грузию частым и разорительным для страны нашествиям. Отдельные грузинские государственные деятели вынуждены были искать убежища в России.

В числе эмигрировавших в Россию царей особая роль в укреплении грузино-русских культурных связей принадлежит Арчелу Багратиону (1647—1713). Впоследствии же сын царя Арчила, царевич Александр стал ближайшим соратником русского императора Петра I и пользовался его особым расположением. Петр I брал его с собой в первую свою зарубежную поездку и оставил после себя в Гааге для изучения артиллерийского дела. Когда же Петр I отправился из Голландии в Англию, его сопровождали лишь самые приближенные и к нему лица и среди них был и царевич Александр.

По возвращении Петра в Россию Александр был поставлен во главе пушкарского приказа и возведен в новое для России звание генерала-фельдцейхмейстера. Ему была поручена организация всего артиллерийского дела.

Особенно интересные переговоры вел с Петром I иранский царь Вахтанг VI.

Петр I и Вахтанг VI во взаимных интересах разработали план общего действия для обуздания турецко-персидской агрессии, но общая ситуация того исторического момента помешала осуществлению этих планов, и грузинские политические деятели вынуждены были обратить свои взоры на более далекий от Грузии христианский мир. Это решение подкреплялось и тем, что к этому времени в западных странах стал возрастать интерес к Грузии.

В поисках новых рынков и торговых баз в связи с ростом торгового капитала западно-европейские страны ищут удобных и кратчайших путей для связи с Персией и Индией.

Со второй половины XVII века на морских путях безраздельно господствовал английский и голландский флот. Особенную трудность испытывала Франция. Нужно было искать удобные и безопасные сухопутные связи с Востоком, и, естественно, территория Грузии представляла для нее большой интерес.

Такая международная ситуация не могла ускользнуть из поля зрения грузинских деятелей, столь озабоченных судьбой своей страны.

Требовался решительный шаг для защиты родины от разорительных походов Оттоманской империи. Но государственные деятели не обольщались эфемерными расчетами на благородство или благотворительные жесты руководителей европейских стран. Требовалась реальная основа для того, чтобы заинтересовать их в защите маленького христианского государства.

И вот они стали заверять римского папу и французского короля, что не только будут оказывать вооруженное содействие войскам, следующим на Восток через грузинскую территорию, но будут также оказывать поддержку и католическим миссионерам, во множестве на-

правляющимися в Грузию, в обращении грузины к католическую веру. Так, французский путешественник и миссионер Ришар, побывавший в Грузии в ту пору, писал во Франции: «По совету Саба мы нашли удобный, легкий путь для наших французских купцов, которые смогут из Константинополя по Черному морю плавать в Грузию и в Иран».

И когда грузинские государственные деятели проявляли интерес к переходу в католичество населения своей страны, то с их стороны это был более политический акт, чем религиозный. Этих самым Грузия как бы связывалась с Римом и Францией в ожидании покровительства от них.

Вахтанг VI и Сулхан-Саба Орбелиани заверили римского папу, что в Грузии готова почва для принятия католической веры, в свою очередь, папа и французский король пользовались всяким удобным случаем, чтобы послать в Грузию католических миссионеров.

Вахтанг VI вел переписку с римским папой Климентом XI и королем Франции Людовиком XIV, которых заверил в возможности внедрения католической веры среди народов Кавказа. Во время своего пребывания в Риме Саба-Сулхан Орбелиани писал папе: «И до-кану королю, как легко обратиться в католичество все двадцать четыре густонаселенные провинции, а также многие соседние княжества, konsekции в ереси. И только ради спасения этих народов я предпринял столь долгое путешествие. И вот я пребываю здесь и припадаю к стопам внаисвятейшего и вернейшего сына церкви».

Католическая вера начинает пускаться корнями среди довольно широких слоев грузинского населения, и одним из первых принимает ее сам Сулхан Орбелиани. Совершенно справедливо замечает историк-академик Георгий Леонидзе: «Решительно должно заявить, что принятие католической веры Саба-Сулханом Орбелиани объясняется, главным образом, политическими целями. Вопрос принадлежности к католической лиге для Саба был лишь вопросом политической ориентации».

В создавшихся обстоятельствах этот шаг был необходимым для того, чтобы расположить к себе главу католической церкви и короля Франции и завоевать их доверие.

Путешествие в Европу для Сулхана-Саба Орбелиани не барская или романтическая прогулка измученного князя по роскошным паркам Парманы в Риме, не желание полюбоваться величественной итальянской или французской архитектурой, или насладиться волшебными произведениями искусства этих стран. Его гнала суровая историческая обстановка, угрожающая физическому существованию родной страны. Мудрый хранитель интересов своего народа, он искал путей для его спасения.

Картлийский царь Вахтанг VI, негласным заложником живший в Персии, обратился к своему воспитателю Сулхану-Саба Орбелиани, беспорочному и самоотверженному рателю за благо отчины, с предложенным еще один раз попытаться счастья и склонить христианнейшего папу римского заступиться за Грузию перед Людовиком XIV, чтобы «король-солнце» оказал помощь о выкупе царя христианской Грузии из мусульманского плена.

И С.-С. Орбелиани отправился в далекое и трудное для его возраста, к тому же опасное во тем времена путешествие.

Для переговоров в этой поездке С.-С. Орбелани нанял себе три основных вопроса:

1. Присылку католических миссионеров в Грузию; 2. Предоставление Франции транзитного торгового пути через Грузию; 3. Выкуп царя Вахтанга VI из персидского плена.

До отъезда в Европу Сулхан-Саба Орбелани вел деловую переписку как с папскими кардиналами, так и с королевскими министрами.

В Европе уже знали, что к ним едет человек, «признанный отцом всей Грузии».

И вот оснащенный соответствующей информацией и грамотами Сулхан-Саба Орбелани отбыл в Европу 17 августа 1713 года вместе с католическим миссионером Ришаром.

В Константинополе с большим почтением принял его французский посол Безалури и после соответствующих переговоров отправил через Марсель в Париж.

Мэр города Марселя господни Арду принял его с почтением, «приветствующим его [С.-С. Орбелани] происхождению и достоинству». О его прибытии во Францию срочно был извещен французский министр Турус, а сам Сулхан-Саба Орбелани еще из Марселя пишет через папскую канцелярию в Рим: «Чтобы в нашей стране преуменьшалась праведная вера, лучшей мерой надо полагать, чтобы великий король Франции склонил свои старания на помощь нашему царю. И уповаю я, что святой отец ваш [т. е. папа] первым пожелает благосклонно вразумить сына своего — короля Франции — и король Франции безотлагательно поможет, и тогда наш царь будет вымолен из плена. Ежели изволяете сообразоваться оказать нам милость сия, то дело это очень важно для нас, о чем обязан я вечью для Грузии и Грузии».

20 марта С.-С. Орбелани был принят министром короля Франции Шартрезом, а в апреле он лично предстал перед самим Людовиком XIV в Версале.

Король Франции принял грузинского дипломата с большим почтением и имел с ним длительную беседу.

Однако международная ситуация не благоприятствовала сознанию реальной поддержки Грузии со стороны Франции. И после вторичной аудиенции у французского короля, С.-С. Орбелани, обласканный и обладавший одними лишь добрыми посулами, выехал из Парижа.

Неудачу дипломатической миссии Орбелани обусловили еще тот факт, что почти одновременно с ним в Париж прибыл персидский посол Мохамед Риза-хан, которому был устроен помпезный прием, причем были приняты все меры, чтобы Мохамед Риза-хан не узнал о пребывании в Париже грузинского дипломата. Вот почему С.-С. Орбелани даже не сумел довести до желаемого конца свою миссию. Надо полагать, что прибытие персидского посла в Париж неслучайно совпало с пребыванием там С.-С. Орбелани. Карлский царь Вахтанг VI вел секретную переписку со своим воспитателем и другом С. Орбелани, а также с римским папой и французским послом. Однако для лазутчиков шведского двора это не было секретом. И вслед за отъездом Сулхана-Саба Орбелани во Францию был направлен Мохамед Риза-хан, чтобы сорвать миссию грузинского посла. Персидская дипломатия достигла цели тем более, что в ту пору Фран-

ция не могла ради Грузии поступиться относительно налаженными коммерческими и дипломатическими связями с Персией.

На Францию Саба выехал в Рим, где ему были обещаны такие же почести и выданы щедрые обещания. Римский папа красноречиво заверил его: «...если даже понадобится моя кровь для блага Вахтанга и твоей страны, и ту я готов пролить ради вас». Однако реально, кроме папского благословения, ничего не получив обманутый в своих надеждах многострадальный дипломат. Политическая миссия Сулхана-Саба Орбелиани оказалась бесплодной. Но мудрый, пылкий писатель, ведя почти ежедневные записи своих наблюдений и впечатлений, создал интересный памятник литературы в дневничково-мемуарном жанре, впервые появившемся в грузинской литературе.

До сих пор мы не располагаем полным текстом «Путешествия». Дошедшая до нас часть произведения начинается с момента, когда С.-С. Орбелиани покидает пределы Франции, и завершается его возвращением на родину. Таким образом, в имеющемся тексте нет описания его пребывания во Франции, но нетрудно понять, что эти записи велись.

Сулхан-Саба часто вспоминает Францию, ее дворцы и сады, ссылается на свои же описания и сравнивает их с впечатлениями, полученными в Италии. Нередко он отмечает, что та или другая достопримечательность Париза была им уже описана, как же эти описания неизвестны, они не дошли до нас. В «Путешествии» мы нередко встречаемся с подобными местами: В Риме «нам показали великолепные папские сады и фонтаны, но им далеко до королевских французских». Буржуазного морала «сады я также описал, подобно парижским...», «у одного вельможи в доме я видел нечто, чего не увидишь и в королевском дворце» и снова ссылается на описание Франции: «Я уже звалли французские сады и многое другое, но это лучше у них». Совершенно ясно, что у «Путешествия» была первая половина, в которой описывались французская действительность, но, к сожалению, этот раздел, как и многие другие памятники, стали жертвой бесчисленных исторических бедствий, обрушившихся на Грузию.

Но и дошедшая до нас часть «Путешествия» представляет собой законченный и цельный литературный памятник (в котором описана итальянская действительность), замечательное произведение мемуарного жанра.

Читателя «Путешествия» чарует авторская манера письма, точность и глубина наблюдений. Вне поля его зрения не остаются не только фрески замечательных римских храмов, но даже количество ступеней лестниц различных дворцов. С одинаковой скрупулезностью изучает и описывает он архитектурные детали, быт и нравы народа, постановку военного дела, политическую и культурную обстановку, причем все это делается очень обстоятельно, с большой достоверностью, в изысканной, законченной форме.

Стиль письма «Путешествия в Европу» с первого взгляда торопливый и сжатый до предела, поражает своей достоверностью, точностью и лаконичностью в передаче любых впечатлений дня. В них много места отводится фактам и действиям и гораздо меньше описаниям и отвлеченным рассуждениям.

Именно это и обуславливает несколько торопливый темп изложе-

ния, живость и динамичность ритма, чуждость и внутреннюю наполненность фразы... Для писателя материалом является слово, но он, подобно скульптору, как бы пользуется резцом и вытискивает каждую деталь в своем стиле. И все вместе окрашивается в удивительные лирические тона и приобретает эмоциональную окраску.

Чрезмерная детализация и обстоятельность повествования доходит порой до натурализма, но сглаживается поразительной лиричностью и эмоциональной живостью тона.

«Путешествие» — одна из тех книг, которые по-разному прочтываются и воспринимаются разными людьми. Каждый читатель их любит по-своему, находит в них то, что наиболее близко и понятно ему. Так и в «Путешествии» — одних чаруют воссоздаваемые автором величественные образы итальянского искусства, другие с интересом следят за подробным описанием великолепной архитектуры монастырей, многообразием картин быта и хозяйства, иные же с увлечением слушают пересказ тех легенд и сюжетных эпизодов, о которых с такой занимательностью повествует автор.

Органичное сочетание тонкой духовной организации рассказчика и лирического тона повествования с драматическими перспективами путешествия придают произведению захватывающую силу убеждения и пробуждают искреннюю человеческую симпатию и сочувствие к увлеченному седланам дипломату — верному сыну своей многострадальной родины.

С первого взгляда произведение кажется перегруженным описаниями.

Однако следует отметить, что это не обусловлено ни личным вкусом и склонностями автора, ни кругом его интересов.

В частности, грузинскому Дипломату, прибывшему с определенной государственной миссией в Европу, не было оказано никакой реальной помощи ни в Париже, ни в Риме, и он возвращался на родину обманутый в своих надеждах. Однако католической церкви неугоды было заносить обиду на Вактангу VI, и его посланцу, «отцу всей Грузии», у папы свои расчеты на Грузию. Вот почему церковникам даем указания компенсировать подтерпнутым вниманием неудачу миссии, погрузить посла в самую гущу религиозного уклада. Ему аналивают подчеркнутое внимание и заботу, показывают все достопримечательности католической церкви, бесчисленные святые мощи и реликвии, ослепляют демонстрацией богато обставленных ритуальных служб, величием церковным церемониалом. Заводят его стараются полностью завербовать его, обратить в надежную опору для себя в Грузии. Сулхан-Саба Орбелиани видит сам это подчеркнутое внимание к себе, тиготится им. «Грандук в коляске долго следовал за мной, — пишет С.-С. Орбелиани, — того не делают даже для королей». Ему показывают в виде исключения тайне соврошца, которые доступны для обозрения одним лишь королям. Его повесели посмотреть легендарное кольцо, которым Носиф обручил деву Марию, и когда народ узнал, что откроется врата той комнаты, где оно хранится, он хлынул в таком количестве, что задвинули одну женщину с ребенком на руках, а проход туда гостю прокладывали с оружием в руках. Разумеется, тайне почести — не простое гостеприимство, а продуманный тактический ход, с целью создать надежную опору для пропаганды католицизма в Грузии. Одновременно, заполняя все время

пребывания гостя бесчисленными приемами и посещениями каталонских достопримечательностей, хозяева лишили его возможности вести переговоры по интересующим его вопросам, обсуждать государственные дела, заниматься своей дипломатической миссией. И вместо реальных плодов столь многотрудного путешествия, Сулхану-Саба приходилось довольствоваться ролью паломника к «святым местам». Вместе с предпологаемыми встреч с политическими и общественными деятелями Запада, ему только и оставалось, что в монастырских стенах, воздев руни горе, молить бога о спасении своей отчизны.

И все же окруженный всегда церковной паствой, кардиналами и монахами С.-С. Орбеллиани пристально следит за европейской жизнью, за эволюционным и культурным укладом.

Еще Вахтанг VI поручал ему «...присматриваться ко всему, что может представлять интерес для царя [Грузии], ко всему достойному его народа, чтобы весь мир мог дивиться на него».

Вахтанг VI, так же как и С.-С. Орбеллиани, ставил перед собой большие государственные задачи. Во время пребывания в Европе С.-С. Орбеллиани, помимо дипломатической миссии, ставил перед собой задачу присмотреться и поближе узнать структуру и характер тамошней хозяйственно-экономической и общественно-культурной жизни с тем, чтобы по возвращении в Грузию по возможности и необходимости внедрить такие формы и у себя на родине.

С особенной полнотой и точностью описывает он производственные процессы той или иной отрасли хозяйства. Он присматривается, как производят сахар из тростника, как устроены ткацкие станки, как делается розовое масло, и описывает все эти технологические процессы не в общих чертах, а подробно, с удивительной точностью. Но этим кратким, но с профессиональной точностью сделанным запискам заинтересованный и деловой человек мог бы сам организовать ту или иную отрасль хозяйства. И это дает основание думать, что автор не без умысла прибегал к описанию таких точных подробностей, преследуя практические цели. Интересно, что сам автор записей предстает не пассивным обозревателем, а как опытный, практически заинтересованный человек, нередко вносящий свои дельные замечания по поводу замеченных им недостатков в той или другой отрасли. Он видит, что виноградник, разбитый на непригодном для этой культуры участке, весь погиб. Спрашивает, отчего это произошло, и в ответ говорит, что земля тут непригодная для виноградуника. «Да, но если она непригодна, почему же заложили его на таком большом пространстве?» — про себя задает вопрос Сулхан-Саба Орбеллиани, сын страны, где так высока культура разведения виноградуников.

Особое его внимание привлекло устройство лечебных учреждений, больниц, домов призрения, где хорошо поставлен уход за больными, он отмечает заботу и внимание к тем, кто нуждается в помощи и попадает туда. Он сожалеет, что граждане его страны лишены возможности пользоваться подобными общественными заведениями. Еще больше восхищение вызвало у него существование в европейских странах и в Риме, в частности, общественных читален и библиотек. Больше всего хотелось бы ему перенять эту прекрасную традицию для своей страны, чтобы молодежь могла бы широко пользоваться ими для своего образования. Он, как высокообразован-

ный грузинский просветитель и педагог, восторгается и тем, как много молодых людей из разных стран пользуются этими читальными и книгохранилищами для пополнения своих знаний, и с грустью отмечает, что среди них нет ни одного грузина. И сгорчение от этого обстоятельства так явно выразилось на его лице, что сопровождающий его слесарь не преминул заметить, что «грузина нет у нас ни одного. Присматривайте молодых людей, обучаем их наукам здесь и вернем обратно к вам».

С.-С. Орбелиани с особенной остротой испытывал боль за свой разоренный, обездоленный народ. Непрерывная борьба за сохранение своей национальной целостности, беспрерывные вторжения иноземных захватчиков лишь урывками позволяли грузинскому народу развивать его экономику и культуру. И великий гражданин и просветитель С.-С. Орбелиани немало сравнивает уровень европейской цивилизации с состоянием жизни в его родной стране и с горечью записывает в своем дневнике: «Дай Боже, чтобы хоть после меня стало лучше в моей стране!».

Факты и явления в «Путешествии» даются как бы в одном плане, без описания обстановки и без определенной целеустремленности, лишены каких бы то ни было отклонений и размышлений, тематически они выглядят несколько однообразными. Автор, записывающий свои впечатления, как бы торопится, боится не пропустить ничего из виденного и потому дает конспективным записям, заметкам. Но для того, чтобы придать повествованию большую легкость, динамичность и занимательность, Сулхан-Саба разнообразит и оживляет его сказочными эпизодами, легендами, передавая их со свойственной ему непосредственностью и мастерством. Переданные с характерной для народных притч естественностью и по своей композиционной завершенности, они, эти эпизоды, оставляют впечатление маленьких новелл. Так он рассказывает легенду о спящем доме, или хроника из истории острова Мальты. А легенда о языческом кумире предельно рассказана им с характерной для народных языческих легенд естественностью, а по композиционной цельности она напоминает новеллу. При этом тонкое светская новелла совершенно органически вписана в описание деревней и селитых местечек и радует читателя своей несониданностью. Так же увлекательны описания народных картин из итальянских и французских впечатлений. Он замечает разницу в укладе жизни разных народов. В частности и то, насколько активно участвуют женщины хозяйственно-торговых делами во Франции, в то время как в Италии одни только крестьяне нередко выносят на ближайший рынок продавать фрукты и овощи из собственного хозяйства.

С.-С. Орбелиани с радостью отмечает, что среди обучающихся в Риме молодых людей он встретил армянского юношу, который на одном переименовании исполнил песнопение. Он описывает армянские церкви и монастыри и сообщает, что во время поездки одну армянскую церковь, которую ему очень понравились. Также внимание к духовной жизни соседнего народа — одно из проявлений миролюбивого просветителя гуманизма.

Велика заслуга Сулхана-Сабы Орбелиани в развитии грузинской географической науки. Автор «Путешествия» предстает перед нами,

как эрудированный, с широкими географическими познаниями путешественник. Благодаря этому его путевые впечатления изобилуют ценными сведениями политического, экономического, военно-стратегического и исторического характера. Он поражает нас зрелостью географического языка, — четкостью терминов, лаконичностью описания, — которым воспроизводит яркие картины природы Средиземноморья. Дневник знакомит читателя с географией хозяйства и населением этих стран. Автор с особой тщательностью описывает береговую линию почти на всем пути следования, характеризует рельеф местности, озера, реки, дает сведения о погоде, климате, растительности, почвах.

Учитывая то, что приводимые сведения относятся к 250-летней давности, трудно переоценить историко-географическую значимость этого произведения. Именно поэтому с уверенностью можно предполагать, что осуществление русского перевода с не меньшим интересом будет встречено и за рубежом.

Наше издание, в отличие от всех предыдущих (на грузинском языке), снабжено картой, составленной на основе специального исследования Г. Д. Доддуа. Эта карта дает наглядное представление о пройденном Сулханом-Саба Орбелиани пути во время своего путешествия и не оставляет места ошибочным представлениям прежних исследователей о якобы посещениях С.-С. Орбелиани таких отдаленных от его маршрута стран, как Швейцария.

Энциклопедические познания и широкий интерес просветителя дают автору возможность с одного взгляда охватить самые разнообразные сферы жизни. При удивительной интенсивности и смелости письма «Путешествие в Бирому» является документом очень активного воздействия. Автор как бы хочет, чтобы виденное и описанное им обогатило его соотечественников сведениями и было бы практически применено в жизни. Не потому ли с поражающей читателя подробностью и старанием описывает он все, что попадает в поле его зрения! И тут энциклопедиста то и дело смекает ученый, дипломат писатель, и духовные интересы ученого и писателя перекрывают узкие, одноплановые интересы государственного чиновника. Многообразие и научная точность описания в «Путешествии» делают его своего рода справочником по европейской, в частности — итальянской культуре.

Совершенно справедливо пишет академик К. Кекелидзе: «Путешествие Сулхана-Саба Орбелиани дает богатый материал из истории археологии Италии, в частности, Рима. В этом смысле сведения, которые дает С.-С. Орбелиани, являются очень ценными для ученых, и надо сожалеть, что эти сведения до сих пор еще не опубликованы на других языках и, можно сказать, остаются неизвестными для нас»¹. Настоящий русский перевод восполняет этот пробел и предлагает русскому читателю еще один дополнительный материал о культурно-экономическом состоянии европейских народов в первой четверти восемнадцатого века.

Но тревога за свой народ, грусть о его бедственном состоянии ни на шаг не покидали Орбелиани. Обозревая то или иное произве-

¹ К. Кекелидзе, История грузинской литературы, т. II, стр. 471

денно живописи, архитектуры, либо культурно-просветительские очаги, он то и дело сокрушается, что нет того или иного тезиса из его родины. Однако он не спешит к самоуничижению или к напущенной скромности. При осмотре того или другого музея в Италии он не преминет отметить, что такой-то экспонат или музей такого типа имеется и в Грузии.

Так, при осмотре палеонтологического музея в Риме он замечает, что в одноименном дворцовом музее Вахтанга VI имеются более интересные и ценные экспонаты. Из этого замечания, мимоходом оброненного им, мы узнаем, что своеобразный палеонтологический и зоологический музей существовал у нас при нарталинском царском дворце.

Сулхан-Саба Орбелиани реалистично отмечает случаи, когда итальянские прероды, отдельные ее пейзажи или вид, или какая-нибудь деталь в одежде местных жителей напоминают ему Грузию. А во вкусе ему кажется самым приятным на вкус то, которое напоминает атежское вино.

Редко, когда личная биография какого-либо писателя бывает так тесно переплетена с историей своего народа, как у Сулхана-Саба Орбелиани. Его трудный жизненный путь, осложненный сложными драматическими событиями, требующими каждый раз большого духовного напряжения, является как бы страницей трагической истории всего народа.

Будучи человеком неиссякаемой энергии, глубоких страстей и большого ума, он всегда оказывался в центре важнейших событий в жизни своего народа. Никогда он не жаловался на превратности жизни, не рассказывал о тяготах своих, о личных переживаниях. И даже во время своего многотрудного для его возраста путешествия в Европу он одержим одной только заботой — собрать как можно больше сведений, полезных для жизни грузинского народа, приобрести его в лучшем достижении европейской цивилизации. И только этой заботой пронизаны подробные записки замеченных им успехов в самых разнообразных отраслях хозяйственно-экономической и культурной жизни далеких от его родины стран.

Но вот он приближается к владениям Турции, и отношение его к окружающим явлениям резко меняется. Здесь он не видит ни достижений в науке и искусствах, ни хотя бы относительно упорядоченного правопорядка общественной жизни. Здесь беспринципно господствует грубая сила. Читателя потрясает драматическое, напряженное развитие событий. С удивительной искренностью и непосредственностью рассказывает о них С.-С. Орбелиани на последних страницах дневника.

По прибытии в Мальту Сулхан-Саба Орбелиани был взволнован встречей с грузинскими юношами и девушками, помещенными турками из самых различных районов Грузии. Эти девушки и юноши умоляли своего великого соотечественника помочь им, взять с собой на корабль. Но путь его лежал через Стамбул и это не могло остаться незамеченным. Еще хуже ему стало от встречи с грузинским мальчиком, которого продавали на стамбульском невельничьем рынке.

Грузинский советский поэт Мухран Мачавариани с большой экспрессией пишет об этом в своем стихотворении:

90 11/1330

Как этот ребенок,
Мала его Грузия, ее продают,
Как ребенка этого,
Когда же она прорвется сквозь муку
Туда, где не слезы дождят на маму?!

Так думал Саба посохоруний,
А рядом с ним шел черноглазый мальчик.

В самом Константинополе, — отмечает Сулхан-Саба Орбелшани, — «нет ни мира, ни справедливости».

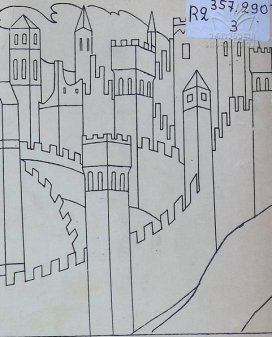
Ограбленный, оскорбленный на старости лет, вернулся на родину большой писатель и видный общественный деятель Сулхан-Саба Орбелшани. Тот же Мухран Мачахариани воспеивает вдохновенные строки его сложной, самоотверженной жизни:

Нет дождя! —
Отчего же ресницы мокры у Саба?
Нет снега! —
Отчего же побелела голова у Саба?
Нет мороза! —
Отчего же дрожат Саба?
Печаль его родины,
Боль ее слез для него —
И дождь,
И снег,
И мороз...

Одну-единственную заботу пронес через всю жизнь Сулхан-Саба Орбелшани, об одном печалился, об одном радел всем существом своим. Этим священным чувством любви и преданности своему народу, своей стране пронизано его, небольшое по объему, но глубоко познавательное произведение — «Путешествие в Европу».

Редакт. БАРАМИДЗЕ

R2 357,290
3

51 коп.